

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

2(30)
2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э.
(Венгрия), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан),
Сергеев М. Ю. (США), Теймури В. (Иран), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И.
(Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2019.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Иноземцев В. Л.** Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего 3
- Ту Вэймин.** Духовный гуманизм: личность, социум, Земля и Небо 16
- Чумаков А. Н.** Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы 38

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Урсул А. Д.** Становление образования глобального мира 49
- Попкова Н. В.** Формирование глобальной техносферы: этапы и перспективы 61
- Антипина Е. В.** Теории циклического развития в XX – начале XXI в.: кризис теории в эпоху цифровой революции 74

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Мищенко Я. В.** Глобальный аспект атомной энергобезопасности (на примере Японии после аварии на АЭС «Фукусима-1») 87
- Столяров В. И.** Провал гуманистической миссии олимпизма и гуманистическое спортивное движение как глобальная проблема современного мира 97
- Кузнецова Т. Ф.** Цифровая культура в свете теоретических основ новой институциональной экономики 111

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Ванюрихин Г. И.** Карл Маркс и проблемы общественного самоуправления (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) 121
- Чжан Гуанчжи.** Многополярное, гармоничное сосуществование, совместное будущее и создание «сообщества единой судьбы» ... 129
- Кочетов Э. Г.** Контур будущего России: стратегия «Геоэкономический ход» 136

IN MEMORIAM

- Гиросов Эдуард Владимирович (26 июля 1932 г. – 26 мая 2019 г.) 149
- Contents* 151

ТЕОРИЯ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО*

Иноземцев В. Л.**

В статье, написанной на основе одного из недавних докладов на международной конференции, автор оценивает роль современной глобализации в экономическом развитии отдельных регионов и государств, подчеркивая ее несомненно позитивное влияние как на ведущие, так и на догоняющие страны. Особое внимание уделяется политическому «самосознанию» экономики успешных периферийных обществ и стремлению их элит дополнить хозяйственные успехи повышением военного и геополитического веса своих государств. Обращаясь к истории предшествующей волны глобализации (1870–1914 гг.), автор отмечает, что военно-политические амбиции новых игроков стали основной предпосылкой конфронтации, приведшей к Первой мировой войне и обусловленной ею деглобализации. Проводя параллели между ситуацией конца XIX и начала XXI столетия, он приходит к выводу о том, что сегодня особенно опасны попытки новых экономических игроков (emerging markets) превратиться в новые центры силы (emerging powers). В статье утверждается, что оптимальной стратегией поведения крупных экономик является упрочение их военно-политического потенциала до уровня, исключающего агрессию со стороны других ведущих держав при воздержании от попыток оспорить их существующую иерархию. Оценивая потенциал устойчивости развитых и догоняющих экономик, автор приходит к выводу о критической важности сохранения Соединенных Штатов в их роли главного мотора современной глобализации и безрассудности попыток изменения сложившегося мирового порядка любыми неэкономическими методами.

Ключевые слова: глобализация, догоняющее развитие, великие державы, emerging markets, Первая мировая война, Соединенные Штаты Америки, Китай, Российская Федерация.

In the article based on his recent presentation at one of the international conferences the author evaluates the current impact of globalization on the economic development of different regions and nations with special attention to its definitely

---

* Статья подготовлена на основе выступления автора на секции «Экономическая глобализация и ее культурное измерение» Пятой ежегодной конференции Всемирного культурного форума (World Cultural Forum) в Пекине (КНР) 20 октября 2018 г.

** Иноземцев Владислав Леонидович – д. э. н., основатель и директор Центра исследований постиндустриального общества, член научного совета Российского совета по международным делам и международного редакционного совета журнала «Век глобализации». E-mail: slava_in@hotmail.com.

positive effect for both advanced and catching-up countries. He focuses on the political 'self-consciousness' of economically successful peripheral nations as well on their elites' desire to complement these economic achievements with increase in military and geopolitical 'weight' of corresponding states. Turning his attention to former 'waves' of globalization, first of all to the one that evolved between 1870 and 1914, the author argues that there were military and political ambitions of the newly emerged actors that became the major impulse to a confrontation which culminated in the World War I and in the massive 'de-globalization' that followed. Drawing parallels between the late 19th century and the early 21st one, he concludes that today the attempts of the emerging markets to turn into 'emerging powers' seem to be the most risky moves that one might record in international politics. The author suggests that the best strategy the growing economies may apply is to develop their military force and political influence up to a point which will make an attack by another great power impossible but to refrain from any attempt to challenge the existing global hierarchies. Overlooking the sources of growth of both developed and catching-up economies, he argues that preservation of the current role and international position of the United States as globalization's most potent engine is critically important and the attempts to change the existing world order by non-economic means seems to be reckless adventures able to wipe off all the gains achieved in recent decades.

Keywords: *globalization, catching-up development, great powers, emerging markets, World War I, the United States of America, People's Republic of China, the Russian Federation.*

Сегодня достаточно бросить беглый взгляд на первые страницы газет и журналов, чтобы убедиться: глобализация, которая всего двадцать лет назад повсеместно считалась доминирующим трендом, если и не вызывает единодушного разочарования, то подвергается атакам и нападкам со многих направлений. Закрытие границ в попытках бороться с нелегальными мигрантами [см., например: Salam 2018], введение таможенных барьеров для ограничения недобросовестной конкуренции [подробнее см.: Ghemawat 2017], распространение практики налогообложения экспортных и импортных санкций [наиболее подробно тема освещена в: Economic... 2015] – все это, а также многое другое заставляет усомниться в обнадеживающих перспективах глобализации. Не только политики, но и интеллектуалы вносят свой вклад в дискредитацию глобальных процессов, объявляя их главной причиной роста неравенства [см.: Stiglitz 2002; Firebaugh 2003; Milanovic 2005 etc.], источником разрушения «традиционных» нравственных устоев и средством, позволяющим богатым и успешным державам доминировать над мировой периферией и эксплуатировать ее [Chomsky 1999; Klein 2008 etc.].

Конечно, в этой критике много – я бы даже сказал, чересчур много – эмоций. Если присмотреться поближе, легко убедиться, что «возрождения протекционизма» как не было, так и нет. По состоянию на 2015 г. средний таможенный тариф для всех стран – членов ВТО находился на уровне в 7,45 %, причем он был в разы меньше у входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития успешных стран (2,24 %), чем, например, у государств Африки (11,1 %) (по данным Всемирного банка, см.: [Tariff... 2019]). Достаточно сравнить это с реалиями 1960-х гг., когда средний размер пошлин в США и Европе составлял

«всего» 10 % [Canto 1983–1984: 682], не говоря о конце XIX в., когда в Америке после принятия в 1897 г. Закона Дингли он составлял около 30 % [Dobson 1976: 18, fig. 2], чтобы не сомневаться в том, что мы живем в самую глобальную эпоху. Можно, лукавя, говорить, что в начале XX столетия международные миграции были масштабнее сегодняшних, но нельзя не видеть ни того, что в те времена они были ограничены практически исключительно Атлантическим регионом, ни того, что движение людей не было «маятниковым», в то время как сейчас мигранты практически никогда не теряют связей с родиной. Санкции можно критиковать, но не стоит забывать, что они гораздо мягче распространенных сто лет назад блокад или эмбарго, да и попадают под них товары и услуги, не составляющие и одного процента глобальных торговых потоков.

Иначе говоря, несмотря на все политизированные дебаты вокруг глобализации, процесс формирования все более единой мировой экономики отнюдь не остановился. Более того, именно масштаб идеологического сопротивления дает основание полагать, что он идет все активнее и затрагивает все более широкие массы людей поистине в самых отдаленных уголках планеты.

За последние двадцать лет мы не раз и не два слышали о потрясениях, якобы спровоцированных глобализацией – как и о том, что «мир уже не будет прежним», в чем нас убеждали после каждого из них. Однако на поверку все оказалось менее драматично, и фундаментальные тренды сохранялись неизменными. В разгар кризиса 1997 г. мало кто мог удержаться от утверждения, что Восточная Азия уже никогда не поднимется, но сегодня суммарная доля стран региона в глобальном ВВП почти в 2,5 раза больше, чем накануне азиатского кризиса¹ – в том числе и потому, что свободная торговля позволила им воспользоваться девальвацией своих валют для увеличения экспорта. В начале 2000-х гг. многие злорадно потирали руки, наблюдая за обрушением котировок технологических «пустышек», предвкусывая крах информационной экономики и возвышение индустриальных и сырьевых держав. Но в 2008 г. «Газпром» только на несколько недель превысил по своей капитализации *Microsoft*, а *PetroChina* в 2007-м стала первой в истории компанией-«триллионником» только на один день, в момент ее размещения на бирже²; 15 лет спустя *Amazon.com* стоит в 30 раз дороже, чем в 2003 г.³, не говоря уже о появившихся с тех пор *Facebook* и *Google*. Кто из альтерглобалистов не радовался, казалось бы, «окончательному краху» американской финансовой системы в 2008 г.! Но с тех пор недвижимость в США подорожала на 11–12 % по сравнению с докризисным уровнем цен, фондовый рынок вырос на 88 %, а вложения иностранцев в долларовые казначейские облигации – почти в 2,7 раза⁴. Как и в 1990-е г., корпорации с максимальным проникновением за пределы национальных границ развиваются быстрее всего, ориентированные на завоевание новых

---

¹ Статистика по Южной Корее, Китаю, Гонконгу, Тайваню, Филиппинам, Индонезии, Малайзии и Таиланду, 1996 и 2017 гг., рассчитано по: [Ranking... 1996; GDP... 2019; List... 2019].

² См. относительно «Газпрома» и *Microsoft*: [Prices... 2008]; относительно *PetroChina*: [Watts, Wearden 2007].

³ Рассчитано по данным: [Amazon...].

⁴ Данные по рынку недвижимости приведены по *Case-Shiller Index* [S&P... 2019]; по фондовому рынку: [S&P500...]; по владению казначейскими облигациями: [Major... 2019].

рынков (а не на пресловутое «импортозамещение») страны оказываются особо успешными, а внутренняя сложность мировой экономики продолжает расти.

Экономика всегда предпочитает открытость замкнутости, а максимально широкие масштабы – любому виду ограничений, и поэтому никакой экономической кризис не способен положить конец глобализации. Традиционные циклы приводят лишь к естественному очищению экономики, и ни один из таковых не угрожает развитию единого всемирного хозяйственного организма.

Однако в мире существует не только экономика, но и политика, и если мы вспомним предшествующую историю, окажется, что именно она несла в себе основную угрозу для глобализации. Совсем недавно мир отметил столетие завершения Первой мировой войны, которая в свое время, согласно консенсусным оценкам, положила конец предыдущей волне глобализации, которая нарастала в мире начиная с 1870-х гг.⁵ Именно тот период часто считается золотым веком международной торговли, инвестиций и миграции; и действительно, сложно не заметить, насколько стремительно завязывались на рубеже XIX и XX вв. экономические связи между различными регионами и как быстро формировались контуры глобального хозяйства. Сегодня, как мне кажется, мир вступает в период, во многом схожий с излетом предшествующей глобализационной волны, – период, когда политические препятствия глобализации намного превосходят все порожденные экономикой вызовы, с которыми она только может столкнуться.

Сходство конца первой четверти XXI столетия и последних лет XIX в. определяется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, оба эти периода характеризовались появлением и быстрым подъемом новых экономических игроков. Более ста лет назад ими были Германия в Западной Европе, Соединенные Штаты в Северной Америке и Россия на Евразийском континенте; сегодня таковыми можно считать Китай, Турцию, Бразилию и, в значительно меньшей мере, Россию. С 1990-х гг. все эти страны обозначались как *emerging markets*, и их восхождение изменило мир ничуть не меньше, чем подъем Германии и США немногим более ста лет тому назад. За тридцать лет, с 1988 по 2017 г., ВВП Китая по ППС в отношении к США вырос приблизительно в той же пропорции (с 19,6 % до 109 %), как ВВП самих Соединенных Штатов по отношению к Великобритании между 1840 и 1913 гг. (с 42 % до 230 %)⁶. Безусловно, экономический рост Китая в последние годы не выглядит таким самодостаточным, каким был рост США на рубеже XIX и XX столетий (сегодня китайский экспорт достигает 18,5 % номинального ВВП, а в Америке в те времена показатель не поднимался выше 3,5 %)⁷, но это имеет не только позитивную сторону: гигантский новичок воспринимается остальными игроками с опаской, если выражаться наиболее мягко. Первая волна глобализации во многом иссякла вследствие неспособности Европы «переварить» Германию и Россию, и наивно

⁵ В зависимости от того, считают ли исследователи период Великих географических открытий и эпоху ранней европейской экспансии проявлением глобализации, эту волну называют второй [см.: Robertson 2003: 18–26] или первой [см.: Frank 2015: 34–37 или Nugent 1992: 9–11].

⁶ Показатели КНР и США – по данным Всемирного банка: [DataBank...]; по США и Великобритании см.: [Maddison 2007: 379, table A4].

⁷ См. данные по США за 1900 г.: [Amadeo 2019; International... 1962]; данные по Китаю за 2017 г.: [China GDP...; China: Export...].

предполагать, что возвышение того же Китая не вызовет в конечном счете более жесткой реакции западного мира (собственно говоря, как раз она и начинает проявляться сейчас в американской политике, см., например: [Holmes, Yoshihara 2017]).

Во-вторых, сегодня становится все более отчетливым и другой тренд: новые крупные игроки, во многом порожденные либеральной мировой экономикой, начинают активно оспаривать если не ее принципы (в 2017 г. Си Цзиньпин говорил о том, что Китай сам готов подхватить знамя свободной торговли, если США увлекутся протекционизмом [Full... 2017]), то статус прежних лидеров. Китай вышел на второе место по военным расходам и наращивает присутствие в Тихом океане; Россия провоцирует конфликты по своему периметру и стремится закрепиться на Ближнем Востоке; Турция намерена стать доминирующей державой всего мусульманского мира. Некоторые авторы сегодня прямо сравнивают Китай с Германией образца начала XX в., утверждая, что дальнейший рост его военного потенциала приведет к прямому столкновению с США, как усиление германского флота сделало неизбежным конфликт с Великобританией [подробнее см.: Luttwak 2012; Mead 2010; Nye 2014]. Совершенно неслучайно теории «конца истории», столь популярные в середине 1990-х гг. [подробнее см.: Fukuyama 1989; 1992], уже к середине 2000-х сменились идеями ее «возобновления» [Белл 2002] или «возвращения» [см.: Kagan 2008]. *Emerging markets*, чье появление не так давно приветствовал весь мир, пытаются доказать самим себе и всем остальным игрокам, что они являются также и *emerging powers*, а это уже не вызывает никакого энтузиазма. Успехи экономической глобализации рождают новые политические полюсы, а исторически именно этот процесс и нес в себе самую значимую угрозу становлению хозяйственно единого мира.

В-третьих, и сейчас в общемировом масштабе, и более ста лет назад в Европе новые возвышающиеся державы несли в себе мощный элемент политической архаичности. Германия и Россия в начале XX в. были монархиями с очень небольшими традициями политического представительства; при этом каждая из данных стран была империей, грезившей территориальным расширением. Сегодня три самых крупных ревизионистских силы в Евразии – Китай, Россия и Турция – практически одновременно переходят от несовершенных демократий, по сути, к пожизненному авторитарному правлению [см.: Buckley, Bradsher 2018; Turkey... 2017; Weir] и в то же время стремятся подвести под свои серьезные политические притязания отнюдь не глобальные идеологии. Все они не готовы удовлетворяться экономическими успехами, достигнутыми за счет использования возможностей, открываемых внешним миром, и стремятся достичь политического возвышения, хорошо помня те «унижения», которые им пришлось перенести от «коллективного Запада» в течение XX в. – от «демонтажа» Османской империи в 1910-е гг. и фактической потери Китаем независимости в 1930-е гг. до поражения в холодной войне в 1980-е гг. и распада Советского Союза, воспринимаемого нынешней отечественной элитой как «та же Россия, только называвшаяся по-другому» [Полный... 2011]. Экономика, которая в условиях глобализации должна была, как казалось, стать единственным определяющим социальное развитие инструментом, превращается в средство достижения политических целей.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Страны, которые в начале XX столетия превратились в новых лидеров – это относится и к Германии, и к США, – за полвека до этого практически вообще отсутствовали на экономической карте мира. Невероятно быстрые собственное развитие и интеграция в мировую экономику дополнили политические амбиции этих держав. Может показаться странным, но Китай и СССР те же полвека назад, в начале 1970-х гг., были наименее интегрированными в глобальную экономику государствами (китайский экспорт составлял 2,5 % ВВП, а советский – 3,1 % против 8,2 % у США, 15,2 % у ФРГ и 15,9 % – у Франции⁸; прямые иностранные инвестиции в их экономики отсутствовали как явление). Своего рода «кессонная болезнь» во многом обусловила возникновение как американского, так и германского империализма; однако если первый сублимировался в локальном конфликте с Испанией, при оккупации Кубы и Филиппин [см.: Hoganson 2016; Kinzer 2017], то второй в конечном счете вверг мир в войну планетарного масштаба. Сегодня, на мой взгляд, точно таким же недугом страдают как китайские, так и российские власти, что обуславливает схожие угрозы, чреватые военно-политическими конфликтами, масштаб которых чрезвычайно сложно предугадать.

При этом, однако, существует фундаментальное отличие глобализации конца XIX в. от глобализации начала XXI в., заключающееся в статусе и роли основного центра обоих этих процессов.

Прежняя волна глобализации характеризовалась тремя чертами: евроцентричностью, доминированием межгосударственных взаимодействий и принудительным характером вовлечения в процесс периферийных территорий. В то время европейские страны задавали жесткие политические стандарты (процесс мог, скорее, называться не глобализацией, а вестернизацией [подробнее см.: von Laue 1987; Latouche 1996]), но при этом провоцировали не столько развитие, сколько упадок периферии (если в конце 1830-х гг. на долю последней приходилось более 50 % мирового промышленного производства, то к 1913 г. этот показатель снизился до 7,5 % [см.: Baldwin, Martine 1999: 4]) и практически ничего не перенимали из остального мира. Основным способом поддержания глобальных связей были межгосударственные контакты, а крупные компании либо действовали от имени и в интересах правительства, либо только начинали выходить из их тени. Наконец, расширение границ «цивилизованного» мира осуществлялось через военный контроль над периферией – что, собственно, было отмечено в самом понятии империализма [см.: Hobson 1902: 30–45; Ленин 1969: 387–389]. Экономические потребности в глобализации подталкивали правительства к действиям – но при этом сама хозяйственная глобализация, несомненно, следовала за политической, а не предшествовала ей.

Сегодня в каждом из этих аспектов мы наблюдаем прямо противоположную картину. Атлантический мир по-прежнему задает определенные стандарты – но, в отличие от ситуации столетней давности, никого не принуждает им следовать и распространяет по миру в лучшем случае свои технологии, но никак не своих представителей: миграции сегодня направлены не из центра на периферию, а в обратную сторону. Экономика стала намного более свободной от политиче-

---

⁸ Данные за 1970 г. по: [Exports...].

ского «прикрытия»: глобальные корпорации действуют безо всякой поддержки своих государств и часто превосходят по масштабам некоторые из тех стран, в которых им приходится работать; что особенно важно, многие критически значимые процессы – такие, например, как ценообразование на биржевые товары или движения на финансовых рынках – обусловлены никак не контролируруемыми государственными властями трендами, и поэтому глобальная экономика вовсе не является простой суммой национальных [Белл, Иноземцев 2007: 49]. И, разумеется, сейчас никто не пытается нести глобализацию силой оружия и контролировать ту или иную чужую территорию: экономическая эксплуатация стала гораздо эффективнее политической [Inosemzew, Lebedew 2016: 3], а любая страна, не желающая присоединяться к глобальным процессам, имеет все возможности им противостоять (достаточно посмотреть на Кубу или Северную Корею). Сегодня политика отстает от экономики в глобальных процессах, поэтому пресловутое «возвращение истории» выглядит в наше время особенно иррациональным.

При этом следует подчеркнуть – хотя это может очень не нравиться многим в Китае или России, – что лидер нынешней глобализации Соединенные Штаты позитивно выделяются на фоне той же Великобритании столетней давности. Они не пытаются военным образом колонизировать мир и, если и проводят в некоторых случаях агрессивную политику, не устанавливают нигде свой политический контроль и не эксплуатируют экономически те или иные территории (не говоря уже о том, что они не пытаются присоединять их или как-то иначе инкорпорировать в свой состав). При этом экономически США сегодня выглядят одной из наименее дисбалансированных систем: их хозяйственный рост устойчив и обусловлен развитием в основном внутреннего спроса; закредитованность экономики умеренна: с 2008 по 2017 г. долг корпоративного сектора вырос с 22,8 до 30,9 % ВВП, что соответствует приросту в 0,8 % ВВП в год (против 6,9 % ВВП ежегодно в случае Китая, где задолженность корпораций превышает на данный момент... 172 % ВВП)⁹; дефицит американской внешней торговли (или, по сути, незаработанные доходы) составил в 2017 г. 2,9 % ВВП (в то время как у России объем нефтегазового экспорта, по сути столь же незаработанные средства, достиг 12 % ВВП, а, к примеру, у Саудовской Аравии – 29,2 %) ¹⁰. Я не говорю о том, что Америка обеспечивает сегодня миру огромный (и бесплатный) технологический трансферт в самых разнообразных формах: от обучения сотен тысяч иностранных студентов и создания информационных технологий, которыми мир пользуется безвозмездно, до использования американских *know-how* многими компаниями периферийных стран – как легального, сопровождающего перенос производств, так и несанкционированного, масштабы которого растут. Соединенные Штаты к тому же выполняют роль крупнейшего в мире импортера, а доллар как глобальная валюта обеспечивает устойчивость мировой экономики ввиду своего неограниченного предложения (напомню, что одной из причин Великой депрессии было как раз отсутствие подобного источника денежной подпитки, обусловленное приверженностью ведущих стран золотому стандарту [James 2001: 72–74]). Эти об-

⁹ Данные по США (корпоративный долг, ВВП в текущих ценах) взяты с сайта *FRED Economic Research* (<https://fred.stlouisfed.org>); по КНР см.: [Ezrati 2018].

¹⁰ По США см.: [Wieseman 2008; Gross...]; по России: [Доходы... 2018]; по Саудовской Аравии: [Economy...].

стоятельства в полной мере проявились после завершения холодной войны: с середины 1980-х до конца 2010-х гг. глобальное богатство выросло (в номинальных долларах) более чем в 5,8 раза¹¹ (для того, чтобы показать такой же результат, в прошлом мировой экономике потребовался почти весь XIX век [DeLong 1998]), а число людей, живущих в нищете, сократилось с 1990 г. почти на 1,3 млрд человек, что соответствует темпу в 137 тыс. человек в день [Roser, Ortiz-Ospina 2017]. Современная глобализация при всех ее недостатках является наиболее инклюзивным типом экономического развития из всех, которые были известны истории, и попытки пустить ее под откос представляются крайне недальновидными и угрожающими не столько передовым странам, сколько тем, кто успешно включился в организованную ими гонку преследования.

Если сегодня оглянуться на развитие мировой экономики в прошедшем столетии, диссонанс экономических успехов и политических «достижений» кажется очевидным. Страны, которые на этапе формирования современного индустриального общества сумели – как Германия, Япония и Россия – найти рецепт самого быстрого экономического роста, но не смогли преодолеть соблазн превратиться из *emerging markets* в *emerging powers*, потратили десятилетия и пожертвовали миллионами жизней как своих, так и чужих граждан во имя достижения этой иллюзорной цели, придя в итоге к поражению в военном или политическом противостоянии и к хозяйственной катастрофе. Геополитические цели в XX в. были самым опасным врагом экономического процветания, а политическое доминирование над миром по сути исключало (рано или поздно) экономическое. Соединенные Штаты оказались единственной из великих держав, которые в прошлом столетии ни разу не воевали за расширение собственной территории; соответственно, никаких частей своей территории не теряли; реваншизмом не страдали, и скорее даже экономически выиграли от двух мировых войн, потому что вступили в них позже остальных великих держав, понесли меньшие потери и участвовали в этих конфликтах прежде всего экономически. История тех же Германии и Японии в послевоенный период также продемонстрировала, что в случае отказа от (гео)политических притязаний эти ранее экономически успешные страны смогли повторить свои истории успеха в неменьшем масштабе. Сегодня, когда экономическая глобализация по ряду причин требует политической составляющей гораздо меньше, чем сто лет тому назад, и когда экономический подъем новых игроков не вызывает практически никакой негативной политической реакции прежних (возвышение того же Китая при очевидном непротивлении западного мира – лучший тому пример), оправдать военно-политические «упражнения» выигравших от глобализации периферийных стран крайне сложно.

Если взглянуть на те же тренды под иным углом, окажется, что в условиях такой экономической глобализации, которая постоянно продуцирует реальные или воображаемые геополитические противоречия, в оптимальной позиции оказываются игроки, принципиально игнорирующие политическую составляющую. Такими, разумеется, могут быть самые мощные державы – просто потому, что большинство остальных крупные конфликты, в случае если они разразятся, так или иначе затронут. Экономическая мощь того или иного государства в условиях

---

¹¹ Рассчитано по: [The World...].

прогрессирующей хозяйственной глобализации используется по прямому назначению только в том случае, если она порождает у всех прочих стран боязнь втянуть такого гиганта в политические и военные конфликты. Это утверждение, вытекающее из всей истории XX столетия, представляется исключительно важным для адекватной оценки геополитической обстановки, формирующейся во все более взаимозависимом мире.

Сегодня становится общим местом, что в мире есть одна доминирующая держава, своего рода *indispensable nation*¹² – Соединенные Штаты [Bremmer 2015], которые стремятся к сохранению своего геополитического статуса, и две крупных «ревизионистских» страны – Китай и Россия [см., например: Levin 2007; Smith 2013 *etc.*]. Последние обладают несопоставимым экономическим весом, проделали на протяжении последних тридцати лет совершенно разный исторический путь и располагают отличными друг от друга инструментами влияния на обстановку в мире. Однако они, в лучших традициях геополитики, оппонируют США просто в силу того, что «статус доминирующей державы автоматически порождает в других странах желание ослабить ее позицию» [Киссинджер 2002: 287]. Как и в XX столетии, Соединенные Штаты, несомненно, не пойдут на обострение, которое могло бы перерасти в серьезный конфликт, если не столкнутся с прямой агрессией в своем отношении. При этом руководству и Китая, и России нужно понимать, что как экономический рост КНР, так и хозяйственное возрождение РФ вызваны исключительно повышательным трендом мировой экономики, который был задан однополярной глобализацией, подталкиваемой Америкой: именно американский спрос и американские инвестиции в 1990-е гг. запустили «китайское экономическое чудо»; именно формирование нового центра индустриального производства в Китае подтолкнуло спрос на ресурсы, а с ним и цены, обеспечившие в следующем десятилетии бум в российской экономике. Деглобализация, если она произойдет (а тем более если она случится по силовому сценарию), не принесет выгод никому. Китай в начале XXI в. находится на исторической развилке, которую в категориях конца XIX в. можно описать как выбор между «германским» и «американским» поведением по отношению к Англии: с одной стороны, можно пойти на резкую конфронтацию с номером один со всеми вытекающими последствиями, с другой – продолжить успешную экономическую модернизацию и обогнать лидера по мере того, как он растеряет свой динамизм, ввязавшись в выяснение отношений с другими соперниками или столкнувшись с внутренними ограничителями развития. Опыт XX столетия, на мой взгляд, однозначно свидетельствует о том, какой путь предпочтительнее. Россия, если проводить аналогию с миром столетней давности, сегодня больше всего похожа на Австро-Венгрию: лоскутную молодящуюся империю, не способную похвастаться серьезными экономическими достижениями, но в определенной мере являющуюся даже более ревизионистской, чем ее могущественный северный союзник. Итоги первой деглобализации для Австро-Венгрии хорошо известны: она не смогла сохраниться как единая страна, а ее территория оказалась разменной монетой на следующих этапах больших геополитических игр. Так или иначе, ничто не говорит о возможности успешного исхода во фронтальном столкновении с лидером.

¹² Незаменимая нация (*англ.*).

* * *

Всем известно, что история не имеет сослагательного наклонения, что каждый ее виток характеризуется новыми особенностями и что люди не склонны усваивать ее уроки. Однако мне кажется, сегодня сложилась ситуация, когда пришла пора совершенно иначе взглянуть на вызовы, с которыми сталкивается мир. Глобализация через слом экономических барьеров и даже в некоторых случаях политических границ освободила хозяйственный потенциал десятков стран и народов, воплотившийся в невиданном ранее процветании. Экономические, а не политические драйверы сегодня ведут мир вперед, а политики в лучшем случае успевают к ним приспособливаться. За последние полвека созданы практически совершенные механизмы противостояния кризисам и финансовым потрясениям, которые оказывают – и это подтверждается любой статистикой – все меньшее влияние на реальный уровень жизни людей. При этом глобализация не является процессом, которому нет альтернативы: любая страна может закрыться от нее, и такой шаг создаст проблемы лишь для нее самой, но никак не для большинства прочих. Никакая (гео)политическая задача не может оправдать попыток деглобализации в условиях, когда политический суверенитет и территориальная целостность ни одного крупного игрока не подвергаются сомнению и угрозам. Глобализацию, ставшую продуктом самого страшного в истории человечества столетия и являющуюся главным залогом его процветания, нужно научиться ценить, не пытаясь принести благополучие миллионов людей в жертву амбициям отдельных эгоистичных лидеров.

Литература

Белл Д. Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии» // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 13–25.

Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Доходы РФ от экспорта нефти в 2017 году выросли на 26,6 %, газа – на 22 % [Электронный ресурс] : Россия сегодня. 2018. 7 февраля. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180207/828427682.html (дата обращения: 10.11.2018).

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 27. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. С. 385–395.

Полный текст интервью президента В. Путина трем российским телеканалам [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2011. 17 октября. URL: <https://ria.ru/politics/20111017/462204254.html> (дата обращения: 08.11.2018).

Amadeo K. US GDP by Year Compared to Recessions and Events. The Strange Ups and Downs of the U.S. Economy Since 1929 [Электронный ресурс] : The Balance. 2019. March 28. URL: <https://www.thebalance.com/us-gdp-by-year-3305543>.

Amazon Stock Price. Market Watch: [сайт]. URL: <https://www.marketwatch.com/investing/stock/amzn> (дата обращения: 10.11.2018).

Baldwin R., Martine Ph. Two Waves of Globalization: Superficial Similarities. Fundamental Differences. NBER Working Paper 6904. Cambridge, MA, 1999.

Bremmer I. These are the 5 Reasons Why U.S. Remains the World's Only Superpower [Электронный ресурс] : Time. 2015. May 28. URL: <http://time.com/3899972/us-super-power-status-military/> (дата обращения: 08.11.2018).

Buckley Ch., Bradsher K. China Moves to Let Xi Stay in Power by Abolishing Term Limit [Электронный ресурс] : The New Times. 2018. February 25. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/25/world/asia/china-xi-jinping.html> (дата обращения: 06.11.2018).

Canto V. U.S. Trade Policy: History and Evidence // Cato Journal. 1983–1984. Vol. 3. No. 3. Pp. 679–696.

China: Export of Goods from 2007 to 2017 (in Billion U.S. Dollars) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/263661/export-of-goods-from-china/> (дата обращения: 10.11.2018).

China GDP. Trading Economics: [сайт]. URL: <https://tradingeconomics.com/china/gdp> (дата обращения: 01.11.2018).

Chomsky N. Profit Over People. Neoliberalism and Global Order. New York : Seven Stories Press, 1999.

DataBank. Explore. Create. Share: Development Data. The World Bank: [сайт]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: 01.11.2018).

DeLong B. Estimating the World's GDP, from One Million B.C. to the Present [Электронный ресурс] : Holtz for Congress. 1998. May 24. URL: <http://holtz.org/Library/Social%20Science/Economics/Estimating%20World%20GDP%20by%20DeLong/Estimating%20World%20GDP.htm> (дата обращения: 08.11.2018).

Dobson J. Two Centuries of Tariffs: The Background and Emergence of the U.S. International Trade Commission. Washington, DC : Government Printing Office, 1976.

Economic Sanctions / ed. by M. Malloy. Vols 1–2. Cheltenham (UK); Northampton, MA : Edward Elgar, 2015.

Economy of Saudi Arabia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Saudi_Arabia (дата обращения: 10.11.2018).

Exports of Goods and Services (% of GDP). The World Bank: [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> (дата обращения: 08.11.2018).

Ezrati M. China, the Wobbly Economic Giant [Электронный ресурс] : City Journal. 2018. July 26. URL: <https://www.city-journal.org/html/chinese-economy-16075.html> (дата обращения: 10.11.2018).

Firebaugh G. The New Geography of Global Income Inequality. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2003.

Frank A. G. ReOrienting the 19th Century. London; New York : Routledge, 2015. Pp. 34–37.

Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. Summer. Pp. 3–18.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London; New York : Penguin, 1992.

Full Text: Xi Jinping's Keynote Speech at the World Economic Forum in Davos, January 17th, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm (дата обращения: 01.11.2018).

GDP (current US\$) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.СD> (дата обращения: 10.11.2018).

Ghemawat P. Globalization in the Age of Trump // Harvard Business Review. 2017. July – August. Pp. 18–23.

Gross Domestic Product (GDP). FRED Economic Research: [сайт]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GDP> (дата обращения: 10.11.2018).

Hobson J. Imperialism: A Study. New York : James Pott & Co., 1902.

Hoganson K. American Empire at the Turn of the Twentieth Century. New York : St. Martin's Press, 2016.

Holmes J., Yoshihara T. Standing Up to China Is Not “Extremism” – It’s Smart Foreign Policy [Электронный ресурс] : The National Interest. 2017. January 29. URL: <https://nationalinterest.org/feature/standing-china-not-extremism%E2%80%94its-smart-foreign-policy-19228> (дата обращения: 09.11.2018).

Inosemzew W., Lebedew A. Der Dritte Kolonialismus // Le Monde Diplomatique Deutschland. 2016. November.

International Trade Statistic. 1900–1960. May 1962 [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/imts/Historical%20data%201900-1960.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

James H. The End of Globalization. Lessons from the Great Depression. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2001.

Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York : Alfred A. Knopf, 2008.

Kinzer S. The True Flag: Theodore Roosevelt, Mark Twain, and the Birth of American Empire. New York : Henry Holt & Co., 2017.

Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York : Picador, 2008.

Latouche S. The Westernization of the World. Cambridge : Polity, 1996.

Laue Th. H. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. Oxford; New York : Oxford University Press, 1987.

Levin M. The Next Great Clash: China and Russia vs the United States. Westport, CT : Praeger Publishers, 2007.

List of Countries by GDP (nominal) 2019 [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)) (дата обращения: 10.11.2018).

Luttwak E. The Rise of China vs The Logic of Strategy. Cambridge, MA; London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2012.

Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD: Essays in Macro-Economic History. Oxford; New York : Oxford University Press, 2007.

Major Foreign Holders of Treasury Securities (in Billions of Dollars) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfhhis01.txt> (дата обращения: 10.11.2018).

Mead W. R. In the Footsteps of the Kaiser: China Boosts US Power in Asia [Электронный ресурс] : The National Interest. 2010. September 26. URL: <https://www.the-american-interest.com/2010/09/26/in-the-footsteps-of-the-kaiser-china-boosts-us-power-in-asia/> (дата обращения: 10.11.2018).

Milanovic B. Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality. Princeton (NJ); Oxford : Princeton University Press, 2005.

Nugent W. Crossings. The Great Transatlantic Migrations, 1970–1914. Bloomington, IN; Indianapolis : Indiana University Press, 1992.

Nye J. S. Jr. 1914 Revisited? [Электронный ресурс] : Project Syndicate. 2014. January 13. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/joseph-s--nye-asks-whether-war-between-china-and-the-us-is-as-inevitable-as-many-believe-world-war-i-to-have-been> (дата обращения: 10.11.2018).

Ranking of the World's Richest Countries by GDP. 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.classora.com/reports/t24369/ranking-of-the-worlds-richest-countries-by-gdp?id=243&groupCount=50&startIndex=1&version=1996> (дата обращения: 10.11.2018).

Robertson R. The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness. Nova Scotia; London; New York : Fernwood Publishing & Zed Books, 2003. Pp. 18–26.

Roser M., Ortiz-Ospina E. Global Extreme Poverty [Электронный ресурс] : Our World in Data. 2017. March 27. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-poverty> (дата обращения: 08.11.2018).

Salam R. Melting Pot or Civil War. New York : Sentinel Press, 2018.

Smith M. Power in the Changing Global Order: The US, Russia and China. Cambridge; Malden, MA : Polity, 2013.

S&P500 Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investing.com/indicies/us-spx-500-historical-data> (дата обращения: 10.11.2018).

S&P/Case-Shiller U.S. National Home Price Index (CSUSHPINSA) 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/CSUSHPINSA> (дата обращения: 01.11.2018).

Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York; London : W.W. Norton & Co., 2002.

Tariff Rate, Applied, Simple Mean, All Products (%) – Country Ranking [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/TM.TAX.MRCH.SM.AR.ZS/rankings> (дата обращения: 10.11.2018).

The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html> (дата обращения: 08.11.2018).

Turkey Referendum Grants President Erdogan Sweeping New Powers [Электронный ресурс] : BBC News. 2017. April 16. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-39617700> (дата обращения: 06.11.2018).

Watts J., Wearden G. PetroChina Makes its Debut as World's First Trillion-Dollar Firm [Электронный ресурс] : The Guardian. 2007. November 6. URL: <https://www.theguardian.com/business/2007/nov/06/china> (дата обращения: 10.11.2018).

Weir F. Will Putin's Fifth Term Herald a New Political Agenda for Russia? [Электронный ресурс]. URL: <https://thewire.in/world-will-putins-fifth-term-herald-a-new-political-agenda-for-russia> (дата обращения: 06.11.2018).

Wieseman P. U.S. Trade Gap Hits \$566 Billion in 2017, Highest Since 2008 [Электронный ресурс] : USA Today. February 6. URL: <https://www.usatoday.com/story/money/economy/2018/02/06/economy-u-s-trade-gap-hits-566-billion-2017-highest-since-2008/310369002/>.

ДУХОВНЫЙ ГУМАНИЗМ: ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ, ЗЕМЛЯ И НЕБО*

Ту Вэймин **

Данная статья подготовлена на основе лекции, прочитанной крупнейшим современным китайским философом-неоконфуцианцем Ту Вэймином на XXIV Всемирном философском конгрессе (18 августа 2018 г., Пекин). Автор анализирует различные направления конфуцианской традиции, акцентируя внимание на генезисе и современном этапе развития главного направления китайской философии. При этом он подчеркивает, что отличительным признаком конфуцианского гуманизма является признание того, что каждому из нас суждено стать конкретной личностью. Достоинство, независимость и автономия личности являются основными ценностями конфуцианства.

Ключевые слова: человек, личность, самосознание, общество, Небо, Земля, человечность, социальная гармония, гуманизм.

This article is based on the lectures presented by major contemporary Chinese neo-Confucian philosopher Vaminos. The lecture was delivered at the XXIV world philosophical Congress held in Beijing in 2018. The author analyzes different directions of the Confucian tradition, focusing on the Genesis and current stage of development of this major direction in Chinese philosophy. At the same time, he emphasizes that the hallmark of Confucian humanism is the recognition that we are all destined to become a specific person. The dignity, independence and autonomy of the individual are the core values of Confucianism.

Keywords: person, personality, self-consciousness, society, Heaven, Earth, humanity, social harmony, humanism.

Конфуций предложил всесторонний, комплексный путь становления человека. Конфуцианская философия берет конкретного, живущего здесь и сейчас человека в качестве своей отправной точки. «Конкретный» относится ко всему человеку, к его телу и разуму. Так как мы используем не китайский язык, следует добавить пояснение. Слово «тело» кажется простым, однако мы увидим, что помимо физического смысла оно обладает некими другими смысловыми оттенками. Слово же «разум» является довольно проблематичным, так как то, что я хочу выразить с его помощью, – не только когнитивная функция ума, но и аффективная функция сердца.

---

* Автор выражает благодарность доктору Дж. Эвеллу и доктору Ван Цзяньбао за их комментарии и предложения.

** Ту Вэймин (Tu Weiming) – доктор философии, профессор, директор Института перспективных гуманитарных исследований Пекинского университета, профессор Гарвардского и Пекинского университетов, председатель Наблюдательного совета XXIV Всемирного философского конгресса. E-mail: iahs@pku.edu.cn; wtu@fas.harvard.edu.

Во избежание недопонимания ученые, занимающиеся проблемами конфуцианства, часто используют комбинацию понятий «разум и сердце» или «сердце и разум». Я предпочитаю «сердце и разум», подчеркивая тем самым важность чувства в конфуцианской традиции. Ситуация осложняется тем, что конкретность всего человека включает в себя не только физическое тело, сердце, разум, но также душу и дух. Таким образом, говоря «конкретный», я вовсе не намереваюсь создать впечатление, что все, что я подразумеваю, – это лишь физическое тело.

Если вы принимаете мою точку зрения о «конкретном», я настоятельно советую вам обратить пристальное внимание на слово «живой». Очевидно, что оно не относится к чему-то, не обладающему жизнью и жизнеспособностью. Слово «конкретный» дает понять, что это не просто абстрактное понятие. Однако конкретность все же означает, что есть нечто осязаемое, как камень, но не обязательно живое. Конечно, мои отсылки к сердцу и разуму уже определяют, что это конкретное – не камень и не дерево, а что-то живое, например, собака или лошадь. На этом этапе я бы хотел высказать одну философскую мысль. Это жизненно необходимо для моего исследования – «живая конкретность». В любом философском исследовании абстрактные понятия неизбежны. Используя выше термин «конкретный», я бы хотел подчеркнуть, что, хотя абстрактная концептуализация неизбежна, моя цель состоит в том, чтобы реализовать это конкретное непосредственно и эмпирически доступно. Возможно, я не смогу постоянно уделять внимание конкретному, но его присутствие всегда предполагается. Я бы хотел, чтобы была ясна моя обеспокоенность специфическим видом конкретного. Здесь имеется в виду живая конкретность. В огромной Вселенной она редко встречается. Обладая незаурядной наблюдательной способностью, мы тем не менее можем определить только то, что на нашей планете есть жизнеобеспечивающая среда. Однако среди реальных живых существ я смогу назвать живой конкретностью лишь тонкую прослойку. Мы можем приписать живую конкретность всем растениям и животным, но моя мысль заключается в том, что только человек осознает ее. Более того, я выбираю термин «личность», чтобы придать человеческому существу некую особенность, отличающую его от других животных¹.

Одно из главных наставлений конфуцианства заключается в том, что становление человека должно проходить через процесс становления личности. Последнее влечет за собой динамичный процесс трансформации. Отличительной чертой человека является то, что, несмотря на кажущуюся неизбежность роста, мы становимся личностями в процессе обучения. С помощью обучения мы познаем наше тело; каждое действие, будь то употребление пищи, сидение, прогулка, говорение, сон, требует постоянного обучения. Строго говоря, мы не владеем нашим телом, мы становимся им. Тело – не данность. Оно – достижение, действительно, удивительное достижение. Тело во всех своих измерениях – физическом, физиологическом, эмоциональном, психологическом, психическом, интеллектуальном и духовном – устанавливает в целом, кто мы такие в качестве живой конкретности.

Мы можем представить себе конкретную живую личность, так как сталкивались со многими из них, от ближайших родственников до обычных знакомых.

¹ Конфуцианство означает не индивидуализм или коллективизм, но **персонализм**, согласно Уильяму Теодору де Бари, «индивидуализм и индивидуальность» [De Bary 1998: 25].

Однако «здесь и сейчас» указывает на пространственную и временную реальность, которую мы должны признать в качестве настоящего, но не воображаемой возможности. Как же мы должны обходиться с конкретной живой личностью здесь и сейчас? Это равносильно пути познания нашего собственного существования.

Вне всякого сомнения, я могу представить, что конкретная живая личность здесь и сейчас – это кто-то другой, но, скорее всего, я представлю самого себя. Другие также могут случайно знать о моем существовании, но я сам, по своему собственному выбору всегда осознаю факт своего присутствия здесь и сейчас. Целью утверждения того, что философия конфуцианства берет в качестве своей отправной точки конкретного, живущего здесь и сейчас человека, является акцентирование внимания на важности самосознания [Tu 2002a].

Тем не менее, если вы верите, что настоящая забота Конфуция – это то, каким видом людей мы должны стать, чтобы приносить пользу обществу (в самом деле, социальная гармония зависит от того, какими личностями мы научимся быть; настоящие люди – это те, кто научился быть желанным и необходимым в обществе), мы с вами можем прийти к совсем другому пониманию учения конфуцианства, а именно к тому, что люди дифференцированы по родственным отношениям, местонахождению, контекстуализации и функциям. В процессе обучения мы берем на себя разные социальные роли. Если мы играем их адекватно, эффективно и искусно, то принесем пользу обществу и поможем его процветанию.

С этой точки зрения идея конкретного живого человека здесь и сейчас, сконцентрированная на самосознании, покажется слишком эгоцентрической. Она обладает тенденцией соскальзывать в ловушку индивидуализма. Человек может стать изолированным, чуждым другим, он замыкается в рамках существования своего эго. Слишком психологическое прочтение конфуцианского «сердца и разума», как в случае с Мэн-цзы, даст возможность отклониться от более сбалансированного конфуцианского подхода в сторону человеческого процветания. Поиск внутреннего эго за счет социального участия – неудачное решение. Если следовать этой мысли, то настойчивость Сюнь-цзы в отношении дисциплины внешнего ограничения посредством ритуала и закона является подходящей поправкой.

Я не стану утомлять вас прочтением разных направлений конфуцианской традиции в отношении самосовершенствования. Мой выбор в пользу следования идеи Мэн-цзы о существенном различии между природой человека и природой животного в целом сделан для того, чтобы заложить надежную основу главенства самосознания. Я полностью осознаю, что концепция разума Сюнь-цзы – богатейший ресурс и что его наставления в сфере обучения имеют много общего с Мэн-цзы. Теория Сюнь-цзы о природе человека совершенно очевидно противоречит широкому видению Мэн-цзы, который считал, что чувство морали врожденно, тем не менее и у этих двух позиций найдется множество точек соприкосновения. Мэн-цзы и Сюнь-цзы верили в природную способность человека совершенствоваться, в преобразовательную силу обучения, в эффективность самосовершенствования, в традицию мудрецов и хорошее управление, где приоритетом является ритуал. Оба они верили, что люди – не застывшие структуры, что они всегда находятся в динамическом и творческом процессе становления.

Почему же так важно считать отправной точкой именно самосознание? Очевидно, что мы можем прийти к совершенно последовательному выводу: уважение других стоит выше, чем уважение себя, потому что мы сначала осознаем других, а потом уже себя. Без осознания существования других я не могу осознать, что я вообще существую. Вероятно, что мои отношения с другими находятся в приоритете к процессу самопознания. В конфуцианстве существует множество примеров, на которые можно сослаться, чтобы поддержать данную точку зрения. Значение сыновней почтительности, обязанностей ребенка по отношению к родителям – это сердцевина человечности, именно потому что любовь родителей к ребенку естественна. Мы познаем ценность взаимности через познание чувства долга. По мере того как мы вырастаем, мы все больше и больше осознаем, сколько мыслей должны передумать и сколько действий совершить во имя других, чтобы показать им нашу признательность, но иногда для некоторых из нас становится слишком поздно.

Человек – центр отношений. Невозможно представить себе центр, который совершенно изолирован от любых отношений. Они придают цвет, звук, вид и тексту этому центру как конкретной живой личности. Живая конкретность личности непременно уникальна и включает в себя этнос, пол, язык, возраст, место рождения, социальный класс, вероисповедание, не говоря уже о личностных чертах. Каждая из черт символизирует обширный социальный круг, заключающий в себе тысячи и тысячи людей. Каждый круг имеет для меня определенное значение различного уровня в зависимости от каждой отдельно взятой ситуации.

Самосознание вовсе не означает, что мы должны осознать эти отличительные черты, когда развиваемся в окружающих нас отношениях. Скорее, это дает нам возможность пребывать в своем центре, не попадая в хаос полной дезинтеграции и фрагментации. Это дает нам чувство направленности, точку ориентации. Это компас, который помогает ориентироваться в сложном положении. Возможно, это была причина, по которой Конфуций убеждал нас: «Учитесь во имя себя» [Ni 2017: 338–339]².

Обучение обычно означает приобретение знаний и усвоение навыков. Знания и навыки могут быть восприняты в качестве цели «обучения для себя», но Конфуций, конечно же, подразумевал нечто совсем иное. То, что он предложил, это знания и навыки, помогающие нам понять свое тело. Для удобства я бы хотел охарактеризовать «обучение для себя» как «воплощенное обучение» [Tu 1998]. Возьмем в качестве примера обучение какому-либо навыку. Если мы учимся играть на музыкальном инструменте, допустим, на скрипке, мы должны потратить много времени, чтобы научиться водить смычком и управлять пальцами, чтобы у нас получился относительно приятный звук. Если мы талантливы и готовы взять на себя труднейшую задачу стать музыкантами, тогда мы посвятим этому всю свою жизнь. Если мы превратимся в виртуозов, то скрипка станет продолжением нашего тела. Мы больше не играем на скрипке как на инструменте, но выражаем себя, свою сущность, свою душу посредством скрипки. Одним словом, мы вопло-

---

² Среди современных конфуцианских ученых Ту Вэймин является лидером сторонников идеи «обучения для себя», утверждая, что она воплощает взгляды Конфуция на установление моральной индивидуальности, проще говоря, на становление человека. Становление человека зависит только от нас.

тили в жизнь знание о скрипке. Это, конечно же, исключительный случай, и только совсем небольшое количество гениальных музыкантов могут этого достичь. Однако мы можем представить, что инструмент, которым мы должны овладеть, — не скрипка, а мы сами, иными словами, мы должны всесторонне осмыслить наши тела.

«Учиться для себя» чрезвычайно важно, потому что вся наша жизнь поставлена на карту. Вопрос состоит не только в том, какую карьеру я бы хотел построить, насколько успешным хотел бы стать, какой план мог бы выбрать для реализации своих амбиций, какая бы социальная роль мне больше подошла или как я мог бы стать богатым и знаменитым. Напротив, исходя из того, что я конкретная живая личность здесь и сейчас, вопрос звучал бы так: каким человеком я хотел бы стать?

Самосознание подразумевает наличие знаний и навыков, но оно главным образом является трансформационным действием, корни которого уходят в наше изначальное осознание человеческой природы. Здесь заключена наша уникальность и способность быть человеком. Это как раз то, что Мэн-цзы называл «великим телом» [Legge 1991: 417]. В этой связи стоит упомянуть знаменитую историю о пробуждении сочувствия при виде ребенка, который вот-вот упадет в колодец. Она может породить представление о том, что только испытав шок, мы способны осознать, что мы все наделены способностью к сочувствию (симпатии, эмпатии и состраданию). Настоящий же смысл заключается в следующем: это чувство настолько банально, что если мы его не ощущаем, то больше не являемся людьми.

Обучение ради самого себя — это формирование характера, что абсолютно совместимо с нашими профессиональными устремлениями, нашим поиском совершенства, стимулом улучшить свою судьбу, нашей волей внести вклад в общественную гармонию, желанием быть признанными и жить комфортной жизнью. Однако формирование характера относится все же к более фундаментальному измерению нашего существования — смыслу жизни. Идея о центральном положении личности в отношениях подразумевает под собой субъективность. Однако очень важно, чтобы мы не сводили все к отношениям. Конкретный живой человек состоит из многомерного комплекса отношений. Если же собрать вместе их все, они все равно не смогут выразить всю сущность человека. Нам также необходимо принять во внимание все изначальные элементы (расу, пол, язык, возраст и так далее). Но центр личности не может быть представлен этими элементами. Они все актуальны и значимы. Каждый из них является как ограничителем, так и средством реализации. Это утверждение нуждается в пояснении.

Отличительным признаком конфуцианского гуманизма является признание того, что каждому из нас суждено стать конкретной личностью. Все наши изначальные элементы в определенном смысле нам даны. С некоторой долей решимости мы можем изменить какие-то элементы, например, пол и язык, но в целом элементы определены. Во многих великих религиозных традициях эти жизненные факты считаются в лучшем случае сдерживающими. Они ограничивают наш выбор и свободу действия. Мы надеемся изменить их, а если не удастся, то избавиться от них. По крайней мере, нам поручено освободиться от этих ограничений. Некоторые поручения исполняются в относительном смысле. В христианской традиции приверженность вере должна быть выше семейных привязанностей.

В других религиях тоже существуют значительные ограничения. От буддийских монахов часто требуют разорвать все семейные отношения. Подход конфуцианства же совершенно противоположен. Тот факт, что каждому из нас предназначено стать конкретной личностью, должен быть воспринят и полностью осознан. Этот факт, возможно, не является оптимальным, но он требует позитивного признания и даже почитания. В то же время воспринятые ограничения являются инструментом для самореализации. Поэтому-то они не просто ограничители, но и средства для реализации. По сути, как раз эти «позволяющие ограничения» и превращают нас в конкретных живых людей. Конфуцианское самосовершенствование – это вопрос существенного преобразования ограничителей в средства реализации при помощи личных усилий.

Я опубликовал несколько эссе, посвященных изучению эпистемологических, этических, эстетических и религиозных составляющих в процессе самосовершенствования как способа познания. Я придумал китайский термин, чтобы выразить эту широко используемую, но редко анализируемую идею в традиционной китайской культуре: *тхичжи* («воплощенное знание») [Tu 2012]. Это не то знание, которое «знает что-то» или «знает, как», но третий тип знания, который непременно является преобразовательным действием. Образно говоря, это знание задействует не только мозг и разум, но также и тело в общем и целом. Обязательным условием является как телесное взаимодействие, так и познавательная функция ума и эмоциональный отклик сердца. В качестве примера среди видов спорта Конфуций выделил стрельбу из лука. Если мы не попадаем в цель, нам надо настроить свое физическое положение и психическое состояние здесь и сейчас. Чтобы обучиться искусству стрельбы из лука, требуется ощутить свое присутствие.

Самосознание является ключевым моментом в способе обучения, который рекомендовал Конфуций. Посредством саморефлексии, самоанализа, самокритики, самоуважения и самоощущения мы ставим себя в центр человеческих отношений. Эта личностность диаметрально противоположна частному эго, она открыта, динамична, созидательна и изменчива. Она всегда открыта внешнему, готова динамично взаимодействовать с людьми, творчески вовлекая все вокруг, и, преобразуя себя, преобразует и мир. В «Великом теле» Мэн-цзы говорится: «Множество вещей уже укомплектовано во мне» [Chan Wing-tsit 1963a: 79]. Это не воображаемая возможность, а достижимое состояние. Мы можем распространить нашу жизненную энергию и заполнить ею пространство между Небом и Землей. Могут быть задействованы специальные физические упражнения, такие как дыхательная техника, но Мэн-цзы открыто заявлял, что смог достичь этого при помощи нравственных и духовных упражнений. Это не фигура речи, а пережитая реальность.

Это напомним нам об ученом-конфуцианце XII в. Лу Сяншане, который заявил, что «познал» истинный смысл конфуцианского учения после прочтения Мэн-цзы [Lu 2008: 471]. Мысль Мэн-цзы – это идея человеческого величия. Данная идея настолько плотно укоренилась в сознании Лу Сяншаня, что он не смог отнести к ней как к гипотезе, которая может быть оспорена или доказана. Она просто обнаружила себя изнутри. И, как верил Лу Сяншань, она должна быть очевидна каждой конкретной живой личности здесь и сейчас. Этот эпизод нуждается в пояснении.

Лу Сяншань часто ссылался на наставление Мэн-цзы, когда того спросили, как научиться быть человеком: «Сначала упрочьте то, что есть в нас великого». Он повторял это утверждение так часто, что его критики начали подозревать, будто у учителя Лу нет больше ничего, кроме этого наставления. Сяншань упрямо отвечал, что «нет более важного сообщения, чем предложить вам упрочить то, что есть в нас великого» [Chan Wing-tsit 1963a: 582]. Сяншань известен своей приверженностью линии Мэн-цзы. Он предельно откровенно дал понять, что его эмпирическое понимание Мэн-цзы пришло только лишь через прочтение одного Мэн-цзы и он получил это понимание сам [Lu 2008: 471]. Для него прочтение Мэн-цзы – это не чтение древнего текста, чтобы осознать через интерпретации и текстуальные понятия, что хотел сказать учитель. Напротив, это живое общение с Мэн-цзы, который произнес эти слова специально для него. Такой вид донесения информации, как и религиозные предписания, не является темой обсуждения, дебатов или подтверждения.

«То, что есть в нас великого», доступно каждому человеку. В каждом из нас есть что-то великое. Все, что мы должны сделать, – утвердить его. И нет никаких других условий, кроме нашего желания сделать это. Никакая внешняя принуждающая политическая, общественная, культурная сила не сможет удержать нас от утверждения того, что есть в нас великого. Ни на кого другого мы не можем рассчитывать в утверждении нашего великого. В основе этого убеждения лежит то, что каждый из нас – не только весь человеческий вид в целом – велик. И первая задача каждого конкретного живого человека – утвердить то, что в нас уже есть. Иными словами, учиться быть человеком означает реализовать собственное величие с помощью утверждения великого в себе. На первый взгляд кажется, что предписание – это не фактическое установление или предложение, но поощрение. Строго говоря, Лу Сяншань, следуя мысли Мэн-цзы, вовсе не хотел выдавать желаемое за действительное, но хотел донести правду, правду о том, что такое быть человеком.

Конфуцианская традиция, которую поддерживал Лу Сяншань, широко известна под названием *синьсюэ* (учение о сердце). Характерной особенностью этой школы является центральная роль сердца, которое также часто воспринимается как разум или сознание. *Синь* (сердце и разум) познавательно и аффективно. Оно может ощущать, желать, чувствовать и знать. Восприимчивые, волевые, чувственные и познавательные способности сердца составляют основу «великого тела». В процессе самореализации первостепенным является познание этих возможностей сердца для создания «великого тела», подчеркивания уникальности человека. Самый первый шаг – пробудить сердце, чтобы оно стало чувствительным к окружающему миру. Чувства, которые могут быть вызваны внешними раздражителями, являются лишь поверхностным проявлением чувствительности сердца. Учение Лу Сяншаня о сердце заключается в том, чтобы найти доступ к «подлинному сердцу» (*бэньсинь*), лежащему в основе «великого тела». Строго говоря, подлинное сердце определяет, что же такое человеческая природа.

Человеческая природа, в свою очередь, выражается через жизненную силу и динамизм подлинного сердца. Оно не только идея, оно – действие. Оно ощущает, изъясняет волю, чувствует и знает – и все это в соединении с постоянно расширяющейся сетью отношений. Оно в отношениях, и его потенциал к соединению

неограничен, но у него (подлинного сердца) всегда есть ядро, центр, который не может быть сведен к отношениям вне зависимости от того, насколько они обширны. Подлинное сердце в качестве ядра человечности – кульминация эволюционного процесса. Оно не застывшая структура, но непрерывно становящееся действие. С этой точки зрения человек должен восприниматься не как готовый, но как становящийся. По мере своего формирования люди непрерывно развиваются. Это имеет как космологическую, так и антропологическую значимость.

Смысл этого рассуждения заключается в онтологическом видении «непрерывности бытия» [Tu 2002b]. В такой онтологии человек связан со всеми формами бытия: минералами, растениями и животными. Если мы копнем глубже в поисках связей, то узнаем, что мы часть континуума. Однако уникальность человеческого бытия отличается от других форм бытия. Определяющие человеческие характеристики ни в коем случае не сводятся к тем характеристикам, которые стали составными частями человеческого состояния. Эта перспектива эволюции широко признается в китайской философии. Очевидный пример был обнаружен у Сюнь-цзы: «И вода, и огонь обладают *ци*, но не обладают жизнью. Травы и деревья обладают жизнью, но не обладают сознанием. Птицы и звери обладают сознанием, но не обладают *и* (справедливостью, моралью). Люди обладают *ци*, жизнью и сознанием, и даже обладают *и*» [Hutton 2014: 76].

Подобная идея о сути человека – это комбинация укорененности и генетического. Своеобразие человека основано на парадоксе. Это такая же неотъемлемая часть идентичного процесса, позволяющего воде, огню, траве, растениям и животным начать свое существование. Тем не менее человек как новое возникшее свойство уникален; он не сводится к составным частям. Это, конечно, относится и к генезису, и к сознанию. Мы не сможем адекватно воспринять это новое свойство, сводя его к генетическим силам, которые сделали возможным его возникновение. Мы не отрицаем, что структурно оно всегда связано со всеми элементами, благодаря которым возникло в своей форме существования. В процессе эволюции, как говорится, ничто не потеряно. Совокупный процесс, который в конечном итоге позволяет человеку появиться, является целостным, динамичным и продолжающимся. С этой точки зрения «непрерывность бытия» – не линейная прогрессия, но процесс трансформации с постоянно увеличивающейся скоростью координации, сотрудничества и усложнения. Я бы сказал, что в тонком смысле эта идея совместима с некоторыми версиями креационизма.

Жизненная энергия (*ци*), присутствующая на всех уровнях эволюционного процесса, является как духовной, так и материальной. Разделение *ци* на дух и материю неприемлемо. Смысл в том, что духовность является составляющей мира. Она не определяется только в качестве трансцендентальной, не говоря уже о высшей степени трансцендентальности. Однако она включает некоторые трансцендентальные измерения. Не существует резкого контраста между мирским и священным. Характеристика Конфуция Г. Фингареттом [Fingarette 1972]: «У него секулярное – сакрально» – интересна, но это разделение сомнительно. Действительно, все особые разделения, такие как «тело – разум», «плоть – душа», совершенно чужды всей конфуцианской мысли. Возьмите пример *инь* и *ян*. Они разные, конфликтные, но в принципе на практике они дополняют друг друга. Что более значительно, они сосуществуют и взаимно проникают друг в друга. *Ян*

не может быть без *инь*, а *инь* не может быть без *ян*. Всегда *ян* присутствует в *инь*, *инь* присутствует в *ян* и так далее. Это позволяет конфуцианцам увидеть единство в противоречии и ощутить как материальный мир, так и духовный.

Жизнь (*шэнь*) символизирует возникновение совершенно иного уровня координации, сотрудничества и сложности. В современных биологических терминах это отражается в адаптивной организационной структуре, способности метаболизма, наличии способности гомеостаза, потенции роста, потенциале размножения и способности реагировать на окружающую среду. Мы можем утверждать, что между мертвой материей и жизнью есть разрыв, даже пропасть. Этот вызов концепции о «непрерывности бытия» преодолевается или, по крайней мере, смягчается заявлением о том, что с точки зрения жизненной энергии идея о мертвой материи попросту неуместна. Возьмите пример камней. Для конфуцианцев или даже просто для китайца кусок нефрита необязательно неживой. Это образное выражение не отрицает принципиального различия между жизнью и смертью, но оно имеет огромное значение, если мы отрицаем представление о том, что все неодушевленные предметы – просто мертвая материя. Мне вспомнились жаркие дебаты при составлении Хартии Земли несколько десятилетий назад, когда представители научного сообщества в конце концов были переубеждены старейшими последователями коренных традиций в том, что в священном документе следует закрепить фразу «Земля живая». Говоря иначе, даже так называемая «мертвая материя» – это не просто что-то материальное, лишённое какой-либо духовности.

Вопрос о *чжи* (сознании и чувствах) гораздо более любопытный. Существует принципиальное согласие, что у животных есть чувства. Вопрос о том, обладают ли они сознанием, остается спорным. Многие любители животных (особенно собак и лошадей) верят, что обладают. Некоторые ветеринары даже настаивают, что животные обладают самосознанием. Сюнь-цзы использовал термин *и* (справедливость), чтобы отличать людей от всех других животных. Он выделил когнитивную функцию разума, особенно его способность анализировать и дифференцировать, как основу построения устойчивых социальных организаций. Но здесь я последую за Мэн-цзы. Он обнаруживает, что различие между человеческой природой и природой животного незначительно. Например, как и у животных, стремление к «пище и плотскому удовлетворению» (выживанию и размножению) – неизбежная часть человеческой природы. Уникальность человеческого бытия кроется в совершенно другом. Мэн-цзы не хочет, чтобы мы забывали, что люди – животные. Его стратегия заключается в том, чтобы показать, что различие очень тонкое. Можем сказать, тонкое различие заключается в том, что люди – это вид животных, который обладает способностью к самосознанию. Несмотря на необходимость в еде и плотском удовлетворении, что является условием нашего существования («малого тела»), самосознание позволяет нам реализовать весь потенциал человечества («великого тела»).

С позиции «непрерывности бытия» возникновение жизни и сознания указывает на траекторию появления человека. Можно представить, что люди взаимосвязаны не только с человеческим миром, но и со всеми членами животного царства, миром жизни, землей и не только. Эта связанность помогает людям развивать видение целого.

Нет ничего в космосе, что совершенно не имеет отношения к чувственной способности сердца. Ни далекая звезда, ни травинка, не говоря уже о человеческих делах, не выходят за рамки чувствительности сердца. В теории и на практике его способность реагировать на все вещи безгранична. Мэн-цзы утверждает, что «все десять тысяч вещей заключены во мне», это не результат безумного воображения, но озарение [Chan Wing-tsit 1963a: 79]. Верный духу Мэн-цзы Чэн Хао (1032–1085), а позднее Ван Янмин (1472–1529) утверждали, что человечество составляет один организм с Небом, Землей и множеством вещей³ [*Ibid.*: 524]. Они настаивали, что «формирование одного тела с Небом, Землей и множеством вещей» – это человеческая способность, реализуемая каждым человеком в обычном повседневном существовании.

Ван Янмин стремился продемонстрировать эту способность рядом примеров. Наши реакции на ребенка, который вот-вот упадет в колодец, на животных, дрожащих от страха перед убоем, на вырубку деревьев, на обнаженные смывом горы могут отличаться по эмоциональной интенсивности, но все они в той или иной степени влияют на нас. Мы сознательно или подсознательно связаны с нашей семьей, общностью, природой и космосом. Смысл утверждения Ван Янмина в следующем. Полное осознание человечности требует того, чтобы мы преодолели не только эгоизм, непотизм, местничество, этноцентризм и национализм, но также и антропоцентризм.

Этот переход от конкретного к универсальному отвергает как закрытый партикуляризм, так и абстрактный универсализм. Это баланс между личной укорененностью и общественным духом. Настоящая возможность такого баланса обусловлена их взаимной интеллигибельностью и потенциальной взаимодополняемостью. Личное – не обязательно собственное. Хотя я обычно предпочитаю не раскрывать свои личные мысли, я часто чувствую побуждение делиться ценностями, которые я лично лелею. Мои корни в исконных связях – этнической и половой принадлежности, языке, месте, статусе, возрасте и вере, но мне нетрудно признать, что они контекстуализированы и историзированы в той мере, в какой они представляют собой уникальную конфигурацию, которая определяет мою собственную оригинальность. Тем не менее мое понимание самого себя говорит мне о том, что я нахожусь в более широком расовом, гендерном, языковом, экономическом, политическом, социальном, культурном и религиозном контексте. Это позволяет мне знать о наличии других индивидуальностей, которые также сложно устроены. Я знаю, что я никогда полностью не пойму индивидуальность, которой я являюсь, но точно знаю, что мое право и ответственность – попытаться. По аналогии я знаю о таких же, как я, индивидуальностях и о том, что мы все находимся в одной лодке.

Это то положение человека, которое уместно во всех духовных традициях. Конфуцианский путь, попросту говоря, заключается в том, что я не являюсь тем, кем должен быть, но тем не менее я знаю, что должен работать над собой посредством той структуры и тех функций, которые мне сейчас даны, чтобы достичь высшего уровня самореализации. Логика «Великого учения» может быть сфор-

³ Его брат (Чэн И) также говорил, что «человек, которому присуще *жэнь*, рассматривает Небо, Землю и все вещи как одно тело». И эта доктрина позднее была усовершенствована Ван Янмином.

мулирована так, что я сам являюсь отправной точкой: «От императора до обычного человека, каждый должен рассматривать самосовершенствование как основу». Говоря конкретно, самосовершенствование должно выходить за рамки приватизированного эгоцентризма и служить общественному благу. Мы можем даже сказать: я – частный, моя семья – публичная; моя семья – частная, сообщество – публичная; сообщество – частное, нация – публичная; нация – частная, «мировая деревня» – публичная; «мировая деревня» – частная, космос – публичный. Общественная духовность может быть достигнута только посредством самосовершенствования. Этот переход от укоренившегося частного эго к общественно одухотворенному «я» доступен каждому человеку. Величие человека кроется в бесконечной способности человеческого сердца воплощать космос. Воплощать посредством диалога.

Это общение посредством диалога является определяющей характеристикой жизни конфуцианца. Оно воплощает в себе четыре неотделимых измерения конфуцианского гуманизма: личность, социум, природу и Небо. Только посредством диалога можно достичь интеграции тела и ума, плодотворного взаимодействия между собой и обществом, гармонии между человечеством и природой, взаимности между человеческим сердцем, разумом и путем Небес. Диалогическая встреча, а не диалектический перелом позволяет усовершенствовать и увеличить способность к сочувствию (симпатии, эмпатии и состраданию), присущую всем людям, которая должна быть расширена от себя до семьи, социума, нации, мира и так далее.

Учиться быть человеком – это «только для себя». Достоинство, независимость и автономия личности являются ценностями конфуцианства. Самопознание необходимо для политической ответственности, социального участия и культурной чувствительности. Ученик Конфуция по имени Цзэн-цзы отметил, что образованный человек должен обладать твердостью и решительностью, так как ноша его тяжела и путь долог⁴ [Ni 2017: 219]. Он несет на своих плечах человечность, будто это его личная задача. Как же мы можем утверждать, что ноша его не тяжела? И путь его заканчивается только после смерти. Как же мы можем утверждать, что путь его недолог? Мэн-цзы использовал метафору о выкапывании колодца, чтобы передать смысл фразы «получить самостоятельно» как верного способа обучения. Только глубоко погружившись в самосознание, мы сможем извлечь пользу из протекающего потока, чтобы обогатить наш образ жизни. Способность накапливать богатые поэтические, политические, социальные, исторические и метафизические ресурсы внутри является предпосылкой для воплощения постоянно расширяющейся сети отношений снаружи.

Поскольку конфуцианское «я» всегда является не изолированным индивидом, а динамичным центром отношений, оно не может не взаимодействовать с другими центрами посредством диалога. Признание и уважение других является отправной точкой для начала плодотворного сотрудничества. Все пять базовых видов отношений являются двусторонними: отец обладает сочувствием, сын – сыновней почтительностью; правитель обладает благосклонностью, министры –

⁴ Конфуций сказал: «Ученый человек (*ши*) должен быть твердым и решительным. Ноша его тяжела, и путь (*дао*) долог. Человечность – его ноша, не тяжело ли? Только со смертью его путь заканчивается – не долго ли?»

верностью; старший брат обладает дружелюбием, младший – уважением; друзья должны обладать верностью, а супруги – разделять обязанности. Дух взаимности пронизывает все отношения. Золотое правило – «Не делай другим то, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе» [Ni 2017: 281, 364] – основано на осознании того, что неприкосновенность другого человека имеет приоритет над желанием установить отношения на своих условиях. Это пассивное предписание должно быть дополнено позитивной обязанностью: чтобы самоутвердиться, я должен помочь другим самоутвердиться; чтобы стать более совершенным самому, я должен помочь стать более совершенным другим [*Ibid.*: 187].

Общение посредством диалога применительно также в отношении природы и Неба. Согласно уместному выражению Томаса Берри, природа – это скорее «общение субъектов», а не «коллекция объектов» [Berry, Swimme 1992]. Так задумано, что природа – это земля-матушка, которая позволяет нам выживать, расти и процветать. Подобным образом наши отношения с Небом базируются на взаимной отзывчивости. В конфуцианском восприятии Небеса вездесущи и всеведущи, но не всемогущи. Они, возможно, и создали все вещи, но они полагаются на участие человека в завершении этой великолепной работы. Люди должны ценить все, что порождает космический поток, и создавать мирную и гармоничную обитель для себя и окружающей среды. Заявление «Небо порождает, а люди довершают»⁵ [Hutton 2014: 87] предполагает, что люди – партнеры Неба и являются со-создателями своей Вселенной. Следовательно, они также являются и мощными разрушителями. Как говорится в старой китайской пословице, «человечество может избежать всех катастроф, кроме тех, которые создаст само» [Legge 1991: 199].

Конфуцианец времен династии Хань Дун Чжуншу выделил три великих корня: Небо – корень творчества, Земля – корень питания, человек – корень завершения. «Западная надпись» Чжана Цзая (1020–1077), фундаментальный текст неоконфуцианства, начинается с похожей идеи: «Небо – мой отец, и Земля – моя мать. Даже такое крошечное существо, как я, найдет свою нишу между ними. Все, что наполняет Вселенную, я считаю своим телом, и все, что направляет эту Вселенную, я считаю своей природой. Все люди – мои братья и сестры, и все вещи – мои спутники» [Chan Wing-tsit 1963a: 497]. Мы учимся возвращаться к нашей человеческой природе, открывая нашу взаимосвязь с Небом, Землей и множеством вещей. Мы также учимся осознавать, что наше «великое тело» является великим благодаря своей способности к такой взаимосвязи. Мэн-цзы утверждал, что если мы полностью познаем свои собственные сердце и разум, то сможем познать нашу природу. Через познание нашей природы мы познаем Небо. Он также говорил, что если мы задумываемся о себе и осознаем, что мы искренни (истинны и подлинны), то это самая большая радость в жизни. Проще говоря, он просто изложил антропокосмическое видение Учения о Смысле, заключающееся в следующем. Только самые искренние (истинные и подлинные) смогут познать свою собственную природу. Если они смогут познать собственную природу, то смогут познать природу других. Если они смогут познать природу других, то смогут познать природу вещей. Если они смогут познать природу вещей, то смогут

⁵ Иными словами, Небо и Земля создают их, мудрец же завершает их.

принять участие в процессе преобразования и питания Неба и Земли. Если они смогут принять участие в процессе преобразования и питания Неба и Земли, то смогут сформировать триаду с Небом и Землей [Chan Wing-tsit 1963a: 107–108].

По этой причине Конфуций утверждал, что «человечество может сделать путь (*дао*) великим; путь (*дао*) не может сделать человека великим» [Ni 2017: 366–367]. Это не должно истолковываться как антропоцентрическое утверждение о человеческой гордыне, то, во что верил Конфуций, – это человеческий потенциал, перспективы и ответственность. Характерной чертой конфуцианского гуманизма, в отличие от светского, антропоцентрического, рационального гуманизма Просвещения, является его неременная связь с Небом и Землей. Гуманизм, по мнению представителей конфуцианства, не является неодоухотворенным и чуждым природе. Он, в теории и на практике, имеет свои корни в духовной сфере и свою основу в мире природы.

Наше врожденное чувство связи в симпатическом резонансе с Небом, Землей и множеством вещей вполне может быть самым глубоким и универсальным источником человеческого величия.

Вера в преемственность или кровное родство всех форм бытия, делающее человечество неотъемлемой частью общего бытия, является как космологической, так и антропологической. То, что земля стала нашим собственным домом, имеет огромное экологическое значение. «Непрерывность бытия» в более глубоком смысле не просто какая-то обычная идея. Появления жизни и сознания, строго говоря, не являются «прорывами», но они указывают на глубокие преобразования, вызывающие чувство трансцендентности, по крайней мере, самопревосходства. Это означает, что эволюционный процесс также имеет и вертикальную траекторию. Эта чувствительность сердца имеет как глубину, так и широту. Целостность сердца является неотъемлемым человеческим потенциалом. Поэтому специфической чертой является именно подлинное сердце, а не сознание и чувства, которые мы разделяем с животными и жизнью, с растениями и травой. Это подлинное сердце, что делает человека великим и дает нам возможность приобрести «великое тело». Что такое вертикальный эволюционный процесс? Чэн Хао уверенно заявлял, что своим знанием в целом он обязан предшественникам, однако истинный смысл Небесного начала (*тхеньли*) был воплощен в нем самом. Другими словами, Чэн Хао испытал полное значение Небесного начала, лично заполучив его. Его субъективность позволила ему осознать, что Небесное начало живет в его подлинном сердце. Это не было открыто ему авторитетной силой извне. Он действительно сам получил это знание [Chan Wing-tsit 1963a: 520].

Для него и для всех мыслителей, изучающих сердце, Небесное начало исходит из нашей природы. Это утверждение потрясающе соответствует вступительному тексту «Чжун юн»: «Небом наделена человеческая природа» [*Ibid.*: 99]. Так как человеческая природа наделена Небом, Небесный Путь (предположительно так функционирует Небесное начало) закодирован в человеческой природе. Небо делает человека человеком, однако человек, в свою очередь, также должен находиться в гармонии с Небом. Наша природа дана нам Небом, но наша обязанность – совершенствовать ее. Это означает, что люди имеют возможность и даже ответственность практиковать в мире Небесный Путь. Высшее проявление человечности – космологическое и антропологическое. Оно антропокосмическое, ос-

нованное на целостном и интегрированном гуманизме с глубоким почитанием Небес.

В Книге Перемен космос всегда находится в динамическом процессе, создавая новые реальности путем творческой трансформации существующего порядка. Послание для нас состоит в том, что мы должны подражать этой небесной жизненной силе, постоянно прилагая усилия к самоусовершенствованию. Наше почитание к Небу не означает поклонения какой-то «совершенно иной» силе, находящейся за пределами нашего понимания, но означает выражение благоговения к источнику жизни и творчества, сокрытому в нем.

Уникальность человечества лежит в нашей врожденной способности научиться быть равноправным партнером в космическом процессе. Это основано на предположении, что мы уполномочены постичь Небо через наше самопознание. Как говорил Мэн-цзы, «если мы сможем в полной мере познать наше сердце, мы сможем познать нашу природу. Если мы познаем нашу природу, мы сможем познать Небо» [Chan Wing-tsit 1963a: 78].

Понятно, что высшее стремление к самореализации заключается в «единстве Неба и человечества». Тем не менее мы должны признать асимметрию в отношениях Небес и человека. Небо обладает силой творчества само по себе, в то время как человек учится быть творческим посредством своих собственных усилий. Подлинность Неба неоспорима, в то время как человек должен бороться, чтобы стать самим собой посредством знания и мудрости. Но, будучи со-создателями, люди могут нести Путь (*дао*) в мир от имени Неба. Они обязаны по своей природе реализовать Путь в своем жизненном мире. При этом Путь уже не существует как простое трансцендентное, не имеющее интимной связи с человеческим существованием здесь и сейчас. Наоборот, он воплощается в общем опыте повседневной жизни, делая обычных людей, которые не обязательно осознают его подтекст, лично связанными с Небом. Существует трансцендентное измерение Неба за пределами человеческого понимания, но небеса также имманентны в человеческой природе. Мэн-цзы сформулировал это так: «Наше тело и комплекция даны нам Небом. Только мудрец может завершить свое тело» [*Ibid.*: 80]. Таким образом, процесс становления совершенным мудрецом – это процесс аутентификации нашего тела. Наши разум, душа и дух воплощены в глубокой структуре нашего тела. Они являются утонченными проявлениями нашей индивидуальности, потому что исходят из сердцевины нашей природы, которая присуща нашему телу. Другими словами, человеческое тело – это микрокосм в космосе. Через «культивацию» сердца тело может открыться миру и всему космосу.

Эта мысль кратко изложена Ван Янмином (1472–1529) в его блестящей интерпретации идеи Мэн-цзы о *лиэнчжи* («подлинное осознание») [Legge 1991: 456]. Это «подлинное осознание» является именно тем, что Лу Сяншань определял как «подлинное сердце». Они воспринимали как данность величие быть человеком и потенциальную экспансивность человеческой природы. Для изучающих сердце «подлинное осознание» – это «воплощенное знание», и познание, и привязанность. Это чувство внутренней разумности. Это знание, которое влечет за собой преобразующее действие. Эта деятельность включает в себя три траектории. Она очищает тело, влияет на мир и исполняет Небесный Указ. Самопознание и сознательная активизация «подлинного осознания» приносят людям наслаждение

и радость. Все люди в этот момент становятся мудрецами. Утверждать, что люди на улице – все мудрецы, как любили говорить некоторые из последователей Ван Янмина, – это поощрение («мы все должны научиться подражать мудрецам») и онтологическая истина («все люди не только потенциально, но и действительно мудрецы») [Chan Wing-tsit 1963б: 239–241]. В то же время легко осознать, что каждый человек (включая Конфуция) никогда не достигает мудрости (Конфуций ясно дал понять, что он далек от того, чтобы достичь ее) [Ni 2017: 211–212]. Поэтому, чтобы научиться быть человеком, необходим непрерывный процесс самосовершенствования.

В свете обсуждения человеческого величия, Небесного начала и «подлинного осознания» я хотел бы еще раз подчеркнуть центральную роль субъектности в конфуцианском гуманизме. Хотя представляется разумным определить конфуцианство как форму социальной этики, важно не сводить субъектность к набору социальных ролей. Можно утверждать, что в конфуцианской субъектности подразумеваются отношения между людьми и что без социального измерения самобытность конфуцианской субъектности будет потеряна. Действительно, конфуцианский человек всегда обогащен связями.

Из тезиса о «непрерывности бытия» мы узнаем, что «формирование одного тела с Небом, Землей и множеством вещей» – это не воображаемый идеал, а испытанная реальность. Мы знаем, что это правда, не в результате рационального расчета или эмпирического доказательства. Именно через глубокое чувство, воплощенное в нашем подлинном сердце, мы знаем наверняка и сразу, что это так. Это чувство неотделимо от обычных чувств и эмоций, таких как радость, гнев, печаль и счастье. Тем не менее оно принципиально отличается, потому что является составной частью нашей человечности. Оно выражает себя через эмпатию, симпатию, сострадание или, по терминологии Мэн-цзы, через сочувствие [Chan Wing-tsit 1963а: 65–66]. Это и есть причина величия людей, потому что они способны пробудить «великое тело».

Это чувство не просто антропологическое. Оно также космологическое, оно антропокосмическое. И снова это ссылака на Небесное начало (*тхеньли*) Чэн Хао. Его высшее наслаждение от переживания этого через глубокое воплощение предполагает личное осознание трансцендентной реальности. Он получил его сам, потому что оно всегда находилось в его подлинном сердце. Мы можем себе представить, что в случае Чэн Хао это точно воплощенное знание Небесного начала позволило ему выразить убежденность, что человечность составляет единое тело с Небом, Землей и множеством вещей.

Так ощущаемая человечность и является сознанием. Это внутреннее осознание. Это может быть ответом на внешний раздражитель, но это не просто последствие внешней силы. Человечность обладает своей собственной автономией и независимостью. В отличие от обычных чувств она не просто пассивно реагирует, но и активно исследует. Однако она функционирует не только на эмпирическом уровне. Она охватывает все. Соединяется, создавая контакты и формируя рычаги. В более глубоком смысле она соединяется посредством участия и трансформации. Это абсолютно точно познавательная функция, но она также и эмоциональная. Действительно, все наши телесные ощущения (зрение, слух, обоняние, вкус и прикосновение) являются когнитивными и аффективными. Человечность как вид

сознания в случае симпатии, например, является преобразующим актом. Это знание и в то же время действие. Спонтанность, с которой человечность выражает себя, определяет действие как составляющую часть знания. В отличие от обычных ощущений она естественным образом исходит из сердца без раздумий и без намерения. Она эмпирическая и трансцендентальная. Мы можем воспринимать ее как обычное ощущение, но не можем ощущать ее глубину и широту на этом уровне. Мы должны признать, что наше подлинное сердце определяет нашу истинную природу. Это, конечно, качество, с которым мы рождаемся, но, что более важно, оно даровано Небом. Вступительный текст «Чжун юн» указывает, что человеческая природа предопределена Небесами. Другими словами, подлинное сердце (или наша настоящая природа) находится там, где находится Небесное начало.

Небесное начало вездесуще. Оно присутствует в людях, животных, растениях и камнях, во всех существах, находящихся в процессе эволюции. Это основная причина их существования. Однако личный опыт Чэн Хао по воплощению Небесного начала значителен в двух смыслах. Это вера в человечность и признание субъектности. Человечность в представлении Чэн Хао – это не просто идея, а деятельность – динамичная, преобразующая и продуктивная. Так функционирует Небесное начало в жизни человека. Его активность никогда не иссякает. Оно всегда находится в процессе становления. Оно демонстрирует огромную преобразовательную силу, такую же, как сила роста в природе, производит и воспроизводит с неиссякаемой внутренней силой.

Как деятельность человечность выражает себя в чувствах; симпатии, эмпатии, сострадании и сочувствии, короче говоря, в чувстве любви. Существует несколько попыток более точно определить значение любви в этой связи. Преобладающая позиция – это «любить людей» или «любить других». Иероглиф *жэнь* (человечность), содержащий ключ «два», конечно, подтверждает эту гипотезу. Выдающийся китаевед из Беркли Питер Будберг решительно утверждает, что правильный перевод *жэнь* должен звучать как «со-человечность» [Boodberg 1953]. Однако я предпочитаю толкование *жэнь*, взятое из текстов на недавно открытых бамбуковых дощечках в Годянь: тело наверху и сердце внизу, указывающие на неразделимость тела и сердца. Я не хочу здесь вступать в сложные филологические дебаты. Достаточно сейчас отметить, что эти два разных прочтения имеют глубокий философский подтекст. Если *жэнь* представляется как со-человечность, то отношения между людьми являются ее составляющими элементами, а социальность – составляющей частью человечности. Если человечность состоит из тела и сердца, мы можем представить ее себе как индивидуальность, даже оригинальность. Согласно этому прочтению, основой положения к «пусть другие любят меня» и «любви к другим» может стать любовь к себе. Это именно тот порядок приоритетов Конфуция, зафиксированный у Сюнь-цзы: «любовь к себе» берет верх над «любовью к другим», которая, в свою очередь, берет верх над желанием, чтобы «другие полюбили меня» [Hutton 2014: 329–330].

Что неверного в определении человечности только в социальном плане? Я могу оценить усилия по определению человечности только в социальном смысле, но опасность такого определения заключается в том, что можно упустить существенную особенность конфуцианского проекта становления человека.

Позвольте продолжить рассуждения о любви. Конфуцианская человечность выражает себя в дифференцированной, а не недифференцированной любви. Всеобщая любовь, за которую выступал Мо-цзы, критикуется из-за своей непрактичности. Если мы настаиваем на том, что человек должен заботиться об отце незнакомца так же усердно, как он заботится о своем собственном, скорее всего, большинство отцов не получают адекватную заботу вообще [Chan Wing-tsit 1963б: 56–57]. В семейной этике человечность должна начинаться с родителей и расширяться вовне вместе с симпатией, эмпатией и состраданием. Последовательность не является произвольной, эта модель создана как образец. Частая ссылка на отношения между родителями и детьми приводится для того, чтобы показать центральное место семьи в конфуцианской этике. Сыновняя любовь – первый шаг в развитии человечности. Подчеркивая важность семейных отношений, «Исправление имен» диктует: «...пусть отцы будут отцами, а сыновья – сыновьями» [Ni 2017: 289]⁶. Говоря конкретно, учение о сыновней почтительности состоит в том, чтобы научить сына вести себя как сын по отношению к отцу. Для этого необходимо, чтобы сын осознавал свою сыновнюю роль. Это осознание предшествует способности сына правильно выполнять свою роль. Если он готов повиноваться своему отцу или пассивно подчиняться его приказам, не будучи критически осведомленным о том, какими должны быть надлежащие отношения отца и сына, то он уже отказался от своей ответственности как сына. Поэтому Конфуций был в ярости, когда Цзэн-цзы спросил его: «Как насчет того, чтобы следовать приказам отца?» Конфуций утверждал, что Сын Неба окружен семью цензорами, пятью лордами и тремя сублордами. Их единственная обязанность – делать правителям критические замечания. Если сын не увещевает своего отца, он отрекается от своего долга как сына. Это равносильно тому, как если бы сын ставил ловушку своему отцу, чтобы поймать его на «неотцовском» поведении. Слепое повиновение отцу диаметрально противоположно сыновней любви [Rosemont, Ames 2009: 113–114]. В основе этого рассуждения лежит следующее: самосовершенствование сына требует, чтобы он осознавал свою обязанность следить за тем, чтобы его отец вел себя по-отечески. Отношения отца и сына взаимовыгодны. Центральная роль самосознания очевидна.

Человечность – это также и общение. Я уже упоминал, что взаимосвязь человечества – это позитивное взаимодействие и активное преобразование. Она выступает не как сторонний наблюдатель, а как участник. В субъектности содержится интересубъектность. Признание другого не является навязыванием моей индивидуальности другому, не является владением другим. Другие не только допускаются и признаются, но еще и уважаются. Целостность другого не может быть нарушена, даже если я твердо верю, что делаю это для его блага. Мне нужно сначала понять его желания; это предварительное условие для того, чтобы убедить его следовать моим путем. Я не делаю преждевременно с ним то, что, я надеюсь, он сделает со мной. Именно после того как я полностью оценил его ситуацию, я начинаю взаимодействовать с ним позитивно. Это может выглядеть

---

⁶ Роль отца требует от человека любить своих детей и заботиться о них, воспитывать и обучать их. Дети же должны относиться к отцу с уважением и сыновней почтительностью (*сяо*). Большинство переводчиков улавливают только одно из двух значений, и, следовательно, взаимность теряется в их переводе.

как отношения терапевта и пациента, но ведь главная этическая причина – это внимательность. Пассивное «золотое правило» прежде активного «серебряного правила» «делать с другими то, что вы хотели бы, чтобы другие делали с вами». Соблюдая правило «не поступай с другими так, как не хотел бы поступать с собой», можно избежать ненужного столкновения религий. Единственная цель миссионерской работы заключается в межконфессиональном диалоге, а не в том, чтобы обратить другого в свою веру. Это не означает, что человек больше не обязан делиться «хорошими новостями». Просто рекомендуются более целесообразные способы для передачи сообщения. Ключевой момент состоит в том, что интерес к другому уже заключен в моем самосознании.

Человечность как осознание принимает трансцендентное значение. Поскольку мы неотделимы и целостно взаимосвязаны со всеми вещами, мы обнаруживаем общий источник. Не только объективная реальность общего источника, но и человеческая осведомленность и способность разделять его позволяют нам признать наше величие как людей. В этой связи решающее значение имеет субъектность. Никакие отношения не могут генерировать свет и тепло самосознания. Каждая форма жизненной энергии, которая создает вещь, воплощает принцип. Все принципы исходят из Небесного начала. И все они имманентны «подлинному сердцу». Это полностью согласуется с утверждением Мэн-цзы о том, что «все множество вещей заключено во мне». Его следующее утверждение: самая большая радость в жизни – это когда, «размышляя, я обнаруживаю, что верен себе» [Chan Wing-tsit 1963a: 79] – может быть понято как то, что главное счастье – это осознание того, что я подлинный человек, формирующий одно тело с Небом, Землей и множеством вещей. Мы должны добавить, что в этом, казалось бы, глубоко монизме есть одна тонкость, а именно «единство принципа и множественность его проявления»⁷ [Ibid.: 544]. Например, человечность как универсальную любовь следует поощрять, но на практике дифференцированная любовь, начинающаяся с ближайших родственников и распространяющаяся далее, является подходящим методом осуществления принципа человечности в семье, социуме, нации и т. д.

В последние десятилетия предпринимались различные значимые попытки возродить гуманизм в качестве основополагающей задачи перестройки мирового порядка, позволяющего людям жить вместе в объединенном обществе. Преднамеренные усилия, направленные на выделение абстрактного универсализма, в котором гармония неверно истолковывается как единообразие, а кажущаяся всеобъемлющей идея общей судьбы лишь замаскирована под стратегию господства, заставляют всех утонченных сторонников гуманизма в XXI в. опасаться односторонности. Вполне понятно, что признание культурного разнообразия занимает сегодня видное место в гуманистическом мышлении. Многие гуманисты считают различия предпосылкой гармонии. Гармония без единообразия или, что более позитивно, гармония, которая допускает, признает и уважает различия, является правильным путем, в то время как требование соответствия предвзятому и часто идеологизированному образцу управления является искаженной версией гармонии. Глобализация, возможно, представляет собой более интенсивный процесс

⁷ Чэн И сказал: «Принцип един, но его проявлений много».

модернизации, но в более глубоком смысле она также представляет собой значительный отход от модернизации, не говоря уже о вестернизации. Пространственная идея о Западе и современная идея о времени подразумевают преобразовательную стратегию развития, которая ведет к сближению и даже единообразию. Глобализация также способствует локализации, национализации и регионализации. Она позволяет нам увидеть новый спектр цвета, звука, запаха, вкуса, настроения, эмоций и чувств, связанных с этнической принадлежностью, половым признаком, языком, возрастом, местом, классовой принадлежностью и верой. Человеческое сообщество никогда еще не было таким разнообразным и в то же время, благодаря достижениям науки и техники, особенно информационным и коммуникационным технологиям, таким взаимосвязанным.

Как же можно представить себе гармонию разнообразия в дифференцированном и взаимосвязанном обществе? Я бы хотел предложить в качестве ответа духовный гуманизм. С этой точки зрения во Вселенной все виды бытия различаются, но в то же время они взаимосвязаны. Оно уникально, но неотделимо от всего остального. Эволюция человека в его самой авторитетной истории, известной научному сообществу на сегодняшний день, представляет собой микрокосм макрокосмического повествования о Большом взрыве 13,8 млрд лет назад с появлением Солнца и Земли. В планетарном масштабе возникновение жизни, животных и человеческого рода также является неотъемлемой частью того же повествования. В этом смысле сказать, что «Небо и Земля – наши родители» – не романтическое утверждение, а эмпирическое.

Каждый человек, одаренный Небесным Указом, по своей сути свободен, равноправен и ценен для осознания того, что в нас велико. Наше достоинство обеспечено нам нашей субъектностью. Это наша благородная миссия – беречь свою личность (неповторимость). Никакая внешняя сила не должна и не может отнять у нас «подлинное сердце», «Небесное начало» или «подлинное осознание»: «власть командующего тремя армиями можно отнять, но волю простолюдина отнять нельзя»⁸ [Ni 2017: 242–243].

Не менее важной предпосылкой духовного гуманизма является неприкосновенность Земли. Наша Вселенная насыщена внутренним богатством и духовной красотой. Эта реальность не может быть доказана никакими эмпирическими данными. Она также не может быть понята логикой естественных наук, таких как нейробиология. Это, скорее, обетование, даже вера, которая может или не может быть теистической. Вопрос состоит в том, чтобы признать, что потребовались миллиарды лет с точной настройкой всех элементов – воздуха, воды, почвы и многих других факторов, чтобы мы появились на столь короткий момент. Мы можем отклонить всю эту историю как бессмысленную. Мы можем следовать основным и второстепенным историям создания, чтобы принять тезис о том, что в нашем существовании есть цель. Конечно, существует и множество других вариантов. Онтоология, лежащая в основе философии Б. Спинозы, которая была источником вдохновения для А. Эйнштейна, кажется отличным кандидатом для

⁸ Подобная воля запечатлена, например, в известном изречении Мэн-цзы: «Те, кого нельзя заставить в бесчинствах, когда они богаты и почитаемы, или отклонить от их цели, когда они бедны и безвестны, или заставить преклоняться перед высшей силой, – это те, кого я назвал бы великими личностями».

формулирования такой идеи. Кроме того, П. Тиллих и К. Саган, как упоминал Р. Дворкин, поддержали тезис о том, что мы должны верить в «объективную реальность», что в жизни есть смысл и что природа имеет внутреннюю ценность [Dworkin 2013]. Однако я осуждаю его подчеркнутое неприятие материализма и натурализма и категорически против его антитеистической позиции.

Я согласен с Р. Э. Осборном в том, что онтоотеологии, которую отстаивает Дворкин, не хватает «глубоко гуманизирующего сообщества или жизнеобеспечивающей радости», несмотря на ее «приличие и достоинство» [Osborn 2015]. У меня также есть серьезное замечание по поводу надежды Дворкина на то, что физики и астрономы в итоге ответят на окончательный вопрос, когда они откроют теорию всего. Это не только слишком оптимистично, но и упрощенно. Если «мы живем в странной Вселенной: атомы составляют всего 4 % видимой Вселенной, темная материя – 24 %, а темная энергия – энергия, связанная с пустым пространством, – составляет 72 %» [Spergel 2014: 125], разумно предположить, что всегда есть тайна за пределами человеческого понимания.

Теистический подход вызывает определенный резонанс в духовном гуманизме. Священные места (собор, церковь, храм, мечеть, синагога), гимны, песни, молитвы, танцы, фестивали находятся вне притязаний на научный, философский или теологический контроль. Все три великие теистические религии обладают достаточными духовными ресурсами и интеллектуальной глубиной, чтобы вдохновлять нас петь песни надежды и выражать благодарность Божественной любви. Они внесли огромный вклад в человеческую религиозность.

Духовный гуманизм может быть и теистическим, и пантеистическим, но он также включает в себя атеизм и некоторые характеристики витализма, присущие многим коренным традициям. Он отличается от монотеистических религий несколькими существенными чертами. Духовный гуманизм принимает неприкосновенность/святость Земли как должное, присоединяется к идее непрерывности бытия. Подразумевается, что его представители не верят в радикальное трансцендентное, такое как «Нечто Иное», что является священным, согласно Р. Отто⁹. Уместна меткая фраза Г. Фингаретта, касающаяся «светского в качестве священного» (Fingarette 1972). Другими словами, мир жизни, по своей сути, имеет смысл. Именно здесь реализуется и должен реализовываться конечный смысл жизни. С точки зрения духовного гуманиста, наши корни находятся в Земле и социуме, особенно в семье. Наше тело – настоящий дом для нашего разума, души и духа. Мы учимся быть настоящими людьми посредством Земли, социума и тела. Наше духовное преобразование является отступлением не от того, где мы находимся, но путешествием к внутренней природе нашего существа. Парадоксально, но внутреннее ядро нашего существа, источник нашего самопознания – это не что иное, как макрокосмическая реальность, укоренившаяся в нас самих. Конечно, Земля, социум и тело ограничивают нас. Они придают нам конкретную форму. Мы неизбежно земные, социальные и телесные. До сих пор духовные традиции в целом учили нас освобождаться от этих ограничений. Главное человеческое стремление – освободиться от мирских оков, вырваться из темницы души. В духовном гуманизме это ограничения, дающие нам возможность, это средства,

⁹ Основано на идее «мистериума» Рудольфа Отто в его концепции «священное» [см.: Отто 1923].

которые ведут нас вперед к нашей судьбе. Они играют важную роль, предлагая каждому из нас уникальный путь к самореализации. Без них мы бы не могли существовать ни в каком конкретном смысле. Они – наши воплощения.

Человек, задуманный таким образом, является не творением, а активным участником космической трансформации в качестве наблюдателя, действующего лица, со-творца. Несмотря на то, что Творца может и не быть, творчество со времен Большого Взрыва никогда не терялось, а накапливалось в каждом сегменте эволюционной истории – Солнце, Земле, жизни, животном и человеке. Мы – наследники космической энергии. Мы несем ответственность, чтобы то, что наделено нашей природой, продолжало давать силу новым реальностям и жизненным формам. Сторонники духовного гуманизма верят, что человеческая жизнь имеет трансцендентное значение, что всегда есть постижимая тайна и что теизм, как и другие проявления человеческой религиозности, учит нас подниматься над секуляризмом. Мы – конечные существа, но в нашей конечности есть постоянное присутствие бесконечной божественности. Духовный гуманизм – это вера в человеческую природу: задача обучения быть настоящим человеком состоит в том, чтобы «сформировать одно тело с Небом, Землей и множеством вещей», ибо существует внутреннее единство между имманентностью и трансцендентностью.

Литература

Berry Th., Swimme B. *The Universe Story: From the Primordial Flaring Forth to The Eozoic Era – A Celebration of the Unfolding of the Cosmos*. New York : Harper San Francisco, 1992.

Boodberg P. *The Semasiology of Some Primary Confucian Concepts* // *Philosophy East and West*. 1953. Vol. 2. January. Pp. 317–332.

Chan Wing-tsit. *A Source Book in Chinese Philosophy*. Princeton : Princeton University Press, 1963a.

Chan Wing-tsit. *Instructions for Practical Living and Other Neo-Confucian Writings by Wang Yangming*. New York : Columbia University Press, 1963b.

De Barry W. Th. *Asian Value and Human Rights: A Confucian Communitarian Perspective*. Cambridge : Harvard University Press, 1998.

Dworkin R. *Religion without God*. Cambridge : Harvard University Press, 2013.

Fingarette H. *Confucius: the Secular as Sacred*. New York : Harper & Row, 1972.

Hutton E. L. *Xunzi, the Complete Text*. New Jersey : Princeton University Press, 2014.

Legge J. *Chinese Classics*. Vol. 2. *Works of Mencius*. Taipei : SMC Publishing Inc., 1991.

Lu J. *Lu Jiuyuan Collection*. Vol. 35. *Classical Quotation B*. Beijing : China Publishing House, 2008.

Ni P. *Understanding of the Analects of Confucius: A New Translation of Lunyu with Annotations*. New York : State University of New York Press, 2017.

Osborn R. *Ronald Dworkin's Onto-Theology* // *Harvard Divinity Bulletin*. 2015. Vol. 43. No. 1, 2.

Otto R. *The Idea of the Holy*. Oxford : Oxford University Press, 1923.

Rosemont Jr., H., Ames R. The Chinese Classic of Family Reverence: A Philosophical Translation of Xiaojing. Honolulu : University of Hawaii Press, 2009.

Spergel D. N. Cosmology Today // Daedalus. 2014. Vol. 143.

Tu W. The Dignity of Human Being from the Perspective of Embodied Knowing (Outlines) // International Confucian Studies. 1998. Vol. 6.

Tu W. Mencius: Self-Awareness of A Profound Person / W. Tu // Anthology. Vol. 5. Wuhan : Wuhan Press, 2002a. Pp. 28–56.

Tu W. Continuity of Being / W. Tu // Anthology. Vol. 5. Wuhan : Wuhan Press, 2002b. Pp. 4–6.

Tu W. Embodied Knowing Confucianism. Hangzhou : Zhejiang University Press, 2012.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛИСТИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

Чумаков А. Н.**

В статье обсуждаются актуальные вопросы подготовки профессиональных кадров в новейшей области междисциплинарного знания – глобалистике. Обращается внимание на усиление глобальной нестабильности и обострение международных противоречий, преодоление которых предполагает адекватное понимание современной глобализации и обусловленного ею нового международного порядка. Отмечается также, что современное образование не адаптировано к решению такого рода задач, требующих не только национально, но и глобально ориентированного мышления. Поднимается проблема организации учебного процесса в условиях активной интеграции различных наук и ставится вопрос о создании в структуре современных университетов альтернативных факультетам инттертетов. Обосновывается, что именно инттертеты способны обеспечить организацию образования на междисциплинарной основе с опорой на широкие международные связи.

Ключевые слова: глобализация, глобальные исследования, глобалистика, образование, междисциплинарное знание, университет, инттертет, интеграция научного знания.

The article discusses topical issues of teaching the professional staff in the newest area of cross-disciplinary knowledge – global studies. The author pays attention to strengthening global instability and aggravation of international contradictions. Their overcoming requires an adequate understanding of current globalization and related new international order. It is also noted that contemporary education is hardly adapted for the solution of such tasks demanding not only national, but also global thinking. The author discusses the problem of organization of educational process in the situation of active integration of various scientific fields and suggests creating alternative to departments forms of education (which the author denotes as intertets) within the structure of modern universities. He claims that such new forms of education are capable to provide education on a cross-disciplinary basis and with broad international participation.

Keywords: globalization, global researches, global studies, education, interdisciplinary knowledge, university, intertet, integration of scientific knowledge.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

** Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, в. н. с. Института философии РАН, первый вице-президент Российского философского общества. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

Тема данной публикации уже была предметом особого внимания на страницах нашего журнала [Чумаков 2009]. С тех пор минуло десять лет, однако поставленные тогда проблемы не только не потеряли своей актуальности, но обрели еще большую значимость в условиях, когда современный мир, раздираемый противоречиями, балансирует на грани войны и мира. Однако люди, от решений которых зависит судьба многих народов, а то и всего человечества, демонстрируют по большей части непонимание того, что глобальные процессы, охватившие к настоящему времени различные сферы общественной жизни как на планетарном, региональном, так и на локальном уровне, – это объективная реальность, проигнорировать которую не может уже никто. В то же время не только глобальные процессы, но и их всевозможные позитивные и негативные последствия требуют к себе пристального внимания, учета их в политической, экономической, культурной и иной деятельности всех без исключения стран и народов. Отсюда теоретические знания и основанные на них рекомендации в области практической деятельности становятся все более востребованными и актуальными. А поскольку глубокое осмысление природы, динамики и тенденций развития глобализации предполагает наличие соответствующего профиля и уровня научных кадров, особую актуальность приобретает проблема подготовки специалистов в области глобальных исследований, именуемой глобалистикой.

Потребность в таких профессиональных кадрах назрела давно, как минимум с последней четверти XX в., когда глобалистика в основном уже обрела свои очертания в качестве новой области междисциплинарного теоретического знания и сферы практической деятельности. Однако проблема целенаправленной подготовки специалистов в области глобалистики все еще не получила удовлетворительного решения, причем не только в той или иной стране, но и в мире в целом. И это несмотря на то, что для решения такой задачи уже сформировались необходимые предпосылки и условия, во всяком случае, в тех странах, где глобальным исследованиям уделяется должное внимание. Таковыми являются страны Запада, среди которых с конца XX в. лидирующие позиции занимают США, и Россия. С учетом перемен последнего времени к ним с достаточным на то основанием можно отнести и Китай, а с определенными оговорками – и некоторые другие страны, такие, например, как Бразилия, Южная Корея, Сингапур, ЮАР.

В этой связи следовало бы отметить, что хотя глобальные тенденции и их негативные последствия, наглядно проявившиеся на рубеже 60–70-х гг. XX столетия, изначально оказались в центре внимания западных исследователей, в Советском Союзе, противостоявшем тогда Западу, практически в то же время получила развитие отечественная глобалистика. Первоначально она выстраивалась как альтернативная западным представлениям система знаний о взаимодействии природы и общества и в основе своей была направлена на критику капиталистического способа производства и соответствующих общественных отношений. Затем, по мере развития этой сферы знания, в отечественной глобалистике все более отчетливо стали проявляться такие ее отдельные направления, как философско-методологическое, естественно-научное, социоприродное, культурологическое и др. В этой связи важно подчеркнуть, что в 1970–1980-е гг., когда в мире широкую известность получили доклады Римского клуба, а под эгидой ООН начались соответствующие исследования, в нашей стране основы глобалистики закладыва-

лись такими учеными, как И. Т. Фролов, Н. Н. Моисеев, Д. М. Гвишиани, М. И. Будыко, Н. Ф. Реймерс, В. В. Загладин, А. Л. Яншин, В. А. Виноградов, С. П. Капица, А. А. Громыко, Г. С. Хозин, В. И. Данилов-Данильян, Э. В. Гирусов, И. В. Бестужев-Лада, А. Д. Урсул, Г. С. Гудожник, В. А. Лось, В. А. Кобылянский, Н. М. Мамедов, А. А. Горелов и др. [Глобалистика. Персоналии... 2012].

В итоге был накоплен и впервые в мировой практике основательно систематизирован богатый теоретический материал по части глобальных исследований, что позволило России выйти на передовые рубежи в данной области и существенно опередить Запад в формировании контуров нового научного направления. Достаточно сказать, что первые энциклопедические справочные издания по глобалистике были изданы именно в России в начале нашего века [Глобалистика: Энциклопедия 2003; Global Studies Encyclopedia 2003; Глобалистика... 2006], тогда как аналогичное издание на Западе появилось лишь девять лет спустя, то есть в 2012 г. [Encyclopedia... 2012]. В том же 2012 году в России впервые вышел в свет энциклопедический справочник, содержащий обширную информацию о персоналиях, организациях и трудах в области глобалистики [Глобалистика... 2012]. Четырьмя годами позже вышло второе издание этой книги [Глобалистика... 2016]. К настоящему времени широкую известность получили также английские переводы русскоязычных энциклопедического словаря «Глобалистика» [Global... 2014] и справочника по глобалистике [Global... 2017]. Также стоит отметить ежегодник на английском языке «Globalistics and Globalization Studies», который выпускается с 2012 г. при активном участии факультета глобальных процессов МГУ и редакций журналов «Век глобализации» и «Journal of Globalization Studies» (см., например: Globalistics... 2013; 2016; 2017). Как эти издания, так и обширная фундаментальная литература по глобальной проблематике, нарабатанная в том числе и в нашей стране [Чумаков 2017; Бек 2001; Ильин 2012; Чумаков 2018; Chumakov 2015 и др.], составили основу и придали четкие очертания глобалистике, которая с тех пор в полной мере может претендовать на статус особого междисциплинарного направления в системе современного научного знания.

Все это сыграло важную роль и стало одним из основных побудительных мотивов при принятии решения об открытии в 2005 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова факультета глобальных процессов, который не только тогда был новационным проектом, но и сегодня остается единственным в своем роде учебным подразделением. Создание такого факультета стало знаковым событием во многих отношениях, но прежде всего это был прорыв в области подготовки кадров в принципиально новом направлении междисциплинарного научного знания. И, что заслуживает особого внимания, в зарубежных университетах до сих пор не существует его аналогов. О причинах такого положения дел будет сказано ниже. Теперь же отметим, что во многом благодаря созданию факультета глобальных процессов наши позиции на мировой арене в области глобалистики, завоеванные в 1970–1980-е гг., к настоящему времени как минимум не ослабли. Более того, они существенно укрепились, и не только потому, что мы получили возможность на серьезной профессиональной основе готовить молодежь в области глобалистики, но и значительно расширили международные связи, стали регулярно проводить соответствующие международные конгрессы, целенаправленно выпускать специальную литературу, не говоря уже об

упомянутых выше энциклопедических изданиях или, например, об издании таких журналов, как «Век глобализации» или «Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика».

Вместе с тем, хотя наши позиции в абсолютном выражении заметно укрепились, в мировом измерении это относительное достижение. Так, западная глобалистика за последние пару десятилетий получила гораздо более существенную поддержку в плане своего развития и значительно продвинулась вперед. Достаточно полистать изданный на русском и английском языках справочник «Глобалистика» [Глобалистика. Персоналии... 2012; Global... 2017], чтобы убедиться в том, что сегодня во всем мире имеется уже множество различных структур (центров, институтов, кафедр, творческих коллективов по исследованию глобальных процессов и их последствий), издается большое количество специализированных журналов, опубликована и продолжает выходить обширная литература по глобалистике.

И все-таки западные университеты явно отстали от МГУ в плане подготовки специалистов в области глобальных исследований. Справедливости ради надо сказать, что в такой же ситуации находятся и российские университеты, которые не знают, как, не понимают, с какой стороны подступиться к решению столь непростой задачи. Да, конечно, в последнее время все больше приходит понимание того, что необходима реорганизация учебного процесса таким образом, чтобы он адекватно реагировал на новые вызовы глобального мира и был направлен на успешное решение современных задач. Но вот как это сделать, как соотнести решение данной проблемы с тем, что столетиями формировалось, складывалось и предопределило структуру современных университетов, не ясно.

Дело в том, что прежние и культивируемые ныне подходы к организации высшего специального образования, развивающегося по пути дифференциации научного знания, принципиально не подходят для глобалистики, поскольку она является результатом прямо противоположных тенденций в науке, а именно процессов *интеграции научного знания*. Иными словами, глобалистика сформировалась на стыке различных сфер теоретического знания, сопряженного с конкретной практикой. Она стала новым направлением и обрела особый наддисциплинарный статус, поскольку различные научные дисциплины, оставаясь каждая на своей платформе, объединились в своих усилиях по осмыслению глобальных процессов и их всевозможных последствий.

Таким образом, глобалистика, изначально сформировавшаяся как междисциплинарная наука, просто не может существовать и развиваться по-другому. Именно поэтому работающие самостоятельно ученые, всевозможные структуры, коллективы или исследовательские группы, спорадически возникающие в тех или иных университетах, как и целевые программы или проекты, не учитывающие указанного обстоятельства, принципиально не могут решить проблему подготовки кадров в области глобалистики.

Вполне очевидно, что специалистов такого рода нужно готовить целенаправленно, по особым программам, формирующим соответствующие компетенции. Но как это сделать, если в глобалистике теснейшим образом переплелись естественные, технические, гуманитарные и прикладные дисциплины, которые к тому же должны решать в этой связи не только теоретические, но и практические зада-

чи? Это принципиально новая ситуация, и современные университеты, опираясь на традиционные формы обучения и организации исследовательской работы, а также на соответствующие им структуры, не в состоянии справиться с такой задачей.

В сущности, эта проблема имеет глубокие корни. На нее обратил внимание еще более ста лет тому назад замечательный русский ученый Д. И. Менделеев, который в своих «Заветных мыслях», впервые опубликованных в 1905 г., отмечал, что хотя с момента появления первых университетов в Европе прошло более 600 лет, они и поныне продолжают играть первостепенную роль в образовании народов. «В университетах, как вообще в школах, учащиеся находятся под влиянием не только профессоров, но и своих товарищей, – писал он, – а разнообразие специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведет к тому, что каждый получает большую широту просвещения, чем при следовании за отдельным, хотя бы и высоким учителем. Этому влиянию должно приписывать не только общераспространенное поныне и во многом справедливое мнение о том, что университеты дают общее высшее образование сверх специального, но также и то, что с возникновением университетов, совпавшим с эпохой Возрождения наук, школы в научном смысле стали расширяться, разнообразиться, умножаться и через своих adeptов влиять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX в., когда живая надобность в специально образованных деятелях значительно усилилась, была во множестве случаев упущена учреждением узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения. Ему по преимуществу обязано наше время тем, что по весьма широко распространенному мнению о данного рода делах могут судить с достаточным основанием только ближайšie специалисты, а эти последние очень нередко чужды надлежащего общего образования» [Менделеев 1995: 258].

И далее, обращаясь к своему преподавательскому опыту, он делает заключение, над которыми у нас и сегодня еще мало кто задумывается. «Бывший первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инженерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, – говорит он, – я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора» [Там же]. Затем Д. И. Менделеев вспоминает свои студенческие годы, когда он жил рядом не только с математиками, с которыми вместе слушал общие науки на первых двух курсах, но и со студентами других факультетов: экономистами, филологами, историками. «Я никогда не забуду тех столкновений во мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас, – отмечал он. – На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов» [Там же: 259].

Более 100 лет минуло с тех пор, как были сказаны эти замечательные слова, но их значение и сегодня не менее актуально, чем в то время, когда интегративные процессы в науке только начинались и были не столь очевидны, как теперь. И тем не менее необходимые предпосылки для решения обсуждаемой проблемы имеются. В этой связи несомненную ценность имеет почти четырнадцатилетний (без преувеличения *уникальный*) опыт работы факультета глобальных процессов МГУ.

Читая на протяжении многих лет курс теоретической глобалистики на факультете глобальных процессов, я каждый год, когда на втором курсе начинаются лекции для нового потока, слышу от студентов практически один и тот же вопрос: «Какую специальность мы получим в конечном счете? Кем будем после окончания данного факультета?» Казалось бы, уже поступая на факультет, они должны были хорошо ориентироваться в том, какую профессию, область знания, специализацию выбирают. Во всяком случае, такое понимание у абсолютного большинства студентов обычно складывается в ходе учебного процесса уже к началу второго курса. Однако это правило не действует, когда дело касается глобалистики как области научного знания и сферы практической деятельности, и на опыте работы упомянутого факультета мы видим тому вполне конкретное подтверждение.

Почему это так и в чем здесь проблема? Отвечая на данный вопрос, необходимо уточнить некоторые важные аспекты глобалистики, раскрыть ее содержание и задачи, а также коснуться истории организации учебного процесса в данной области, пусть еще небольшой, но уже достаточно яркой и поучительной. Следует заметить в этой связи, что в условиях острых дебатов и дискуссий вокруг глобалистики (а именно так обстояло дело на заре создания факультета) ключевой вопрос, на который нужно было ответить, формулировался так: каких специалистов будет готовить новый факультет?

Конечно, междисциплинарность новой сферы теоретического и прикладного знания принималась во внимание, но было вполне очевидно, что данный факультет, как и все остальные в университете, должен специализироваться на чем-то конкретном и не может работать сразу по различным направлениям, коими представлена современная глобалистика. В конечном счете выбор был сделан в пользу двух наиболее значимых сфер общественной жизни – экономики и политики. С тех пор на факультете на достаточно высоком теоретическом и научно-методологическом уровне ведется подготовка специалистов по двум направлениям: «Международная политика» и «Международная экономика», когда основной упор делается на транснациональные структуры, связи и отношения [Факультет... 2008]. И теперь, по прошествии времени, вполне очевидно, что такой подход к подготовке кадров в принципиально новой области научного знания был тогда наиболее оптимальным, а решение о создании столь необычного факультета – и вовсе революционным.

Однако перспектива подготовки кадров в области глобалистики, когда это будет делом уже не исключительным, а системным, мне представляется несколько иначе.

Здесь необходимо исходить из того, что глобалистика, как уже было сказано, – интегративная область междисциплинарного знания, включающая не только естественно-научную и гуманитарную составляющие, но и прикладные знания,

а также сферу конкретной практики. Она возникла не в результате дифференциации научных дисциплин, как это характерно для всех частных наук¹, а на пути интеграции теоретического знания, тесно связанного с практикой реальной жизни и решением проблем максимально большого, мирового масштаба. В отличие от конкретных научных дисциплин, имеющих дело с отдельными объектами материальной и духовной действительности, глобалистика ориентирована на иные аспекты и другой масштаб реального мира. В центре ее внимания – планета Земля, глобальные структуры, связи и отношения мирового уровня, человечество в целом. Иными словами, глобалистика занимается планетарными системами и процессами, протекающими в гео-, био- и социосфере. Отсюда понятийный аппарат глобалистики является единым лишь на философско-методологическом уровне, тогда как в целом, касательно всей области междисциплинарного знания, он «рассредоточен» по отдельным наукам, причастным к глобальным исследованиям. Именно поэтому в глобалистике, в отличие от конкретных научных дисциплин, нет ученых, которые представляли бы ее так, как, например, физик представляет физику, биолог – биологию или историк – историю. В глобалистике каждый конкретный ученый, специалист, исследователь непременно должен быть представителем той или иной конкретной науки, сферы знания или практики, где он выступает узким специалистом, специализирующимся на глобальной проблематике, с позиции именно своей профессиональной принадлежности. Иными словами, мы имеем здесь дело не с «глобалистами» вообще, а с вполне конкретными учеными, политиками и практиками, которые имеют различную теоретическую и профессиональную подготовку, но при этом решают общие задачи с позиции своих профессиональных знаний и умений. То есть объект исследования (приложения творческих или практических усилий) является общим, тогда как предметы (различные стороны, аспекты исследования таких объектов) оказываются разными.

Отсюда и подготовка специалистов в области глобалистики не может осуществляться на традиционных факультетах, поскольку они специализируются на конкретных направлениях научного знания и не в состоянии в полной мере учитывать междисциплинарность в решении сложных задач. В нашем же случае образование должно строиться таким образом, чтобы студенты в первую очередь получили специальное образование по программе бакалавриата на одном из «классических» факультетов и только потом прошли специализацию в области глобалистики (теперь уже в магистратуре) в особом университетском подразделении, о более точном названии которого мы скажем ниже. Иными словами, хотя специалист в области глобалистики и будет всегда представлять ту или иную конкретную область знания или практики, его специализация будет касаться глобалистики, предполагающей целостное видение глобальных процессов и их последствий [Чумаков 2014]. Это, в свою очередь, означает, что специалистов в области глобалистики нельзя подготовить непосредственно из выпускников средней школы, а потому следует несколько иначе взглянуть на структуру современных университетов.

---

¹ Заметим, что именно под такие конкретные науки во всех университетах и сформированы факультеты.

Сегодня в сфере образования не прекращаются серьезные дискуссии, за которыми вполне просматриваются позиции спорящих сторон и в отношении к глобализации. При этом нередко имеет место недопонимание, а то и вовсе игнорирование современных тенденций и последствий, обусловленных глобализацией. А они по большей части таковы, что традиционные, замкнутые на конкретные социокультурные структуры и ориентированные прежде всего на национальные интересы системы образования становятся закрытыми для транснационального общения, невосприимчивыми к меняющимся обстоятельствам и в конечном счете неэффективными и неконкурентоспособными. Отметим в этой связи, что традиционализм в образовании имеет не только минусы, но и свои плюсы; в нем немало позитивного и потому в известной мере его следует поддерживать и сохранять. Однако в быстро меняющемся мире и перемены, порой кардинальные, также необходимы [Махаматов 2010].

Вот почему в современных университетах наряду с развитием традиционных форм организации учебного процесса должны появиться не только новые факультеты в привычном значении этого слова, но и особые структуры, способные решать комплексные задачи. Отсюда наиболее эффективной формой организации, которая позволила бы в контексте обсуждаемых проблем глобалистики реализовать поставленные цели, могли бы стать научно-исследовательские и образовательные центры (институты). Еще лучше было бы назвать их, говоря буквально и следуя обратной логике формирования факультетов, *интертетами*, поскольку в их основу должны быть положены принципы *интеграции* научного знания². Они должны обладать также серьезным международным статусом, к чему просто обязывает характер стоящих перед ними задач. В рамках этих структур (и с их подачи) можно будет не только вести научные исследования, проводить соответствующие конференции, круглые столы, семинары, реализовывать целевые программы, проекты, экспертизы, но и готовить научные кадры, разрабатывать образовательные программы, осуществлять международную, издательскую, просветительскую деятельность в области глобалистики. Наконец, здесь же наилучшим образом можно будет соединять теорию и практику, формулируя заключения, выводы и предложения для лиц, принимающих решения на государственном и международном уровнях по наиболее актуальным проблемам современности. Иными словами, в таких структурах научно-исследовательская работа, учебный процесс и выработка конкретных рекомендаций должны быть теснейшим образом взаимосвязаны, чего сегодня так недостает современной науке и системе высшего образования.

При этом важно подчеркнуть, что в *интертетах* не должно быть обучения на уровне бакалавриата. На этом уровне образования различные кафедры соответствующего интертета, такие, например, как «История и теория глобалистики», кафедры глобальных проблем, мировой экономики, мировой политики, глобальных процессов и т. п., должны в популярной форме вести занятия на различных факультетах университета, преследуя прежде всего цели образования и просве-

---

² Возможно, предлагаемый термин не сразу будет принят, а то и вовсе не приживется, но потребность в нем (или по сути аналогичном ему) объективно существует, так как дело касается принципиально новой, не имеющей аналогов в истории науки и образования структуры, появление которой – дело времени.

щения в области глобальных исследований, без чего уже трудно представить себе современного хорошо образованного человека. В процессе таких занятий, несомненно, выделится часть студентов, которые (понятно, что с позиций своего основного предмета) проявят особый интерес к вопросам глобалистики и станут писать соответствующие курсовые и дипломные работы. Именно они и составят тот костяк студентов, которые затем поступят в магистратуру соответствующего интертета, где станут специализироваться по одному из направлений в данной области междисциплинарного знания, основываясь прежде всего на полученной в бакалавриате специальности.

Несомненно, что и последующие ступени подготовки профессиональных кадров также должны быть представлены в таком структурном подразделении – речь идет об *аспирантуре* и *докторантуре*. Они должны обеспечить подготовку кадров высшей квалификации, имея для этого как соответствующие программы и диссертационные советы, так и должную материально-техническую базу, поскольку «конкурентоспособность между отдельными регионами в рамках глобализирующегося мирового образовательного пространства сегодня определяется не только их интеллектуальным потенциалом, но и материальными затратами на его воспроизводство. Ни одна долгосрочная образовательная программа не может обходиться без высоких затрат» [Черных, Паршиков 2015: 45].

С учетом того, что речь идет о междисциплинарной области научного знания, где в значительной степени представлена гуманитарная составляющая, подобные структуры целесообразнее было бы создать в рамках уже существующих крупных университетов, имеющих разветвленную сеть факультетов. Такое решение позволило бы оптимальным образом совместить теоретические изыскания с образовательным процессом, а исследовательскую и педагогическую работу поставить на прочную основу уже имеющихся достижений в области глобалистики. При этом следовало бы максимально задействовать уже существующие базы данных, а также наработанные обширные международные связи, возможности Интернета, соответствующие сайты, новейшие средства коммуникации, современные технологии получения и обработки информации и т. п. [Алешковский, Сулейманова 2018]. Все это, конечно, не исключает и того, что интертеты могут создаваться и в относительно небольших университетах, но их деятельность в таком случае целесообразно было бы сосредотачивать не столько на образовательных, сколько на исследовательских и прикладных программах.

Предлагая к обсуждению поставленные выше проблемы, хотелось бы отметить в заключение, что будущее и мира в целом, и России в частности зависит от того, насколько адекватно мы будем реагировать на вызовы современности, сумеем ли эффективно использовать преимущества, которые предоставляет нам наука и ее новейшие достижения. А это значит, что необходимо постоянно переосмысливать и самих себя, и мир, в котором мы живем, чтобы наиболее оптимально вписываться в динамичную структуру мирового сообщества и адекватно реагировать на перманентные вызовы современности. Справиться с такой задачей можно, лишь имея сильную науку и эффективное, отвечающее требованиям времени образование, где мы, представители отечественной науки – и глобалистики в частности, – несем особую ответственность не только за адекватную оценку реальных событий, правильный выбор целей и предлагаемые пути их достижения, но

и в конечном счете за формирование соответствующего мировоззрения, способного диалектически соотносить национальное и интернациональное, частное и общее, локальное и глобальное.

Литература

Алешковский И. А., Сулейманова А. И. Амортизация человеческого капитала в информационном обществе // Информационное общество. 2018. № 2. С. 29–33.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ЕЛИМА, Питер, 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : КноРус, 2016.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм. Идеи, проблемы, гипотезы. М. : МГУ, 2012.

Махаматов Т. М. Переход к новой системе образования // Проблемы преподавания философии при двухуровневой системе образования бакалавр-магистр: сб. науч. ст. / под ред. Б. М. Смитиенко, А. Н. Чумакова. М., 2010. С. 5–7.

Менделеев Д. И. Заветные мысли. М. : Мысль, 1995.

Факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова // Век глобализации. 2008. № 2. С. 172–181.

Черных С. И., Паршиков В. И. Образование как услуга: социально-философский анализ // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 2(17). С. 40–47.

Чумаков А. Н. Россия в глобальном мире: необходимость адекватных решений // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 163–171.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 39–51.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Chumakov A. N. Philosophy of Globalization. Selected Articles. 2nd revised and expanded edition. Moscow : Moscow University Press, 2015.

Global Studies Directory. People, Organizations, Publications / ed. by A. N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Leiden; Boston : Editions Brill / Rodopi 2017.

Global Studies Encyclopedia / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay; TsNPP “Dialog”. Moscow : Raduga Publishers, 2003.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014.

Globalistics and Globalization Studies: Theories, Research & Teaching / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2013.

Globalistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2016.

Globalistics and Globalization Studies: Global Evolution, Historical Globalistics and Globalization Studies / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2017.

Encyclopedia of Global Studies / ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2012.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Урсул А. Д.*

В статье отмечается, что происходит становление глобального мира и этот мир как отражается в науке и образовании, так и формирует их. Уже появился глобальный кластер научного знания, связанный с глобализацией образования и становлением глобального образования. В статье ставится цель выявить основные интегративные характеристики и черты в формах и содержании этих глобальных эволюционных процессов в образовании. Автор показывает, что в образовании разворачиваются интегративные тенденции, связанные с глобально-эволюционными изменениями цивилизации и ее взаимодействия с природой. Отмечается, что глобализация образования ориентирована в основном на формально-организационные способы интеграции различных систем и форм образования; при этом выделяются наиболее значимые направления этого процесса. А глобальное образование характеризуется качественно-содержательными трансформациями образовательного процесса, предметное поле которого «наполняется» универсально-интегративным знанием, полученным в ходе глобальных исследований; показана его практическая реализация в мировом образовании. Статья отражает необходимость выявления в ходе научного дискурса значения и роли глобальных исследований в науке и разработки общей концепции глобального образования. Реализация последнего началась в образовательной глобалистике, изучающей закономерности и тенденции глобальных процессов в образовании, и прежде всего таких форм, как глобализация образования и становление глобального образования.

Ключевые слова: глобализация, глобализация образования, глобалистика, глобальные исследования, глобальное образование, глобальные проблемы, глобальные процессы, глобальный кластер знания, междисциплинарность, образовательная глобалистика.

The article points to the ongoing formation of the global world while the world itself is both reflected in science and education and forms them. There has already emerged a global cluster of scientific knowledge associated with the globalization of education and formation of global education. The article aims at identifying the major integrative characteristics and features in the forms and content of these global evolutionary processes in education. The author defines the integrative tendencies related to the global-evolutionary changes of civilization and its inter-

---

* Урсул Аркадий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований и профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

action with nature. It is noted that the globalization of education is focused mainly on the formal and organizational ways of integration of different systems and forms of education; so the most significant directions of this process are highlighted. And global education is characterized by qualitative and meaningful transformations of educational process, whose subject field is 'filled' with universal and integrative knowledge obtained in the course of global studies; its practical implementation in world education is shown as well. The study shows the necessity to identify in the course of scientific discourse the importance and role of global research in science and the development of a common concept of global education. The implementation of this latter started in educational Globalistics, which studies the patterns and trends of global processes in education and, above all, of the forms like the globalization of education and the formation of global education.

Keywords: *globalization, globalization of education, Globalistics, global studies, global education, global problems, global processes, global cluster of knowledge, interdisciplinary, educational globalism.*

Введение

Процесс созидания глобального мира уже отражается в науке и образовании, которые играют существенную роль в глобальных трансформациях [Урсул 2017; Чумаков 2018; Ilyin, Ursul 2017; Ursul A. D., Ursul T. A. 2015; Ursul *et al.* 2018]. Генезис глобального миропонимания восходит еще к М. В. Ломоносову, но ряд глобальных идей был высказан В. И. Вернадским, Л. Н. Гумилевым, Н. Д. Кондратьевым, П. Тейяром де Шарденом, К. Э. Циолковским, А. Л. Чижевским, К. Ясперсом, авторами докладов Римскому клубу и др.

Между тем лишь начиная с исследований В. И. Вернадского развернулось направление науки, имеющее глобальную ориентацию. Процессы глобального характера Вернадский стал изучать уже в 1902–1903 гг. и в эти же годы читал лекции по глобальной проблематике в Московском университете [Вернадский 1981: 301–303]. В. И. Вернадский тем самым предвосхитил начало новой – глобальной – революции в науке и образовании, что позволяет ставить вопрос о его приоритете в этих сферах в широком «глобальном измерении», без разделения на отдельные формы и направления их развития [Вернадский 1981].

Ученый также опубликовал немало трудов по проблемам образования, причем в статье «Задачи высшего образования», изданной еще в 1913 г., «первый всеохватно увидел науку, образование и – шире – культуру человечества: не как “внутреннее дело” людей, не как общественный феномен, но как некое планетное явление» [Аксенов 2015: 161]. Это глобальное видение образования В. И. Вернадским также следует из его интерпретации научной мысли как «планетного явления».

В настоящее время интенсивно ведутся исследования глобального мира как такого, который формируется глобальными процессами и обретает общепланетарную социальную и социоприродную целостность. Уже появился особый научный кластер (глобальный кластер научного знания), включающий в себя глобалистику, отдельные глобальные дисциплины (типа глобальной экономики, глобальной экологии и т. п.), глобализационные исследования, глобальный эволюционизм и др. [Урсул 2018а; 2018б; Ilyin, Ursul 2017; Ilyin *et al.* 2016].

В глобальных исследованиях используется глобальный подход, а их объект обладает такой характеристикой или свойством, которое именуется глобальностью. Термин «глобальный» является многозначным, но используется в нескольких основных значениях: как распространяющийся на всю планету в целом либо даже на все мироздание, или как общая черта (тенденция) некоторого множества исследуемых феноменов.

В кластер глобального знания в определенной части имеет смысл включить те направления наук об образовании, которые отражают процесс его глобализации и становление глобального образования [Ильин, Урсул 2016; Ильин и др. 2014; Ключарев 2003; Лиферов 1997]. Получаемые в этом кластере результаты исследований начинают уже использоваться в новой форме образования – глобальном образовании, способствуя обретению им планетарной целостности. В статье ставится цель выявить глобально-интегративные тенденции в образовании, в основном концентрируя внимание на общих характеристиках и чертах глобализации образования и глобального образования.

Методология работы носит интегративно-комплексный характер и использует сочетание методов, прежде всего общенаучных, таких как индукция и дедукция, сравнение и аналогия, описание и объяснение, синтез и анализ. Применяются глобальный и системный подходы, интегративно-междисциплинарный, исторический и эволюционный подходы, методы концептуального моделирования, прогнозирования науки и исследования будущего. Объектом исследования являются интегративные тенденции эволюции образования, а предметом – глобальные характеристики и тенденции образования, главным образом его глобализация и становление глобального образования. Автор высказывает гипотезу, что развертывание этих глобальных форм и направлений образования окажет существенное влияние не только на само мировое образование, формируя контуры его общепланетарной целостности, но и на опережающее созидание глобального мира, становясь ключевым фактором его развития.

Глобализация образования

Интегративно-глобализационные процессы в образовании проявляются в основном в двух формах (направлениях) – глобализации образования и становлении глобального образования, которые уже существуют и развиваются несколько десятилетий. Глобализация сейчас видится в качестве доминирующей формы глобального развития, ориентированного на универсализацию, интеграцию и достижение целостности человечества.

Глобализация образования акцентирует внимание в основном на его формально-организационных аспектах и связана с взаимодействием и зачастую с объединением различных региональных, национально-государственных и других форм и систем образования. А глобальное образование дополняет эту «глобальную форму» интеграции содержательным «наполнением»: глобальным знанием и мировоззрением как результатом глобальных исследований. Главным образом в ходе этих двух процессов формируется «глобальная магистраль» мирового образования.

Акцентируя внимание на интегративных процессах, глобализация образования расширяет и синтезирует научно-образовательное пространство, формируя

в нем новые центростремительные и сетевые взаимосвязи. Вектор глобализации скорее нацелен на становление каких-то интегративно-универсальных формально-организационных тенденций и черт «внутри» мирового образовательного комплекса, чем на появление единой глобальной системы образования, достижение которой представляется весьма проблематичным.

В процессе глобализации образования выделялись направления, которые исходят из различных оснований, но здесь имеет смысл связать эти направления с уже существующими глобализационно-образовательными процессами. Прежде всего обратим внимание на Болонский процесс (охвативший почти полсотни стран), который хотя и является региональным (или даже континентальным) феноменом, но может служить одной из моделей глобализации образования, ориентирующих на формирование общих европейских стандартов в области высшего образования, связанных в основном с его формально-организационной деятельностью, а не предметно-содержательными проблемами.

Региональную интеграцию образования различных стран с отчетливо выраженной глобальной ориентацией на его содержательную сторону дополняет другой глобализационный процесс, начавшийся с реализации Стратегии Европейской экономической комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2014; UNICE...]. Хотя речь идет об официальном документе в основном регионального масштаба, он охватывает более 25 % стран – членов ООН в области создания принципиально новой модели образования, вектор которой ориентирован на достижение глобальной устойчивости. Поскольку реализация как этой стратегии, так и Болонского процесса началась с 2005 г., целесообразно в будущем интегрировать эти глобализационно-образовательные процессы в единую образовательную и даже научно-образовательную систему.

Важное значение, но уже на более высоком, глобальном уровне, имели приняты в процессе подготовки Саммита по устойчивому развитию «Рио+20» «Обязательства учреждений высшего образования в отношении практики обеспечения устойчивости в связи с Конференцией ООН по устойчивому развитию» [Higher... 2012], согласно которым вузы и их подразделения обязуются поддерживать и стимулировать достижение глобальной устойчивости. Всего более 270 вузов из 47 стран взяли на себя эти обязательства в 2012 г., и данная сеть образования начинает играть роль важного фактора в области становления образования для устойчивого развития (ОУР) на международном уровне.

В последнее время процесс становления ОУР стал опережать более общий процесс перехода к устойчивому развитию (УР), поскольку и Всемирная конференция ЮНЕСКО по ОУР в Нагое (Япония, 2014 г.), и Всемирный форум по вопросам образования в Инчхоне (Республика Корея, 2015 г.) проходили раньше, чем Саммит по УР, принявший Цели устойчивого развития (ЦУР)**. ОУР тем самым оказалось одним из главных инструментов достижения 17 глобальных ЦУР, принятых ООН, которая утвердила Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г. [Transforming... 2015]. На упомянутых конференциях была принята и поддержана Глобальная программа действий по ОУР [Global Action... 2016], ори-

---

** Цели устойчивого развития были сформированы ранее, но приняты только в конце 2015 г.

ентирующая на глобализацию образования, образование для всех, достижение глобальной устойчивости и выделяющая образование в качестве ключевого приоритета для реализации.

Уже не одно десятилетие продолжается и такой глобализационный процесс, как транснациональное (трансграничное) образование, когда студенты одной страны дистанционным и иным способом получают образование в вузах других стран. Эта форма образования предполагает преодоление границ и передвижение студентов (или преподавателей) из одной страны в другую. Сходные цели преследует и российская программа «Глобальное образование», предоставляющая возможность гражданам страны учиться в университетах других государств (хотя более точное ее название – «Транснациональное образование», а термин «глобальное» выполняет рекламную функцию). Это же замечание можно отнести и к российской ассоциации «Глобальные университеты», которая была создана в 2014 г. с целью координации и объединения усилий университетов, повышения их рейтинга и ориентации на достижение конкурентоспособности в числе других университетов мира (участники Проекта 5-100, сейчас их уже более двух десятков).

Однако термин «глобальные университеты» можно встретить при характеристике ряда ведущих и действительно престижных мировых вузов, например, таких как Гарвард, Стэнфорд, Йель, Кембридж, Оксфорд и др. Появились и открытые мегауниверситеты, где обучаются более сотни тысяч студентов, широко использующие дистанционные способы образования, прежде всего Интернет.

В сфере образования развивается информационная глобализация в виде так называемого «умного образования» (*smart education*) [Тихомиров 2011]. Благодаря «умному образованию», «Интернету вещей» и другим информационно-коммуникативным *smart*-процессам в значительной степени реализуется «перенос» обучения в интерактивную электронно-цифровую среду. Причем именно на организационно-технологической базе *smart*-образования, формирующего условия для эффективного открытого дистанционного обучения, происходит становление не только дистанционных (в пространстве), но и опережающих (во времени) форм образования.

Причем «умное образование», существенно раздвигая темпорально-пространственные границы, активно способствует как глобализационным процессам в образовании, так и развитию глобального образования, дальнейшему распространению информационной глобализации. Это можно рассматривать и как его серьезный вклад в становление того будущего образования, которое будет соответствовать сфере разума – ноосфере, концептуальные основы которой в нашей стране заложил В. И. Вернадский.

Глобальное образование

Термин «глобальное образование» (который следует отличать от понятия глобального образования, что не всегда имеет место [Данильченко 2004; Ключарев 2003]), а также его первые концепции и организационные формы датируются 1970-ми гг., когда появился Американский форум для глобального образования в виде негосударственной организации, курирующей развитие этого образования в США и за их пределами. Форум в 1995 г. совместно с ЮНЕСКО провел в Нью-Йорке международную конференцию «Мосты в будущее», где были намече-

ны направления глобального образования в XXI в. (этот начальный этап развития данного типа образования, который еще четко не отделялся от глобализации образования, уже описан, см.: [Данильченко 2004]).

В качестве авторов первых концепций и систем глобального образования в педагогической литературе упоминаются американские ученые Р. Хенви и Дж. Боткин [Ильин, Урсул 2016; Ильин и др. 2014; Лиферов 1997; Образование... 1997; Черникова 2005; Botkin *et al.* 1979; Hanvey 2004]. Их модели образования исходят из представления о мире как о глобальном целом, а о человечестве – как о взаимосвязанной глобальной общине, где судьба каждого зависит от остальных людей. Данные модели представляются как открывающие новые глобальные перспективы на базе принципов глобализма, холизма, гуманизма и интегративно-междисциплинарного подхода, хотя эта гуманистическая сопричастность также должна быть связана с осознанием угроз и вызовов, кроющихся в глобальных проблемах.

Модель глобального образования Р. Хенви основывается также на таких императивах, как изучение состояния планеты, понимание динамики мировых процессов, формирование объективного миропонимания, кросс-культурная грамотность, осознание возможностей выбора. Дж. Боткин, разработавший модель глобально ориентированного образования, полагает, что на базе инновационного подхода необходимо перейти к сознательному предвидению будущих событий, а не просто адаптироваться к действительности. Этот «глобально-опережающий» подход предполагает возможность принятия решений при помощи интеграции прошлого с настоящим и будущим, позволяет выявлять альтернативы и новые пути развития. Все это дополняется способностью к сопереживанию, сотрудничеству, диалогу, взаимопониманию и развитием коммуникативных компетенций.

Следует отметить, что эти и другие «глобальные идеи» перешли во многие, в том числе и современные ведущие, университеты США, становясь для них возможностью реализации научно-образовательного потенциала, расширения сферы влияния. Однако этот тип глобального мышления имеет свои «американские» особенности во многих сферах деятельности, в том числе и в образовании. Наряду с гуманистическим представлением глобального образования, о котором вещали основатели его концепций, сейчас там реально доминирует мондиализм евроатлантического типа.

И понятно, почему: властные структуры Соединенных Штатов, действуя, как они полагают, в рамках однополярного мира, фактически пытаются отождествить свои национальные интересы с глобальными, распространяя их на весь мир, что выражается в подмене международного права национальным, торговых войнах, санкциях и т. д. и т. п. Такой точки зрения придерживаются не все частные университеты США, но фактически они не могут в полной мере проводить иную «глобальную гуманитарную политику», реализуя миссию глобального мышления и образования в общечеловеческом смысле. Поэтому важно не только учитывать то, что пишут университеты о своих миссиях на сайтах, но и реальные возможности их деятельности в рамках проводимых их страной политики и стратегии.

Педагогическая концепция глобального образования в нашей стране начала разрабатываться в рамках идеи глобальной перспективы Р. Хенви в Центре глобального образования, созданном в 1992 г. в Рязанском государственном педаго-

гическом университете под эгидой Российской академии образования [Лиферов 1997; Образование... 1997; Botkin *et al.* 1979]. Иные организационные формы глобального образования осуществлялись в нашей стране гуманитарными центрами, ассоциированными школами и кафедрами ЮНЕСКО в формах экспериментальных проектов по развитию глобального мышления, в основном мондиалистической ориентации [Черникова 2005].

В первое время становление глобального образования было сопряжено с осмыслением глобальных проблем, которыми полтора-два десятилетия до этого занимались движение мондиалистов и религиозное сообщество бахаи, а затем и другие структуры. Но в дальнейшем именно исследования глобальных проблем в докладах Римского клуба существенно повлияли на контент глобального образования. Затем не только в глобалистике, но и в глобальном образовании акцент сместился в сторону глобализации, и это продолжается до сих пор, хотя стали учитываться и другие глобальные процессы, в особенности такой потенциально общепланетарный процесс, как устойчивое развитие.

Реализация результатов глобальных исследований привела к тому, что первая в мире программа подготовки бакалавров в области международных отношений (со специализацией в области глобальных исследований) появилась еще в 1995 г. в Университете штата Калифорния (California State University, США). А первая магистерская программа (с такой же специализацией) стала реализовываться с 1997 г. в Университете Хитоцубаси (Hitotsubashi University, Япония), который специализируется на социальном знании. Сейчас соответствующие центры и программы в области глобального образования развернуты уже более чем в 140 учебных заведениях десятков стран.

В 2004 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова был создан факультет глобальных процессов, ставший центром образования в нашей стране в области глобальных исследований. Дважды, в 2013 и 2018 гг., факультет возглавлял Международный консорциум глобальных исследований (объединяющий более 40 вузов и исследовательских центров по всему миру, специализирующихся в сфере глобальных и международных исследований и образования). Цель консорциума – обмен учебными планами и идеями о программах обучения, учебными материалами, включая лекции и литературу, содействие совместным учебным проектам, таким как дистанционное обучение, распространение информации о трудоустройстве и стажировках для студентов, оптимизация мобильности студентов и ученых, обмен опытом реализации глобального образования. Уже поставлен вопрос об интеграции образовательных и научных форм взаимодействия, о необходимости создания международного стандарта для специалистов в области глобального образования и исследований [О Международном... 2012; Global Studies...].

Глобальные факторы и тренды все более активно вторгаются в науку и образование. Еще Римский клуб призвал «думать глобально, а действовать локально», но, к сожалению, этот лозунг был понят в смысле проведения локальных мероприятий, и прежде всего в экологическом направлении. Проводя локальные мероприятия по охране природы и рациональному природопользованию, многие даже не ожидали, что одновременно станет ухудшаться глобальная экологическая ситуация, в том числе из-за неудачной формулировки упомянутой максимы. Ведь еще В. И. Вернадский подчеркивал, что человек «должен – мыслить и действо-

вать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетарном аспекте» [Вернадский 1988: 35].

Тезис ученого о том, что мышление и действие не надо разделять ни в пространстве, ни в содержании, начинают понимать и в сфере образования. Например, международная неправительственная Ассоциация всемирного образования (*Association for World Education – AWE*, располагающая отделениями более чем в 20 странах мира) исходит из того, что если образование отражает осознание нашего тесного взаимодействия с миром в целом, то это должно быть отражено в новой глобальной парадигме образования. Поэтому девиз Римского клуба трансформирован ассоциацией в более приемлемый: «Думай глобально – действуй локально и действуй глобально – думай локально!» [Association...].

Глобальное знание на начальном этапе в основном отражало глобальное миропонимание и глобальные проблемы, поэтому оно превалировало и в первых формах глобального образования [Ильин, Урсул 2016; Лиферов 1997; Образование... 1997]. На следующем этапе развития глобальных исследований, когда большее внимание стало уделяться глобализации, соответственно, и предметное содержание глобального образования стало пополняться научными знаниями об этом глобальном процессе. Очевидна зависимость видения очередного этапа развития глобального образования как от периода развития глобальных исследований, так и от осознания их роли в цивилизационном развитии [Ильин, Урсул 2016; Урсул 2015].

Современное глобальное образование связано уже с более широкой гаммой глобальных процессов и систем, как с глобальными исследованиями, так и с глобальными процессами в обществе и природе. В настоящее время глобальные исследования, как упоминалось выше, представляют собой особый научный мульти- и междисциплинарный комплекс – глобальный кластер научного знания. Он включает в себя глобалистику как интенсивно развивающееся и расширяющееся ядро этих исследований, глобализационные исследования, глобальный (универсальный) эволюционизм, различные глобальные дисциплины типа глобальной социологии, глобальной географии, глобальной истории и т. п. Сюда время от времени включается также формирование нового глобального знания, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы в связи с влиянием тех или иных глобальных процессов (чаще всего речь идет о глобализации, но не только), и это знание становится частью структуры еще не глобализированной в целом конкретной области знания [Урсул 2018б; Ilyin *et al.* 2016; Ursul A. D., Ursul T. A. 2017].

Любые концепции глобального образования будут базироваться на уже полученном глобальном знании, на тех его результатах, которые уже имеются в современной науке. К сожалению, глобальное образование, как и образование в целом, существенно отстает от авангарда науки и поэтому здесь возникает проблема его футуризации, трансформации «отстающего» образовательного знания в актуальное и даже «опережающее» (о чем автор предполагает написать отдельную статью).

Глобальный вектор и миссии образования

Глобализация образования и становление глобального образования прежде всего представляют процесс расширения образовательного пространства и появления в нем новых связей, свойств, общих форм и нового содержания. Глобаль-

ные характеристики образования смогут довольно существенно влиять на все образование в целом, хотя и представляют только его часть. Очевидно, что как глобальный мир, так и глобальная наука, глобальное образование и многие другие феномены, именуемые глобальными, в той форме, как они существуют в наше время, в принципе оказываются лишь частями (составляющими) их мировых аналогов. Однако это компоненты, которые становятся доминирующими факторами, все более влияющими на будущее мирового образования и глобального мира.

Обратим особое внимание на то, что глобальная наука оказывается частью всей ныне существующей мировой науки, а глобальное образование – лишь одним из процессов мирового образования. Это акцентирование в какой-то степени вызвано тем, что в ряде публикаций явно или неявно проскальзывает мысль о трансформации, например, мирового образования в глобальное. Такое мнение о соотношении глобального и мирового образования вызвано в основном тем, что глобальное только начинает появляться в нашем социальном и социоприродном мире. Но вполне очевидно, что, кроме глобального, существуют и будут существовать «неглобальные» (локальные, региональные и иные) феномены, в том числе и в образовании.

Кроме того, о «глобальном», в какой-то степени тождественном «мировому», можно говорить как о возможности достижения той или иной тенденции в отдаленной перспективе планетарного масштаба, но не о реальном существовании в будущем такой глобальной образовательной системы, в которой хотя и сглаживаются, но вовсе не исчезают различия между входящими в нее образовательными формами и системами. Глобальная – как единая для всех государств и народов планеты – система образования, на взгляд автора, всегда будет составлять лишь какую-то, большую или меньшую, часть существующего в тот или иной период мирового образования (но весьма «влиятельную» составляющую).

Сейчас можно заметить, что в темпоральном ракурсе глобализация образования и глобальное образование имеют разные признаки и характеристики. Глобализация образования в основном опирается на традиционные и постепенно эволюционирующие формы образования, ориентирована на настоящее и «прошлое» образовательное знание, осуществляя интеграцию фрагментов образования меж- и мультидисциплинарными способами. И хотя становление и развитие глобального образования сопряжено с глобализацией образования, оно по темпам развития опережает последнюю. Глобальное образование предполагает формирование нового предметно-содержательного наполнения образования в глобальном измерении, а способы его распространения в образовательном пространстве больше ориентированы на меж-, трансдисциплинарные и «транспланетарные» траектории распространения и эволюции [Ильин, Урсул 2016; Ursul A. D., Ursul T. A. 2017].

Еще одна темпоральная специфика глобального образования связана с только что рассмотренными и заключается в формировании этого типа образования как опережающего, то есть развивающегося быстрее других форм деятельности и акцентирующего внимание на будущем [Урсул 2015]. Этот процесс футуризации связан с такими параметрами всего «глобального», как весьма значительные, даже планетарные пространственные масштабы. Поэтому решать глобальные проблемы традиционными способами, как это принято сейчас (устраняя негативные последствия), невозможно. Просто потому, что если произойдет глобальная ката-

строфа, устранять ее последствия будет некому. Именно поэтому необходимо футуризировать многие процессы при решении глобальных проблем, в том числе формировать глобальное опережающее образование. Спасение планеты и выживание человечества возможно теперь только через развитие образования: глобальное опережающее образование ускоренными темпами начинает вырываться вперед и через более медленный и масштабный процесс глобализации образования формирует принципиально новую – «экзистенциальную» функцию образования в целом. Образование станет не только передавать знания и иные формы культуры из предыдущего поколения в следующее, но и готовить последнее к решению проблем будущего.

Заключение

Изучение глобальных феноменов в образовании становится предметом нового направления – образовательной глобалистики, которая позиционируется как междисциплинарная область, интегрирующая исследования глобальных процессов, мировых мегатенденций в образовании. Образовательная глобалистика уже изучает закономерности и тенденции глобальных процессов в образовании, и прежде всего таких форм, как глобализация образования и становление глобального образования, включая также перспективы достижения глобальной устойчивости [Ильин и др. 2014].

Пока в современном образовании существует ряд подходов к преподаванию глобальных исследований, но нет каких-либо достаточно разработанных моделей глобального образования. Сейчас важно обсудить и подвести итоги развития глобального образования в десятках стран мира (в том числе и в России), где уже возникли первые «ростки» этого типа образования, способствующего достижению глобального измерения, планетарного единства и научно-образовательного пространства. Речь идет также о дальнейшем распространении этих глобальных тенденций на другие высшие учебные заведения и научные учреждения России и прежде всего стран СНГ.

В связи с этим возникает потребность более четко определить место глобальных исследований в науке и разработать общую концепцию глобального образования. Глобализация научно-образовательного пространства тесно связана как с развертыванием глобальной революции в науке и образовании, так и с дальнейшей интеллектуализацией общества, со становлением в планетарном масштабе геоносферы с перспективами ее дальнейшего космического развития [Ursul A. D., Ursul T. A. 2017; 2015; Ursul *et al.* 2018].

Литература

- Аксенов Г. П. Вернадский. 3-е изд., испр. М. : Молодая гвардия, 2015.
- Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1981.
- Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988.
- Данильченко В. М. Проблема развития образования в России в контексте глобального образования // Интеграция образования. 2004. № 1. С. 11–17.
- Ильин И. В., Урсул А. Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / предисл. В. А. Садовниченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2016.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. На пути к образовательной глобалистике // Вестник Московского ун-та. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2014. № 1–2. С. 36–59.

Ключарев Г. А. Глобализация образования // Глобалистика. Энциклопедия. М. : Диалог; Радуга, 2003.

Лиферов А. П. Глобальное образование – путь к интеграции мирового образовательного пространства. М. : Педагогический поиск, 1997.

О Международном консорциуме исследователей в области глобалистики (Global Studies Consortium) // Вестник Московского ун-та. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2012. № 1–2. С. 155–156.

Образование будущего: глобальные проблемы – локальные решения: технология диагностики образовательных процессов / под ред. А. П. Лиферова, Н. А. Степанова. М. : Педагогический поиск, 1997.

Тихомиров В. П. Мир на пути Smart education. Новые возможности для развития // Открытое образование. 2011. № 3. С. 24–28.

Урсул А. Д. Опережающее образование. От модернизации к футуризации. Saarbrücken : Dictus Publishing, 2015.

Урсул А. Д. Становление глобального мира и переход к устойчивому будущему // Мировая политика. 2017. № 3. С. 92–102.

Урсул А. Д. Глобалистика и глобализационные исследования: становление новых интегративных направлений // Философская мысль. 2018а. № 4. С. 17–29.

Урсул А. Д. Становление науки о глобальном мире // Социодинамика. 2018б. № 10. С. 61–67.

Урсул А. Д., Урсул Т. А. Направления и особенности становления образования для устойчивого развития в России: к завершению Декады ООН // Политика и общество. 2014. № 7. С. 753–773.

Черникова Н. В. Концепции глобального образования и особенности их реализации в практике российских школ: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2005.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Association for World Education [Электронный ресурс]. URL: <http://www.awe-international.com> (дата обращения: 28.11.2018).

Botkin J., Elmandjra M., Malitza M. No Limits to Learning. Bridging the Human Gap. A Report to the Club of Rome. Oxford, 1979.

Global Action Programme on Education for Sustainable Development. 2016 [Электронный ресурс]. URL: www.mext.go.jp/en/unesco/title04/detail04/sdetail04/_icsFiles/afieldfile/2016/10/11/1375695_01.pdf (дата обращения: 28.11.2018).

Global Studies Consortium [Электронный ресурс]. URL: <https://globalstudiesconsortium.org/> (дата обращения: 28.11.2018).

Hanvey R. G. An Attainable Global Perspective // The American Forum for Global Education. New York, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.net/60696-An-attainable-global-perspective-by-robert-g-hanvey.html> (дата обращения: 28.11.2018).

Higher Education Sustainability Initiative for Rio+20. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uncsd2012.org/index.php?page=view&nr=341&type=12&menu=35> (дата обращения: 14.11.2018).

Ilyin I. V., Ursul A. D. Vladimir Vernadsky's Contribution to the Origin of the Global Trend in Science // *Globalistics and Globalization Studies: Global Evolution, Historical Globalistics and Globalization Studies* / ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, P. Herrmann, A. V. Korotayev. Volgograd : 'Uchitel' Publishing House, 2017. Pp. 92–102.

Ilyin I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. *Global Studies*. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2016.

Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015> (дата обращения: 14.11.2018).

UNICE Strategy for Education for Sustainable Development. URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (дата обращения: 14.11.2018).

Ursul A. D., Ursul T. A. Towards a Global Sustainable Future [Электронный ресурс] : *Philosophy and Cosmology*. 2015. Vol. 15. Pp. 110–160. URL: <http://ispcjournal.org/journals/2016/08.pdf> (дата обращения: 14.11.2018).

Ursul A. D., Ursul T. A. Education and Globalistic // *Future Human Image*. 2017. Vol. 7. Pp. 136–153.

Ursul A. D., Ursul T. A., Tirdea T. Limits to Growth and Achievement of Global Sustainability [Электронный ресурс] : *Philosophy and Cosmology*. 2018. Vol. 21. Pp. 35–47. URL: <http://ispcjournal.org/journals/2016/08.pdf> (дата обращения: 14.11.2018).

ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕХНОСФЕРЫ: ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Попкова Н. В.*

В статье рассматриваются основные этапы становления техногенной среды, раскрываются их характеристики и закономерные тенденции. Анализируется реальность становления глобальной техносферы и показана связь ее хаотичности с современным цивилизационным кризисом. Отмечено, что контролируемость техногенной среды не достигнута, поскольку локальными остаются управляющие воздействия на нее. Делается вывод, что современное состояние общества не допускает становления единого технического комплекса и единство техносферы проявляется в ее экологических воздействиях.

Ключевые слова: техника, техносфера, биосфера, технический прогресс, глобализация, постиндустриальное общество, философия, глобальные проблемы современности.

The article considers the main stages of the formation of technology-related environment and also reveals their characteristics and regular trends. The actual formation of the global technosphere is analyzed and the connection between its chaos and the modern civilization crisis is revealed. It is shown that the controllability of the technology-related environment has not been achieved since the control impacts on it remain local. It is concluded that the current state of society does not support the formation of a single technical complex, while the unity of technosphere is manifested in its environmental impacts.

Keywords: technology, technosphere, biosphere, technological progress, globalization, post-industrial society, philosophy, global problems of modernity.

Современная эпоха характеризуется все возрастающим динамизмом: технический прогресс ведет к ускоряющимся изменениям во всех областях жизни людей, и вектор этих изменений – глобализация: формирование охватывающего всю планету социума, вызванное тем, что технологические, информационные, культурные, экологические процессы приобрели глобальный масштаб. Однако на пути глобализации отмечаются препятствия, в том числе вызванные неравномерностью технического развития разных регионов мира [Иванов 2016; Лось 2016; Назаретян 2015; Снакин 2010; Урсул 2014].

Можно ли говорить о том, что эти препятствия преодолимы и на планете формируется глобальная техносфера? Прежде всего уточним термин «техносфера» и возможность его применимости. Существует ли техносфера как единый технологический комплекс на планете? Нет, не существует. Можно отметить яв-

---

* Попкова Наталья Владимировна – д. ф. н., к. т. н., профессор кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета. E-mail: npopkova12@rambler.ru.

ную тенденцию к интеграции отдельных технологических комплексов, проявляющуюся в процессе технического прогресса. Но дойдет ли эта тенденция до формирования общепланетарной технологической системы, неизвестно. Не доказана ни возможность существования единой технологической системы, ни возможность достижения всеми регионами Земли максимального на современном этапе – постиндустриального – технического уровня [Попкова 2014б: 30].

В реальности существует *техногенная среда*, формирующаяся в результате трудовой деятельности человечества и охватывающая материальные объекты и процессы, которые появились в результате прямого или косвенного техногенного изменения биосферы и геологических оболочек Земли. Компонентами техногенной среды являются: технические объекты и технологические процессы; объекты обеспечения индустриального и земледельческого производства (производственная инфраструктура); поселения – центры искусственной окружающей среды и соединяющие их коммуникации (инфраструктура жизнедеятельности людей); технические изделия – окружающий человека вещный мир; произведенные промышленностью химические вещества и отходы производства, которые требуют утилизации; биологические организмы, вышедшие из-под влияния биосферных закономерностей и управляемые человеком. Началом возникновения техногенной среды является переход к использованию технологических комплексов, изменяющих естественную среду. Можно проследить ее рост от дискретных очагов до объединения в глобальную оболочку, включающую в себя всю биосферу и осуществляющую локальные выходы за ее пределы (для создания внебиосферных очагов человеческой жизнедеятельности [Розин 2012; 2017]. Но говорить о системном завершении организации техногенной среды нельзя – ее системообразующие элементы дискретны, хотя существуют глобальные экологические (техногенные изменения природы) и социокультурные (наличие мирового рынка и система глобальной информации) воздействия современных технологий [Попкова 2014б: 36–39]. Итак, хотя единого технологического комплекса на планете Земля не существует, но техногенная среда глобальна, поскольку уже достигнут глобальный уровень техногенных изменений. Философский анализ техногенной среды начался одновременно с осмыслением техники, когда было осознано, что, несмотря на сознательное создание отдельных технических систем и достаточно высокую степень их контролирования, функционирование техногенной среды всегда имело автономные аспекты, что выражалось в нежеланных техногенных изменениях биосферы и возникновении непредусмотренных социокультурных трансформаций по мере технического прогресса [Там же: 43–44].

При обсуждении этих процессов часто используется понятие «техносфера», основанное на гипотезе ее упорядоченности в глобальном масштабе. Отрицание этого атрибута и признание принципиальной хаотичности техногенной среды допускает лишь анализ отдельных технических комплексов, взаимодействия которых может определяться только статистическими закономерностями. Кроме того, называя техногенную среду техносферой, мы учитываем, что масштабы ее локальных очагов в процессе технического прогресса растут, в пределе стремясь к глобальному масштабу – занятию поверхности планеты [Там же: 51–56]. Итак, под техносферой понимается техногенная среда как целостность, которой приписывается определенная степень самоорганизации: термин, содержащий корень

«сфера» (применяемый для обозначения объектов, характеризующихся целостностью, системностью и т. п.), предполагает наличие этих характеристик. Понятие «техносфера» отражает свойство техники не оставаться в виде локальных управляемых объектов, а формировать целостную среду, имеющую независимые от воли людей характеристики и закономерности функционирования и в условиях ограниченности ресурсов планеты конкурирующую с биосферой.

Но техносферу нельзя понимать как иерархическую систему, подчиненную командам, исходящим из единого центра (тогда для ее изменения достаточно было бы трансформации команд): техногенная среда децентрализована. Нельзя игнорировать конкурентные отношения входящих в нее технологий, созданных согласно разным принципам и в различные эпохи. Понятие «техносфера» формируется в результате абстрагирования от противоречий между техническими системами и выделения их главной черты – переработки естественной среды в искусственную. Все осознанные воздействия на глобальную техногенную среду локальны, поэтому ни одно из них не может ее контролировать. Отдельные центры притяжения управляют локальными техническими комплексами, но за пределами этих зон управляющие воздействия растворяются в переплетении местных практик и, суммируясь с другими процессами вне какого-либо плана, составляют источник автономии техногенной среды [Попкова 2014б: 292].

Необходимость управления созданным людьми искусственным миром и прогнозирования его роста очевидна: масштаб технологических процессов делает неполную их контролируемость опасной, ответные воздействия техносферы на природу и социокультурные системы – гроззящими потерей их равновесия, а ограниченность необходимых для технологической переработки естественных ресурсов – ведущей к ограничению ее дальнейшего роста [Ее же 2018].

Итак, представляется возможным использовать понятие «техносфера», раскрывая единство техногенной среды на уровне наблюдаемых тенденций ее развития (укрупнения технологических процессов и глобализации техногенных взаимодействий). Когда же возникла техносфера? Гоминиды, использующие орудия труда, появились более 2 млн лет назад. Вид *Homo sapiens* отмечен 60–40 тыс. лет назад: с этого периода можно говорить о начале человеческой истории, хотя «с точки зрения природы» продолжалась животная жизнь. Первобытное общество принято называть собирательным по господствующему способу получения материальных благ – сбору плодов природы. Первые орудия труда предназначались только для улучшения этого процесса, служа своего рода заменой специализированных органов, имевшихся у других живых существ. Человек не вмешивался в собственно биосферные процессы, не изменял их и пользовался только теми продуктами, которые были доступны другим видам животных. Получаемые техническим путем объекты могли возникать и при естественных процессах (но реже, не поддаваясь контролю, или в меньших масштабах). Таким образом, человечество выступало на протяжении первобытного общества как подсистема биосферы, почти не внося в природную среду изменений.

Люди подчинялись сложившимся независимо от них условиям (климатическим изменениям, миграциям животных и т. п.) и существовали как один из видов биогеоценоза. Стихийные – биосферные и геологические – процессы полностью определяли характеристики человеческой жизни: пространственное размещение

групп людей и их численность (зависящую от вмещающих возможностей данного биоценоза), временную последовательность форм жизнедеятельности, используемые людьми виды орудий труда, одежды и жилища. Небольшие группы людей постоянно находились под угрозой голода и гибели. Можно считать, что в эту эпоху именно «экологически чистая» природа наносила ущерб человеческому роду. Кроме того, формируемые технической деятельностью собирательного общества изделия и материальные отходы не изменяли биосферных и геологических циклов. Техническая деятельность человека оставалась в пределах биологического приспособления. Следовательно, воздействие человечества на природу еще не вышло за пределы внутрибиосферного. Создаваемые участки искусственной среды (жилища) были неустойчивы и зависели не от технической деятельности, а от внешних (биосферных и климатических) факторов. Следовательно, техногенной среды еще не существовало [Попкова 2014б: 8–9].

Воздействие орудий труда на естественную среду было пренебрежимо мало в сравнении с изменениями, вызванными геологическими и собственно биосферными факторами. Даже истребление крупных животных в результате интенсивной охоты (имевшее несопоставимо малый масштаб по сравнению с периодическими вымираниями биологических видов в ходе эволюции биосферы) негативно отражалось в основном на человеке. Истребляя другие виды, он действовал как хищник; биосферный баланс в подобных случаях приводит после вымирания жертв к резкому сокращению популяции хищников. Так и человек в конце собирательного общества своей деятельностью поставил под угрозу уничтожения не биосферу или отдельные экосистемы, а себя самого.

Начало распространения более прогрессивного способа взаимодействия человечества и биосферы, за которым последовал переход к аграрному обществу, называют неолитической революцией и относят к 10–8-му тыс. до н. э. До этого времени, по словам Л. Мамфорда, «почти ничего не указывало на то, что человек мог по крайней мере потягаться с пчелой в переустройстве своего непосредственного окружения». Только «взявшись за культивирование растений... в эпоху неолита человек впервые стал сознательно преобразовать лик земли» [Мамфорд 2001: 147, 174]. После неолитической революции произошло окончательное выделение человечества из природы. Переход к земледелию был переходом от приспособления к природе к активному вмешательству в ее процессы (трансформации и регулированию биогеоценозов) [Ковалев 2003: 14]. Количественные изменения в области техники, нараставшие на протяжении тысячелетий, привели к качественному скачку: технические способы переработки природных продуктов были дополнены методами изменения участков самой природы. Существуют различные мнения о причинах этого перехода, но подчеркивается его закономерный характер, необходимость внедрения новых технологий для продолжения существования человеческого рода [Попкова 2014б: 104–106]. После неолитической революции люди стали оказывать на биосферу воздействие, превышающее воздействие любого биологического вида. Человечество не просто использовало при этом биосферные виды, оно модифицировало их, выводя новые породы животных и сорта растений [Там же: 231–232]. Одомашнивание животных и возделывание земли означали, что человек, вместо того чтобы самому приспособливаться к природе, стал приспособливать ее к себе. Вместо нарастающей экспансии в при-

роду он избрал стратегию создания замкнутых агросистем, поддерживаемых энергетикой его трудовых усилий. Но производительные силы оставались биологическими, как и энергетика: до конца XVIII в. доля техногенной энергии (воды и ветра) составляла 2 % [Демиденко, Дергачева 2010: 143].

Первые участки техногенной среды имели локальный и неустойчивый характер, они представляли собой систему обрабатываемых земельных площадей, пастбищ, ирригационных сооружений и т. п. с центром в виде поселения. Малые размеры и небольшое количество доступных ресурсов делали эти участки беззащитными перед резкими сменами природных условий: неурожаи или эпидемии могли полностью их уничтожить. Плотность населения теперь зависела от возможности производства продуктов питания, определяемых уже не благоприятным климатом, а плодородием полей и пастбищ, внедрением более продуктивных культурных видов и т. п. Создание городов (5–3-е тыс. до н. э.) как очагов искусственной среды, в которых концентрировались несельскохозяйственные виды производства, было следующим этапом развития человеческого общества. Первые государства, формируемые на экономической базе поливного земледелия в долинах рек (Нила, Евфрата, Хуанхэ и т. п.), объединяли местные ирригационные системы в единое целое; в них появлялась хозяйственная специализация, начинался процесс типизации технологий и их распространения. Но эти системы поддерживались только усилиями государственной власти и были нестойкими: во времена политических кризисов вместе с единой властью рушилось единое хозяйство, неизбежно наступали голод и эпидемии [Попкова 2014б: 10–12].

Земледелие как первый тип производящей экономики привело к началу трансформирующего воздействия социума на биосферу: это проявлялось в изменении почв и упрощении биоценозов, земледельческие цивилизации столкнулись с эрозией и засолением почв, вырубкой лесов. Первые экологические кризисы носили локальный характер (гибель цивилизации Месопотамии от засоления обрабатываемых почв из-за несовершенных агротехнологий, скотоводство как причина расширения Сахары и уничтожения лесов Греции и т. д.) [Там же: 107–108].

Таким образом, на протяжении аграрной эпохи люди начали выходить за рамки биосферного способа жизнедеятельности и (в отличие от других биологических видов) приступили к технологическому формированию искусственной среды, используя сельскохозяйственные технологии (позволяющие человеку, создавая искусственный биоценоз с ограниченным разнообразием видов, использовать гораздо большую долю энергии и органического вещества, чем доставалось бы ему согласно биосферной пирамиде). Воздействие на природу привело к преобразованию части биологических видов и экосистем (выведение новых, окультуренных форм растений и животных, создание ирригационных сооружений, распашка земель, вырубка лесов, истощение почв и т. д.). Следовательно, формируются участки техногенной среды. Ее противоречия проявлялись слабо, уступая по силе антагонизмам другого происхождения – антропогенного (между государством и человеком) и естественного (между человеком и стихийностью природной среды). Можно отметить недостаточную управляемость отдельных технологических процессов, но она была настолько мала по сравнению с исходной зависимостью человека от неуправляемой природной среды, что это не осознавалось как имеющее значение.

Новый значимый этап становления техносферы начался с промышленной революции. Это начало разрыва с биосферными технологиями и перехода на искусственные, что привело к формированию общества, называемого индустриальным, основная характеристика которого – преобладающая роль машинного производства при создании условий для человеческой жизни. Реальному изменению социоприродных отношений предшествовала идеологическая подготовка [Попкова 2014а: 31–54]. Ее начало прослеживается в эпоху Средневековья, а практические приложения изменившегося отношения человека к природе стали проявляться в эпоху Возрождения [Ее же 2014б: 168–171].

Фактический переход к новому типу хозяйствования – индустриальному – был вызван присоединением к уже имеющейся идеологической базе экономической необходимости из-за исчерпания возможностей совершенствования агротехнологий, уже не способных обеспечить растущее население. Закономерности функционирования биоценоза жестко определяют максимальную долю вещества и энергии, достающуюся верхнему звену пищевой пирамиды. Человечество совершенствовало агротехнологии, стремясь достигнуть этого максимума (например, сводя к минимуму конкуренцию других биологических видов, сорняков и вредителей). Но на прогресс земледельческого общества повлияли биосферные ограничения, которые кроются в самой природе биологических производительных сил – в постоянстве количества живого вещества на Земле. Для прорыва в будущее потребовался новый способ взаимодействия с биосферой [Там же: 13–14]. Переход от земледельческой цивилизации к промышленной был обусловлен, согласно исследованиям А. М. Ковалева, ростом численности населения, истощением природной среды, ограничением свободных территорий (где в предшествующие столетия размышлось избыточное население), новыми производственными возможностями и необходимостью применить развивающиеся возможности человека. Поэтому необходимым стал переход от потребления того, что произведено природой, к потреблению того, что производится самим человеком при помощи орудий труда. Целью смены господствующих технологий было преодоление технологической зависимости от окружающей природной среды: люди стремились обеспечивать свою жизнь, не разыскивая участки с благоприятным сочетанием естественных условий, а компенсируя недостающее технологическим путем. Промышленная революция закончила период природно обусловленного существования человека и привела к приоритетной зависимости его жизни от социальных отношений [Ковалев 2003: 6–19].

Промышленная революция XVII–XVIII вв. позволила перейти от естественных производительных сил (когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство) к общественным, которые могли использоваться людьми только сообща (что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда). Главным технологическим изменением стало разделение процесса производства изделия на отдельные операции, которые закреплялись за разными рабочими. Именно оно позволило механизировать промышленность, создав машины для их выполнения. Сырье и источники энергии все в большей мере получали из небюсферных источников: биологические предпосылки производства (сырье – кожа, древесина, каучук и т. д., органические удобрения для восстановления почв, вещества для косметической и лекарственной промышленности и да-

же отдельные пищевые продукты), получение которых было связано с сезонными циклами или особенностями окружающей среды, в массовом порядке заменялись технологическими (сначала худшего качества, но производимыми в большом количестве и независимо от местных условий). В экономике на первый план вышла промышленность, занимающаяся обработкой сырья небiosферного происхождения [Попкова 2014б: 84–86]. Результат «соединения энергии горючих ископаемых и грубых технологий, использующих ручной труд» – промышленная революция, по словам Э. Тоффлера, «породила массовое производство, массовое образование, средства массовой информации и массовую культуру». Да, новое общество сопровождалось загрязнением природы, «колониализмом, войнами и многими бедствиями». Но оно породило и «городскую индустриальную цивилизацию, создавшую такие богатства, которых не могли представить наши предки» [Тоффлер 2008: 38–41]. Кроме богатства, промышленная революция создала и классовое расслоение общества, сделав необходимостью коллективный труд. Как показал К. Маркс, в доиндустриальном обществе труд был индивидуальным: крестьянин или ремесленник мог трудиться в одиночку, и даже став волею судьбы наемным работником, он надеялся в будущем вернуть независимость. Массовое внедрение машин и фабричное производство изменили ситуацию: работник на производстве уже не изготовлял товар полностью, он стоял за одним из станков и выполнял отдельные стадии технологической цепочки. Подобные трудовые навыки в одиночку использовать нельзя: рабочий становился «винтиком» производства и не мог уже вернуться к свободному, индивидуальному труду.

Общество, сформировавшееся после промышленной революции, называют индустриальным. Большинство особенностей, отличающих его от аграрного общества, связывают с фабричной организацией труда. Так, О. Тоффлер отнес к его характеристикам: стандартизацию (не только в области машинного производства, но и, например, в создании средств массовой информации), специализацию (вместо «мастера на все руки» появляются узкие специалисты во всех областях производства), синхронизацию (точная последовательность технологических операций переходит на все стороны человеческой жизни и единый жизненный ритм охватывает миллионы людей), концентрацию (энергии, труда, капитала, образования и т. п.), максимизацию (веру в абсолютную ценность масштабов), централизацию (усиление института политической и экономической власти, ответственности за стандартизацию и синхронизацию) [Его же 2002: 92–116]. Черты машинного производства распространяются на все сферы общественной жизни.

Участки техногенной среды увеличивались, становились все устойчивее: их можно обозначить как субтехносферы, понимая под этим локализованный в пространстве и времени участок техногенной среды, особенности которой связаны с историческими и природно-климатическими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной и демографической спецификой. Субтехносферы индустриального общества обладали значительной самостоятельностью (технические системы соединялись постоянными каналами взаимобмена), достаточной устойчивостью (позволяя поддерживать уровень технического развития при резких природных и антропогенных изменениях путем перестройки технологических потоков), но были изолированы друг от друга и требовали постоянных контактов с источниками сырья и рынками сбыта.

Создающиеся субтехносферы имели четко выраженную структуру: их узлами – местами сосредоточения производства и потребления – стали города. Связи между ними обеспечивались уже не торговыми маршрутами (способными изменить направление в зависимости от погодных и политических условий), а постоянно действующими коммуникациями, гарантировавшими необходимые для производства ввоз сырья, приток трудовых ресурсов, вывоз товаров. Для обеспечения технологически-урбанизационной структуры техногенной среды потребовалось развитие новых промышленных отраслей: технологизация бытового обслуживания (создание в массовом порядке всего необходимого для жизнедеятельности сосредоточенных на небольшом пространстве масс людей), массовое образование (создающее необходимых для использования техники квалифицированных работников), интенсификация транспорта и связи.

Превращение науки в непосредственного производителя технологий вело к непрерывному техническому прогрессу индустриальной цивилизации. Сформировались научно-технические производительные силы (основанные уже не на физической мощи человечества, а на его коллективном разуме, выраженном в форме научной рациональности). Два социальных процесса техногенного происхождения определяли социокультурные трансформации эпохи: индустриализация (количественный рост материального производства, сопровождаемый переходом к машинным технологическим операциям) и урбанизация (отделение жизни человека от природы и ее замыкание в техногенной городской среде) изменили не только производственную сферу, но и человеческую жизнь. Урбанизация – не просто процесс роста городов, для нее характерны повышение роли города и распространение городского образа жизни. Поскольку урбанизирующаяся среда – техногенная, города, становясь самодостаточными организациями, все больше изолировали горожан от природной среды [Попкова 2014б: 172–175].

Меньшая разборчивость новых, промышленных технологий в отношении сырья и естественной среды вела к усиленной переработке природных ресурсов, пока проблема техногенных загрязнений не стала явной. Со становления индустриального производства началась все более явная деградация биосферы, истреблялись целые биологические виды [Там же: 15–18].

Тем не менее промышленность не оторвалась от природных, биологических факторов: по словам В. И. Вернадского, «первоисточником энергии электричества и пара является та же живая природа в форме... измененных геологическими процессами былых живых организмов» [Вернадский 2003: 406]. Биосфера оставалась источником значительной доли сырья (особенно пищевых продуктов).

Индустриальное общество можно назвать техногенным, потому что основные способы жизнедеятельности человека этой эпохи требовали сформировавшихся в ходе индустриализации технологических средств и наличия урбанизированной инфраструктуры. Многие философы, анализировавшие положение человечества в начале XX в., подчеркивали негативные аспекты технического прогресса. Они предупреждали, что экономическое развитие, умножая количество вещей, ведет к утрате духовных ценностей. Людям приходится приспосабливаться к жизни в душном и шумном городе, к однообразным действиям в течение рабочего дня, к разрушению традиций... Противоречия техногенной среды обострились (и были осознаны): между неограниченными технологическими инновациями и огра-

ниченностью материальных ресурсов производства и сбыта; между сохранением традиционных социокультурных систем и непрерывным потоком нововведений; между ростом городского населения и загрязнением урбанизированной среды; между массовыми производственными процессами, требующими механического труда работников, и ростом личного самосознания и т. д. Но уровень контролируемости и прогнозируемости индустриального общества по сравнению с зависимостью от природы был достаточно велик, что порождало в массовом сознании уверенность в могуществе людей. Научно-технический прогресс – взаимосвязанное развитие науки и техники – воспринимался как магистральная линия общественного развития [Попкова 2014б: 233–236].

Самоподдерживающиеся процессы дальнейшей техногенной перестройки социально-культурной сферы вели к последующим ступеням технического развития, которые сменялись в нарастающем темпе. В середине XX в. начался процесс непрерывного увеличения количества технических нововведений на основе развития и использования науки, что было названо научно-технической революцией. Ее сущность – превращение науки в непосредственную производительную силу: были созданы теоретические основы автоматизации и информатизации производства, позволяющие технологизировать не только физический труд, но и умственный. Происходит революционное изменение роли человека в производстве: машины берут на себя контрольно-управляющие функции в технологическом процессе, а человек перестает быть непосредственным звеном технологической цепи. Кроме технологий традиционных, заключающихся в организации материальных процессов, начинают технологизироваться обслуживающие их взаимодействия людей, под влиянием технологий переходит интеллектуальная деятельность человека. Цепь политических, экономических, культурных перемен привела к возможности беспрепятственного перемещения людей, товаров, технологий, природных и интеллектуальных ресурсов, услуг, информации по всему миру, несмотря на государственные границы. Процесс урбанизации продолжался и вел к формированию в разных регионах мира унифицированной городской среды: в экономической, культурной, бытовой сферах жизнь мегаполисов разных стран похожа. Идет универсализация науки и образования, социальных связей и ценностей. Налицо глобализация, самоорганизация мировой структуры из совокупности независимых государств в глобальную систему: экономическая (соединение национальных экономик в единый мировой рынок), политическая (страны – технологические лидеры обладают наибольшей военной и политической мощью), информационная (национальные информационные пространства унифицированы средствами массовой информации), экологическая... Глобальные тенденции трансформируют локальные субтехносферы, порождая социальный беспорядок. Остается надеяться на упорядочивание технической реальности – на то, что из мозаичной совокупности субтехносфер создастся новая целостность. Ряд признаков говорит о формировании единой техносферы (планетарные масштабы техногенного загрязнения и изменения климата, международное разделение труда и т. п.), но не все технологические комплексы способны стать элементами этой системы без существенных трансформаций. Автономность локальных технических комплексов, вовлеченных в процесс глобализации, стремится к нулю. Прослеживается необходимость для субтехносфер интегрироваться в нее или дегра-

дировать. Поэтому вызывает сомнение устойчивость формирующейся системы: она повышается в отношении природы (глобализация завершает технологическую нейтрализацию местных условий), но уменьшается по отношению к человеку (зависимость эффективности и безопасности от культурно-нравственных качеств работника). Тем не менее философский анализ трактует эмпирический материал как единую техносферу (стирая грань между тенденцией и реальностью, возникающей при условии ее беспрепятственного осуществления) [Попкова 2014б: 302–303].

Можно сделать вывод о нарастающей технологизации всех областей социальной и культурной жизни, выражающейся в их рационализации и уменьшении зависимости от воли людей, усилении воздействия техногенных закономерностей на социокультурные процессы, распространении технологических критериев на все новые области. На место преодоленной природной необходимости все чаще становится вызванная людьми техническая необходимость. Отмечается смещение направления технического развития: от обеспечения выживания людей – до обеспечения дальнейшего увеличения технологического комплекса. Поэтому диагноз кризиса ставится многими исследователями современной цивилизации. Так, Э. Тоффлер признает: «Опасности будут не просто возрастать, а возрастать по экспоненте. Такое будущее – не для слабохарактерных» [Тоффлер 2008: 13]. Следует «похоронить мечту о линейном прогрессе»: наступает «век пространственной турбулентности» [Там же: 136–137]. Создается впечатление, что «с течением времени список потенциальных опасностей XXI в. становится бесконечным» [Там же: 543]. По словам З. Баумана, «ощущение своего бессилия, неспособности действовать, и в особенности неспособности действовать рационально, адекватно отвечая на жизненные вызовы, – становится характерным недугом переживаемого нами периода» [Бауман 2002: 55]. В результате, считает З. Бауман, «на заключительной стадии модернистской авантюры по построению самоуправляющегося автономного мира людей», по мере роста возможностей человека и сопутствующих его решениям рисков и опасностей, результаты человеческой активности «противостоят нам в качестве эксцентричных и капризных, своевольных и непроницаемых, и, что особенно важно, необузданных и неконтролируемых “естественных” сил» [Там же: 67–68]. Но нельзя забывать и о позитивных воздействиях технологического роста (которые преобладают): увеличении продолжительности жизни человека и ее материального уровня, повышении возможностей самореализации личности, техногенной поддержке удовлетворения культурных потребностей [Попкова 2014б: 324–325].

Все эти перемены происходили согласно логике технологического развития, без участия идеологического обоснования. В отличие от перехода между аграрным и индустриальным способами производства, наступлению постиндустриального не предшествовали идеологическая подготовка и массовое стремление людей к изменению жизни. Напротив, переход на новую ступень общественного развития произошел, минуя стадию ее сознательной подготовки человеком, согласно закономерностям саморегуляции техногенной среды. Это приводит к социокультурным и экологическим осложнениям. Новый тип общества – постиндустриального – был обнаружен социологами уже после его наступления; он ис-

следуется не как проект, реализуемый в интересах человечества, а как стихийный процесс, к которому людям нужно приспособиться [Попкова 2014б: 19–24].

Итак, противоречия техногенной среды были осознаны и поставлена цель их ликвидации: но разрешение одних (например, уменьшение механического труда и возрастание его творческих возможностей) сопровождается обострением других противоречий (между ростом техногенной среды и адаптивными возможностями природы) и возникновением новых (например, между непрерывностью технологических инноваций и ограниченной способностью людей к адаптации), требуя комплексного решения и осознания как частных случаев основного противоречия техногенной среды – между рациональным происхождением ее элементов и стихийным функционированием целого. Неудивительно, что создание единой техносферы может казаться выходом. Но действительно ли преодоление хаотичности техногенной среды поможет разрешению современных проблем, а не вызовет новых неприятных сюрпризов?

Казалось бы, решение проблем, вызванных непредусмотренными и неконтролируемыми техногенными изменениями природы и социокультурной сферы, очевидно: управляемой может быть не хаотическая среда, а единая система, следовательно, превращение техногенной среды в единый объект планетарных масштабов позволит ею управлять. Но возникает (и не находит убедительного ответа) вопрос: кто и с какой целью будет управлять этой техносистемой? Результаты подобного управления зависят от субъективного фактора – культурно-нравственного уровня современного человечества, а вернее, его экономической и политической элиты. Но социальные проблемы в современном мире показывают, каков этот уровень. Современное состояние человека и общества позволяет назвать недостаточную управляемость техники меньшим злом по сравнению с превращением техносферы в чье-то орудие. Следовательно, полная управляемость техногенной среды, даже при своем достижении, не разрешит существующие глобальные проблемы, а, скорее, усугубит их.

Кроме того, гипотетична возможность формирования техносферы как реального объекта: некоторые из тенденций социального и технологического развития допускают синтез существующих технических комплексов и субтехносфер в глобальное целое, а другие его исключают. Постулируя основным критерием формирования техносферы вхождение всех их в единую систему, необходимо оценить перспективы будущего исчезновения еще остающихся на планете технологических комплексов предшествующих этапов и перехода к монолитному постиндустриальному миру. Требуется прояснения и возможность преодоления автономности технической реальности. Сама эта проблема есть концептуализация революционного сдвига в развитии технологий, позволившего вывести человека за пределы технологической цепочки и в перспективе элиминирующего субъективный фактор функционирования техники. Устойчивость технологических процессов к воздействиям внешней среды, которая в течение долгого времени была одной из целей технической прогресса, в значительной мере реализована, что позволило отразить это как автономность техники. Но автономия распространилась и на отношения с социальной средой: устойчивость по отношению к природе затрудняет управляемость технической реальности человеком. Не будет ли попытка вернуть технике полную контролируемость сознанием человека шагом назад, отказом от

действия в недоступных людям скоростях и масштабах? Противоречие между устойчивостью к природным воздействиям и управляемостью средой социальной – реально.

Итак, развитие техники может быть представлено как приведение технической реальности (состоящей из различных объектов, обусловленных локальными историческими и природными условиями) к единой техносфере. В процессе технического прогресса гетерогенные субтехносферы сводятся производственными структурами, экономическими конвенциями, политическими схемами в связанное целое; отдельные технические комплексы трансформируются, занимая свое место в единой структуре техногенной среды, и модус включенности или дистанцированности от нее выступает фундаментальным фактором их производства и развития. Технические комплексы сегодня должны интерпретироваться в свете не локальных условий (в том числе и целенаправленных воздействий), а взаимоотношений между элементами глобальной техногенной среды. Но можем ли мы считать этот процесс достигающим логического завершения в виде формирования единой системы – техносферы? Более того, является ли формирование техносферы благоприятным фактором социального развития?

Возможно, технический прогресс приближается к такой ступени, на которой социокультурные мотивы станут не столько усиливать его, сколько сдерживать, указывая на недостаточно изученные последствия очередной инновации и призывая к внедрению не всего технологически возможного, а того, что позитивно повлияет на жизнь людей. Пока же непрерывный и ускоряющийся рост объема вещества и энергии, вовлеченных в технологические процессы, повышение роли технологий в обеспечении жизни человечества и технологизация общества (увеличение влияния инструментальной рациональности и количества социокультурных процессов, управляемых технологическими методами) ведут к тому, что природная среда приближается к кризисному состоянию. Это ведет к уменьшению продуктивности биосферы и угрожает наступлением ее качественных изменений при дальнейшем росте техногенных структур.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
- Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2003.
- Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М. : Красанд, 2010.
- Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.
- Ковалев А. М. Промышленная цивилизация и судьба России. М. : ЧеРо, 2003.
- Лось В. А. Социоприродное измерение глобализации // Век глобализации. 2016. № 3. С. 48–56.
- Мамфорд М. Миф машины. Техника и развитие человечества. М. : Логос, 2001.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.
- Попкова Н. В. Антропология техники: Становление. М. : ЛИБРОКОМ, 2014а.

Попкова Н. В. *Философия техносферы*. М. : ЛИБРОКОМ, 2014б.

Попкова Н. В. Место техники в эволюционной картине мира: философские концепции и практические выводы // *Век глобализации*. 2018. № 1. С. 112–123.

Розин В. М. *Техника и социальность: Философские различения и концепции*. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Розин В. М. Технология как вызов времени (изучение, понятие и типы технологий) // *Philosophy and Cosmology*. 2017. Т. 19. С. 133–141.

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты // *Век глобализации*. 2010. № 2. С. 105–114.

Тоффлер Э. *Третья волна*. М. : АСТ, 2002.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. *Революционное богатство*. М. : АСТ; Профиздат, 2008.

Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // *Век глобализации*. 2014. № 1. С. 16–27.

ТЕОРИИ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: КРИЗИС ТЕОРИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Антипина Е. В.**

В статье представлена история развития экономической мысли в области циклических колебаний с конца XIX в. до настоящего времени. Однако теория циклов не устраняет сами циклы. Автор исходит из основных ориентиров выделения циклов от К. Маркса и Ф. Энгельса до Ф. Кидланда и П. Ромера. Главная задача статьи – обоснование теории циклических колебаний в современных условиях глобальной цифровизации. В рамках теории мультициклическости процесс обновления основных производственных фондов и связанные с этим колебания инвестиционной активности описываются промышленными циклами разной длины. Появление цифровой экономики требует изучения ее природы и родовой основы с привлечением методологического инструментария самого носителя современных технологий как новой парадигмы взглядов на мир. При всеобъемлющей и всепроникающей цифровой революции вещей и людей наиболее актуально стоит вопрос разработки эконометрической модели современных концепций, необходимых для адаптации в новой интеллектуальной среде. Несмотря на серьезное расширение разнообразия методов изучения экономики, произошедшие в последние десятилетия, проблематика влияния технологических факторов на развитие экономической науки нуждается в дополнительной проработке.

Ключевые слова: цикличность, теории циклов, технологические факторы, К. Маркс, Дж. Кларк, К. Виксель, Н. Д. Кондратьев, Дж. Кейнс, Дж. Хикс, Р. Харрод, Й. Шумпетер, Э. Хансен, С. Кузнец, Р. Солоу, Э. Фелпс, Ф. Кидланд, П. Ромер.

The paper is mainly focused on the history of development of the economic thought concerning cyclical fluctuations from the end of the 19th century to the present. However, the theory of cycles does not eliminate the cycles themselves. The author proposed, examined and analyzed the main reference points for the allocation of cycles from K. Marx and F. Engels to F. Kydland and P. Romer. The major objective of the article is to substantiate the theory of cyclic fluctuations in the current situation of global digitalization. Within the theory of multicyclicity the process of updating the fixed production assets and related fluctuations of investment activity are described by industrial cycles with different length. The emergence of digital economy requires the study of this nature and of the generic basis

---

* Работа подготовлена при поддержке внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» на тему «Ориентиры развития российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу».

** Антипина Евгения Валерьевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: donskikh@yandex.ru.

with the involvement of methodological tools of the carrier of modern technologies as a new paradigm of the worldviews. With a comprehensive and all-pervasive digital revolution of things and people, the most urgent issue is the development of an econometric model of modern concepts needed for adaptation in a new intellectual environment. Despite the serious expansion of the variety of methods for studying the economy that have occurred in recent decades, the problem of the influence of technological factors on the development of economic science needs further study.

Keywords: *cyclicality, theories of cycles, technological factors, K. Marx, J. Clark, K. Wicksell, N. D. Kondratiev, J. Keynes, J. Hicks, R. Harrod, J. Schumpeter, E. Hansen, S. Kuznets, R. Solow, E. Phelps, F. Kydland, P. Romer.*

В конце XX в., после глобального финансового кризиса 1998 г., проблема долгосрочного экономического роста все более привлекала внимание экономистов, поскольку именно в периоды кардинальных изменений обычно возникает необходимость прорыва в области экономической мысли, вскрывается теоретический и идейный вакуум. Современные экономисты нередко склонны преувеличивать роль событий и процессов, которые «подтверждают их текущую точку зрения, отвергая то, что не укладывается в картину» [Родрик 2014: 73], и это накладывает существенный отпечаток на теоретические изыскания.

Если говорить о развитии западной цивилизации, то на протяжении всего лишь трех-пяти поколений промышленное общество перешло в стадию постиндустриальной цивилизации. На стыке веков началось бурное производство микрорезисторных компонентов, образование интегральных схем и усиление функциональной сложности. Появились микропроцессоры, волоконно-оптический способ передачи информации и промышленные роботы, произошел скачок в развитии. Цифровая революция сформировала необходимые социально-экономические условия ускоренного развития общественного производства. В этот период времени появляются новые направления исследований в изучении как глобальных процессов, так и национальных экономик ведущих стран мира. Новый этап технологических процессов актуализировал теорию длинных волн Н. Д. Кондратьева. Как писал А. Г. Худокормов, она «является основным теоретическим ключом к пониманию истории мировой экономической мысли XX столетия» [Худокормов 2012: 9].

Теоретические споры о циклических колебаниях производства имеют длительную предысторию. В числе первых на них обратили внимание Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Авторы манифеста связали регулярные кризисы с внутренними конфликтами капиталистической экономики.

В «Критике Готской программы» К. Маркс выдвинул гипотезу о бестоварности социалистического производства. Он предположил, что если средства производства будут носить общественный характер, то товарное производство будет устранено. Движущей силой развития общества, заверял он, является экономика; именно она определяет тип производительных сил. Кто сегодня слушает Маркса? Как справедливо заметил Б. Селигмен, «в наши дни... некоторые экономисты считают Маркса недостойным внимания ученых» [Селигмен 1968: 484]. Немец-

кий ученый выделил экономический базис и политическую надстройку, уделив особое внимание исследованию процессов возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, сменяющих друг друга не произвольно, а в определенной последовательности и закономерности, «вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [Ленин 1969: 58–59]. В 1891 г. Ф. Энгельс представил результаты Марксовых трудов. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные... производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [Маркс 1959: 6].

С этого времени теории циклов становятся объектом пристального внимания многих экономистов. Характерно, что Кнуту Викселлю удалось найти начальные импульсы и распространение циклических движений, обусловленные структурой экономики. Никогда не было более противоречивого, почти шизоидного экономиста, чем Виксель. У него не было ученой степени, университетского образования, но были ключевые концепции. Ряд экономистов ставят его как синтезатора в один ряд с А. Маршаллом. Более того, К. Виксель синтезировал элементы теории всех трех школ маржинализма. Его первая работа «Ценность, капитал и рента» (*Value, Capital and Rent*, 1893) представляла собой лишь прелюдию к более масштабной книге «Лекции по политической экономии» (*Lectures on Political Economy*, 1901–1906).

В «Лекциях по политической экономии» К. Виксель доказывал, что научная теория должна исходить из взаимосвязи экономических переменных – количества денег, процентной ставки и уровня цен, – предпосылки, лежащей в основе исследованного им кумулятивного процесса изменения цен. В действительности анализ детерминантов инвестирования и исследование естественной нормы, взятой в отношении к денежной норме процента, и дали ему возможность создать теорию экономического цикла. А суть кумулятивного процесса Викселля в том, что возникает самоподдерживающаяся тенденция к ускорению изменения цен, а также благосостояния. Заработная плата поглощает часть сбережений, которые могли быть направлены на вложения в капитальные блага. На самом деле этот эффект наблюдается всякий раз, когда реальные сбережения поглощаются текущим потреблением.

Капитал имеет свою структуру, которая характеризуется двумя основными параметрами: высотой и шириной. Шириной считаются совокупные расходы на возмещение капитала (ежегодные затраты первичных факторов – труда и земли – на возмещение запаса капитальных благ). Высотой – срок службы различных капитальных благ. Однако (и в этом все дело) рост капитала «ввысь» ведет к переоценке ценности его запаса. При экономическом подъеме сначала растет ширина, потом высота. Подъем экономики достигает своего предела, перенакопление капитала провоцирует спад. Но спрос и предложение для предметов потребления и спрос и предложение средств производства нужно разделять. Банки, снижая реальную норму процента, восстанавливают равновесие, делают кредит привлекательным. Поэтому они переводят сбережения в инвестиции, стимулируют новый экономический подъем. Трудность в том, что совершенная конкуренция, обеспе-

чивая эффективное распределение ресурсов, не обеспечивает эффективное распределение доходов.

В 1910-е гг., после опубликования монографии американского экономиста Дж. М. Кларка «Деловая акселерация и закон спроса: технический фактор в экономических циклах» (1917), происходит исследование капиталистического метода производства и формирование принципа акселерации.

Обратимся к действию акселератора, демонстрирующему связь между изменениями реального ВВП и производных инвестиций. Будучи одним из активных исследователей экономических циклов, Дж. М. Кларк обратил на него серьезное внимание. Стоит сказать, что когда отрасли, производящие потребительские товары, расширяются, это, как правило, вызывает увеличение спроса на капитальные товары, то есть оборудование и машины. Эта идея Кларка стала основным моментом теории циклического развития и была определена им как принцип акселерации (эффект акселератора). Достаточными условиями для проявления принципа акселерации он назвал отсутствие товарных запасов, излишней производственной мощности, роста производительности труда (когда на одном и том же оборудовании можно получить больше продукции).

Теория Дж. М. Кларка стала чем-то большим, нежели просто решение проблемы акселерации. Ему с самого начала было очевидно, что акселерация приводит капиталистический механизм в движение и обеспечивает его развитие. Эта тема занимала его мысли большую часть следующего десятилетия и привела к опубликованию в начале 1923 г. труда, озаглавленного «Экономическая теория накладных издержек» [Clark 1923].

Почти сразу после этого популяризатор макроэкономики Адольф Леве принял искать основные, противостоящие друг другу теории того времени. Одной причиной, объясняющей циклические колебания, являются *денежные* факторы, а другой – *реальные* факторы, исходным пунктом которых берутся влияния, оказываемые на *инвестиции*, либо влияния, оказываемые на *потребление*. Леве в книге «Экономическая теория и социология: оправдание сотрудничества в общественных науках» приводит также географическое размежевание: *денежная* теория представляет собой господствующую доктрину англосаксонской экономической науки, в то время как континентальная концепция неизменно направлена на преимущественный анализ *реальных* явлений. Он упоминает денежную теорию Хоутри (в самом деле, денежным и кредитным факторам отводится непомерно большая роль у английских авторов – от Г. Торнтона и Д. Рикардо до А. Маршалла и А. Пигу), роль колебаний в размерах инвестиций (М. И. Туган-Барановский, А. Шпитгоф, К. Г. Кассель, Д. Робертсон), роль динамических факторов в теории К. Викселля и А. Шпитгофа и роль потребления в теории А. Афтальона. Конечно, полное равновесие между производством и потреблением никогда не достигалось. Если бы не регулярные неурожаи, то обычно имели бы место только непрерывные незначительные колебания вокруг состояния равновесия.

Одной из стран, где описанию циклов, прежде всего экономических кризисов, уделялось большое внимание, стал Советский Союз. Так уж совпало, что приблизительно в то же время, когда Дж. М. Кларк добавлял к своей теории накладные издержки, в Конъюнктурном институте в Москве один экономист по имени Николай Дмитриевич Кондратьев (вообще-то он был из Костромской губернии), пользуясь собственными эмпирическими наблюдениями, обнаружил повторяющуюся

синхронность. Экономика не была неподвижной. Циклы, которые анализировал Кондратьев, обнаруживали явные фазы любого развития – рост, вершина, снижение, депрессия. Это явление также характерно для потребительских товаров длительного пользования.

Н. Д. Кондратьев первым обнаружил перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом ее начале, значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества. К сожалению, в бывшем СССР никто не обратил на это внимания. Конъюнктурный институт при Наркомате финансов «по тонкости своих методов и высокому научному достоинству работ» представлял лучшее в Европе учреждение этого типа и не уступал исследовательским организациям США [ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 5. Д. 716. Л. 123 об.]. Кондратьев не оставил бы без внимания вопрос, почему финансовая система в постсоветской России в течение последней четверти века функционирует в отрыве от реальной экономики. Так что исследование всей экономики он подменил исследованием конъюнктуры, то есть движения цен.

После Первой мировой войны проблема экономического цикла и источников экономического роста получила свое развитие в исследованиях Джона Мейнарда Кейнса. Он был не только ученым, но и функционером: главным представителем Британского казначейства на Парижской мирной конференции. Он разработал основы послевоенных международных финансовых отношений, которые с определенными изменениями были приняты Бреттон-Вудской конференцией, состоявшейся в 1944 г., и привели к созданию Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития [Современные... 2017: 47–48]. «Общая теория занятости, процента и денег» появилась в 1936 г. и сразу же стала знаменитой. Как отмечал Бен Селигмен в своей исторической книге, «невозможно отрицать громадное влияние “Общей теории”. Оно отразилось на всех современных экономических исследованиях, в том числе и принадлежащих критикам Кейнса. Самые непримиримые оппоненты Кейнса встали впоследствии на его сторону» [Селигмен 1968: 504].

Кейнс, с его высоким ростом, неуступчивым нравом и саржевым пиджаком, был слишком радикальным для своего времени, а возможно, даже и для нашего. Он пишет: «Экономисты поставили бы себе слишком простую, слишком бесполезную задачу, если бы в бурные периоды могли бы сообщить нам лишь о том, что после того, как буря пройдет, океан вновь станет спокойным» [Кейнс 1925: 65]. И в 1936 г., когда депрессия была позади, мир открыл его.

Практически одновременно с Дж. М. Кейнсом в богатом событиями 1939 году Джон Р. Хикс опубликовал «Стоимость и капитал», Рой Харрод представил в *Economic Journal* работу «Очерк теории динамики», Йозеф Шумпетер обнародовал «Экономические циклы».

В работе «Стоимость и капитал», за которую Дж. Хикс удостоился Нобелевской премии, объяснялся потребительский излишек (что, среди прочего, способствовало появлению эффекта дохода). Р. Харрод сделал акцент на новой динамической теории, в которой исследовались фактический, гарантированный и естественный темпы прироста. А Й. Шумпетер во времена «наивысшего расцвета неоклассицизма начинает разговор о динамике. Но как он это делает? Он начинает со статической модели. Статика так статика» [Майбурд 2000: 111]. Противопо-

ложная линия общего равновесия Л. Вальраса, которая начиная с 1930-х гг. «решительно возобладала в основном неоклассическом течении экономической теории, в значительной мере осуждается Блаугом как неэффективная трата сил общества на формалистское совершенствование теории без осмысления и предсказания новых фактов» – пишет В. С. Автономов [2004: 13]. Наличие в развитии спадов и подъемов производства побудило некоторых экономистов заняться исследованием проблем макроэкономической динамики. Что же касается Шумпетера, то он особо подчеркивает, что смысл экономического развития заключается не в новом состоянии равновесия, а в переходе к нему, поскольку любое новое состояние равновесия все равно будет разрушено.

Выводы Й. Шумпетера основаны на глубоком знании экономической теории. В начале XX в. он внимательно изучил произведения современной ему австрийской школы, сочинения К. Маркса, позднее – научные труды представителей новой исторической школы и аналитические работы американских институционалистов, но в значительной мере именно доктрина Маркса удивительным образом повлияла на Шумпетера. Она, как свидетельствует автор «Капитализма, социализма и демократии», «принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни» [Шумпетер 2008: 377]. В то же время он признавал теоретический вклад Маркса в экономическую науку: «...основная идея о том, что капитал есть, в сущности, средство господства над производством, совершенно совпадает с нашими выводами» [Там же: 263].

В первой главе своего труда «Теория экономического развития» Й. Шумпетер обратился к работам австрийцев-маржиналистов, описывающих экономическое равновесие. Мы вскоре вернемся к ним, но сначала перенесемся на несколько десятилетий назад в Лозанну (Швейцария). Там в 1870-е гг. сравнительно молодой математик Леон Вальрас и сменивший его профессор-марксист Вильфредо Парето заложили основу лозаннской школы.

Исходными параметрами экономической модели Вальраса и Парето стали не классовые подходы Маркса и не вопросы политического устройства государства или определения концепций австрийской школы. Вальрас сконцентрировал внимание на рынках, ценах и полезности: всегда ли равновесие на рынках продуктов соответствует равновесию на рынках факторов производства; гарантирует ли рыночный механизм достижение общего равновесия. По образному сравнению самого Вальраса, в данном равновесии варьирования статических состояний должны происходить в чем-то подобном операционному залу Парижской биржи, наполненному покупателями и продавцами. В нем особенно нуждались как в последовательности изученных статических состояний.

Но вернемся к австрийцам. У представителей венской школы Й. Шумпетером были заимствованы понятия о порядке благ, вменении альтернативной стоимости и предельной производительности. Как отметил профессор В. С. Автономов, «среди экономистов-учителей Шумпетера выделялись корифеи австрийской школы Е. Бем-Баверк и Ф. Визер» [Автономов 1995: 7]. Они были первыми, кто принесли популярность доктрине австрийской школы. Еще в 1909 г. выдающийся экономист Фридрих фон Визер категорически утверждал, что даже социалистическая экономика должна была бы использовать такое же средство измерения и в основном такие же принципы планирования, как и капиталистическое хозяйство. При-

мерно в 1992 г. Фридрих фон Хайек написал о Шумпетере: «Со временем он еще дальше отошел от принципов австрийской школы, так что теперь не вполне ясно, можно ли по-прежнему считать его представителем этой группы» [Хайек 2009: 195]. В частности, его теория предпринимательства существенно отличалась от австрийского подхода. Если И. Кирцнер считает основной функцией предпринимательства поддержку движения экономики к равновесию, то шумпетерианское понимание предпринимательства расходится с австрийской школой в том, что Шумпетер считает предпринимателя *активным субъектом предприятия* [Антипина 2017: 33].

Почти незамеченный современниками большой труд «Экономические циклы» явился ни много ни мало разработкой теоретической модели процесса экономического развития во времени. Й. Шумпетер сформулировал гипотезу о том, что вывод производственной системы из кризиса связан не с ростом масштабов деятельности, сокращением издержек или повышением цены на прежнюю продукцию, а с изменением в хозяйственном процессе за счет создания и внедрения инноваций. Он приводит сравнение с биением человеческого сердца, которое отражает все существенные процессы в организме. Но никто еще не придумал способа измерить это. С появлением талантливого Новатора, всегда стремящегося получить большую прибыль, чем могут дать обычные способы, преодолеваются технологические и финансовые затруднения и открываются новые пути получения прибыли. Полученный в результате доход является одним из источников воспроизводства. По справедливому замечанию индийского инвестора Ручира Шармы, «они (журналисты. – Е. А.) не видят вокруг ничего хорошего, потому что оценивают экономический потенциал по докризисным критериям» [Шарма 2016: 466].

Следуя логике Й. Шумпетера, можно прийти к выводу о том, что пучкообразный характер инвестирования обусловлен стадным характером явления, вызываемым нововведениями в области совершенствования производства. Однако человечество привыкает к нововведениям, поэтому Шумпетер оценивал исторические судьбы предпринимателей как носителей инноваций весьма пессимистично. И, несмотря на признание особой роли предпринимателя, считал, что с точки зрения чистой экономической теории именно новые научные открытия приводят к зарождению инновационных кластеров.

По словам Шумпетера, основной проблемой институционального анализа является выяснение не того, как функционирует капитализм в рамках существующих в данное время структур, а того, как капитализм создает и разрушает эти структуры [Шумпетер 2008: 521]. Специальным направлением анализа динамических процессов было построение так называемых моделей шумпетерианской конкуренции, связанных с достоянием институционального направления. Но, в отличие от институционалистов, Шумпетер выдвинул теорию эффективной конкуренции (которая изображает рыночный механизм в эпоху «большого бизнеса» как плодотворное взаимодействие сил монополии и конкуренции) и занимался поиском источника развития внутри самой экономической системы. Он установил, что рост конкурентоспособности фирмы в случае смены ценовой политики или использования механизмов сокращения издержек носит кратковременный характер.

Поворотным пунктом в развитии теории экономического роста стала модель Харрода – Домара. Рой Харрод родился в 1900 г. в Норфолке, на востоке Англии, но вырос в Оксфорде. В ранний период жизни отмечалось пристрастие будущего экономиста к составлению сочинений на разные темы. В 1907 г. археологический бизнес отца стал приходить в упадок, но Рой, к тому времени уже подросток, уехал в Лондон продолжать образование: получил стипендию в школе св. Павла, а в 1913 г. – стипендию Кингс-колледжа для обучения в Вестминстере. В 1918 г. он был призван в армию, а в 1919 г. поступил в Оксфордский университет на четырехгодичный курс преподавателей исторических наук.

В 1923 г. Р. Харрод окончил университет и через несколько месяцев начал изучать экономическую теорию (а затем и преподавать). Самая первая его работа об экономической динамике появилась в одном номере с работой Дж. М. Кейнса о методе взаимосвязи экономических переменных Я. Тинбергена. С 1928 по 1940 г. он опубликовал ряд работ по проблемам денег, банков, международной торговли, несовершенной конкуренции, колебаний издержек, торгового цикла и экономического развития.

Его знаменитое уравнение $S/Y = I/Y = K/Y$ выражает условие динамического равновесия и указывает на то, что всегда существует некоторая норма инвестиций для того, чтобы произвести продукцию дополнительно благодаря инвестициям предыдущего периода. S в уравнении означает сбережения, I – инвестиции, Y – национальный доход, а K – долю инвестиций, вызванных изменением дохода того же года.

В самых простых словах это уравнение означает, что инвестиции и сбережения обладают эквивалентностью. Это две формы одного явления: инвестиции являются освобожденными сбережениями; сбережения – инвестициями, ожидающими своего часа. Поскольку Y (национальный доход, обозначающий, что рассматривается доля инвестиций и сбережений) – это на самом деле огромное число, формула показывает, что в любых сбережениях есть равная доля инвестиций.

Вы можете не считать себя хорошим инвестором, но если вы просто взрослый человек с обычным доходом, то ваши ничем не приметные сбережения будут оборачиваться наименьшей долей инвестиций. При этом важно учитывать именно долю сбережений в национальном доходе, а не уровень сбережений в абсолютном выражении. Проще говоря, не только наши разумные траты, но и наши сбережения будут способствовать росту совокупного спроса и занятости, а тем самым и росту национального дохода.

В результате своего анализа Р. Харрод приходит к выводу о существовании такой линии развития, как линия динамического равновесия, придерживаясь которой, производители останутся удовлетворенными результатами своей деятельности. Дж. М. Кейнс отнесся к концепции Харрода скептически, выразив сомнение в существовании равновесной линии непрерывного развития, вокруг которой происходят колебания фактического темпа роста. Р. Харрод пишет: «Идея, согласно которой можно проводить совершенную политику, своего рода “тонкую настройку”, способную, с одной стороны, предотвратить рост безработицы, а с другой – не вызывать повышения инфляции спроса, не согласуется с экономической теорией» [Harrod 1973: 112–113]. Двадцать три года спустя, пытаясь восстановить первое и второе подразделения общественного производства К. Маркса,

Джоан Робинсон с Николасом Калдором разработали более сложную модель роста, в которой говорилось об инвестиционных и потребительских товарах.

Между созданием экономической модели Харрода – Домара и ее усовершенствованием Дж. Робинсон и Н. Калдором произошло еще очень важное для развития теории экономического роста событие. Элвин Хансен опубликовал ставшую всемирно известной монографию «Экономические циклы и национальный доход», где соотношение нормы прибыли и нормы процента определяют изменения в объемах инвестиций. Работа посвящена экономическим циклам, национальному доходу, современным теориям занятости и развитию соответствующих областей экономической мысли. Она достаточно последовательна, чтобы определить экономический цикл как колебание наиболее важных макровеличин: занятости, объема продукции и уровня цен.

«Экономические циклы и национальный доход» – одна из самых удивительных научных публикаций, так как в ней точка зрения кейнсианца Э. Хансена отличается от позиции самого Кейнса. Книга не содержит принципов эмиссии денег и роли центробанков в образовании длинных циклов – скучной академической рутины. Хансен сделал акцент на механизме инвестиционных колебаний: как научно-технический прогресс может быть причиной автономных инвестиций. (При этом читатели и слушатели как бы самостоятельно выводили положения, изложенные в его работах.) Этим же объяснялось, каким образом при наличии свободной рабочей силы и дополнительных мощностей инвестиции в какой-либо одной из отраслей могут вызывать прирост дохода не только в ней, но и во всех сопряженных с нею отраслях. Простой формулой акселератора Хансен подарил экономистам возможность оперировать расчетом экономического роста. Его может и не быть, если прибыль от автономных инвестиций направляется на потребление. Теория экономических циклов помогает нам решить трудную проблему превращения современного общественного устройства в слаженную и работоспособную систему. И, что также далеко не случайно, она дает возможность прогнозировать развитие рыночной системы и тем самым усилить ее адаптивность, амортизируя будущие потрясения. Если Кейнсом дан мультипликатор, то Хансеном – акселератор, который раскрывает поведение инвестиций.

Наряду с разработкой кейнсианских моделей цикла в монографии Джона Хикса, посвященной теории экономического цикла, был предложен вариант плодотворного синтеза неоклассического и кейнсианского подходов. Для современных денежных теорий процента и цикла путь открыт. А до некейнсианских исследований Кузнецца интерес к проблеме роста несколько снизился.

В России работа Льва Абрамовича Мендельсона, посвященная теории и истории экономических циклов, во многом производила впечатление решения, подготавливаемого под заранее известный ответ.

К началу 70-х гг. XX в. потенциал роста послевоенного периода был исчерпан. В это время мейнстримом экономической мысли становится количественный подход в формировании теории экономического роста, ярким представителем которого является нобелевский лауреат Саймон Кузнец. Мир должен был вступить в век целостной макроэкономической науки, в которой «многие темы экономической теории имели большое сходство» [Salerno 1999: 40]. Ученые вскоре обнаружат, что ключевая роль в формировании теории экономического роста закла-

дивалась представителями количественного подхода и прежде всего С. Кузнецом. Наука перемещалась из мира экспериментальных лабораторий, где данные можно увидеть, посчитать, измерить, в мир экономического производства. По Кузнецу, «главное заключается именно в использовании [науки], причем это касается не только результативного экономического роста, а в такой же мере и эффекта обратной связи относительно развития самой науки; получается нечто похожее на самостимуляцию экономического роста» [Kuznets 1966: 12].

С. Кузнец писал о проблеме импульса роста, то есть о том, каким образом превратить потенциал технологического прогресса в изменение институциональной структуры. Это была действительно новая концепция, к тому же очень удачная. Вскоре она поможет решить проблему сравнительного анализа экономического роста, а в более отдаленной перспективе станет фундаментом современной теории экономического роста. Во всяком случае, это были три показателя, которые определяют принадлежность к современной экономике:

- темп прироста дохода на душу населения;
- распределение рабочей силы по отраслям;
- размещение населения по территории.

Дальнейшее развитие теория роста получила благодаря Роберту Солоу. Самой вызывающей и непостижимой из всех концепций экономического роста является мысль о том, что главный фактор экономического роста – технический прогресс – является эндогенным. Мы изначально рассматриваем нововведения как источник роста; мы привыкли, что пропорции между капиталом и трудом должны быть переменными. На деле же, согласно Солоу, их определяют производители, которые минимизируют затраты в зависимости от цен на эти факторы. Они даже имеют формулу: $Y = F(K, L)$.

Но кардинальная смена методологии анализа цикла, да и не только цикла, больше всего заметна в современных экономических теориях. По выражению А. В. Кацуры, сейчас «сама наука... отваживается на поиски оснований мира и его эволюции за пределами традиционной материальности» [Кацура 2017: 108–109].

Что такое капитал-доход, обычно объясняют кредиторы, предлагая представить, что они отказываются от текущего потребления (жертвуют им) и вправе рассчитывать на определенную компенсацию за указанную жертву, за воздержание от текущего потребления. Под воздействием технологического шока возрастает совокупная производительность факторов производства. Это увеличивает заработную плату, что вызывает увеличение предложения труда в данный период времени и капиталоотдачи. Теперь, если экономика находится в состоянии равновесия, но не соответствует «золотому правилу», правительству предстоит определить политику роста, разработать программу максимального душевого потребления. Это возможно в двух вариантах: либо экономика располагает большим запасом капитала, чем это необходимо, чтобы соответствовать «золотому правилу», либо запас капитала не достигает соответствующего «золотому правилу».

В момент снижения нормы сбережения получаем, что даже в течение перехода к новому стационарному состоянию экономика в каждый момент времени имеет более высокое потребление на душу населения, чем исходный уровень. Так что, если поддерживать одинаковый уровень потребления для всех живущих

ныне и для всех будущих поколений, то есть если поступать с будущими поколениями так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, то максимальный уровень стационарного потребления на душу населения определен. Кривая Филлипса (соотношение между безработицей и инфляцией) с точки зрения межвременного выбора не столько универсальная модель, сколько свойство безработицы. Долгосрочная безработица обусловлена не уровнем инфляции, а скорее рынками труда, пишет экономист Эдмунд Фелпс и продолжает: «...заманчивое соотношение сразу бы исчезло, если бы высокопоставленные политики действительно попытались бы его использовать, то есть, если бы они попытались достичь низкого уровня безработицы, допуская высокую инфляцию» [Бролл, Ферстер 2007: 107].

Разумеется, рекомендации основываются не на идеологических установках, а на реалистических предположениях о рыночной системе. Но в данном случае, анализируя возможные последствия снижения налога на труд (известного у нас как ЕСН), Фелпс в соавторстве с Лоуренсом Саммерсом обосновал неэффективность такого шага для снижения безработицы, по-прежнему очень высокой во многих развитых странах. Во всяком случае, можно просчитывать все побочные последствия налоговых новаций.

Значителен вклад Финна Кидланда и Эдварда Прескотта в изучение влияния фактора времени на экономическую политику и в исследования движущих сил деловых циклов. Среди многого другого время проникает во все аспекты социальной жизни и влияет на все продукты цивилизации.

П. Ромер первым обнаружил эффект экономических факторов в изучении инновационной активности фирм и осознал их эндогенное значение для понимания роста в экономике. К счастью, Шведская королевская академия наук обратила на это внимание и 8 октября 2018 г. присудила ученому из США премию по экономике памяти Альфреда Нобеля.

Подытоживая обсуждение проблематики циклов, можно сделать некоторые выводы и дать рекомендации.

Тенденция экономики к росту является естественной тенденцией самосохраняющейся системы, которая быстро приспосабливается к равновесному устойчивому состоянию, максимизирующему благосостояние. В условиях развитых стран четверть мирового ВВП тратится на обеспечение будущего экономического роста^{***}. Мы сможем разогнаться до любой отметки ВВП в этом или следующем году, но если прирост составит ниже 4 %, не будет развития промышленности и повышения качества жизни.

Из любого экономического кризиса экономика выходит на уровень выше докризисного. Одно из предсказаний А. Л. Кудрина, бывшего министра финансов и создателя государственных фондов, позволивших минимизировать воздействие мировых кризисов на российскую экономику, заключается в том, что страна стала медленно, но уверенно выходить из кризиса. Однако экономистам и политикам недостаточно просто ждать этого выхода. Поэтому шанс на появление синтетической, исчерпывающей теории делового цикла все-таки есть, будь то неоклассические синтетические теории или кейнс-шумпетерианские эконометрические модели.

^{***} В развитых странах норма накопления составляет 20–21 % ВВП, как и в России [Динамика... 2015: 4].

Литература

Автономов В. С. «Несвоевременные» мысли Йозефа Шумпетера / Й. Шумпетер // Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.

Автономов В. С. За что экономисты не любят методологов / М. Блауг // Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blaug-m-metodologiya-ekonomicheskoy-nauki-ili-kak-ekonomisty-obyasnyayut-per-s-angl-nauch-red-i-vstup-st-b-c-avtonomova-m-np-zhurnal-voprosy>.

Антипина Е. В. Сравнительный анализ методологических подходов шумпетерианства и австрийской школы // Вестник РЭУ. 2017. № 4(94). С. 32–41.

Бролл У., Ферстер А. Эдмунд С. Фелпс: кривая Филлипса и золотое правило накопления капитала // Журнал европейской экономики. 2007. Т. 6. № 1. С. 106–113.

Динамика инвестиционной активности в условиях спада экономики России // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 5. Сентябрь [Электронный ресурс]. URL: http://economics.com.az/ru/images/fotos/direktor/Globaliz/Bulleten_soc_ekon_krizisa_v_Rossii_05_sen2015.pdf.

Кацура А. В. Демократия против социализма. Борьба двух исторических проектов объединения человечества // Век глобализации. 2017. № 2. С. 93–110.

Кейнс Дж. Трактат о денежной реформе. М. : Экономическая жизнь, 1925.

Ленин В. И. Карл Маркс / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 26. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969.

Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. М., 2000.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 13. М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1959. С. 5–9.

Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 65–75.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс, 1968.

Современные проблемы хозяйственного развития с позиций экономической теории / под ред. Е. В. Устюжаниной, М. В. Дубовик. М. : Русайнс, 2017.

Хайек Ф. Судьбы либерализма. М. : ИРИСЭН, Мысль; Челябинск : Социум, 2009.

Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). М. : Ин-т экономики, 2012.

Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире. М. : Corpus (АСТ), 2016.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2008.

Clark J. M. Studies in the Economics of Overhead Costs. Chicago : University of Chicago Press, 1923.

Harrod R. Economic Dynamics. London; New York, 1973.

Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Heaven, 1966.

Salerno J. The Place of “Human Action” in the Development of Modern Economic Thought // The Quarterly Journal of Austrian Economics. 1999. Vol. 2. No. 1. Pp. 35–65.

Архив

ЦГАНХ СССР – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АТОМНОЙ ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТИ (на примере Японии после аварии на АЭС «Фукусима-1»)

Мищенко Я. В.*

В статье рассматриваются трансформации энергетической политики и трактовки понятия атомной энергобезопасности в Японии и мире после катастрофы на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Исследуется, какую роль в обеспечении энергетической безопасности стран и достижении целей энергосбережения играла атомная энергетика до трагедии и как власти Японии пытаются сейчас, в «постфукусимский» период, найти баланс между всеянным в японском обществе страхом перед дальнейшим использованием атомной генерации и необходимостью обеспечивать энергетические потребности третьей экономики мира. Анализируется, как изменилось восприятие самого понятия «атомная энергобезопасность» в Японии и во всем мире после ядерного кризиса и на развитии каких источников энергии власти страны впредь намерены делать упор в рамках политики энергоресурсосбережения.

Ключевые слова: Япония, АЭС «Фукусима», атомная энергетика, энергетическая безопасность.

The article examines the transformation of energy policy and the interpretation of the concept of nuclear energy security in Japan and the world after the disaster at the Fukushima-1 nuclear power plant in 2011. The role of nuclear power in Japan before the tragedy is analyzed as well as the fact that now the authorities try to find a balance between the Japanese society's fear of the future use of nuclear generation and the need to provide energy needs of the economy ranking third in the world. It is analyzed how the perception of the concept of 'nuclear energy security' in Japan and the world changed after the nuclear crisis and which sources of energy the authorities will focus on in the framework of the implementation of energy saving policy.

Keywords: Japan, Fukushima NPP, nuclear energy, energy security.

В 2011 г. в Японии произошла авария на АЭС «Фукусима-1», которая стала крупнейшей в мировой истории техногенной аварией на атомном объекте со времен Чернобыльской катастрофы 1986 г. Ее последствия оказали серьезное воздействие на дальнейший ход развития атомной энергетики и в Японии, и в ряде дру-

---

* Мищенко Яна Вадимовна – к. э. н., старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, с. н. с. Института Дальнего Востока РАН. E-mail: yanamischenko@gmail.com.

гих стран мира, заставив Японию коренным образом пересмотреть свою дальнейшую энергетическую политику и подходы к трактовке понятия энергетической безопасности.

Атомная энергетика как способ обеспечения энергетической безопасности Японии

До аварии на АЭС «Фукусима», вызванной природным бедствием (Великим землетрясением Восточной Японии и большими волнами цунами), вклад атомной энергетики в повышение крайне низкого уровня самообеспеченности Японии энергией был значителен – 4 % без учета атомной генерации и 18 % с учетом атомной энергии. За гражданской атомной энергетикой признавались четыре фактора, отвечающих на тот период актуальным задачам японской энергетической политики: вклад в обеспечение энергетической безопасности (через снижение объемов необходимого импорта энергоресурсов и повышение уровня самообеспеченности страны энергией более чем в четыре раза), борьба с глобальным потеплением, наличие доступного источника энергии на территории страны (с учетом импорта урана) и экономическая эффективность (выгодная стоимость производства электроэнергии на АЭС) [Мищенко 2014: 132].

К концу первой декады XXI в. Япония занимала третье место в мире по количеству установленных и находящихся в эксплуатации атомных реакторов (53 реактора суммарной мощностью 47,9 млн кВт в 2010 г.). Кроме того, Япония развивала масштабную программу строительства дополнительных атомных мощностей: в Стратегическом энергетическом плане, официальном документе Министерства экономики, торговли и промышленности Японии 2010 г., развитие атомной генерации было объявлено одним из факторов достижения независимой и экологической благоприятной и безопасной структуры энергетики. Согласно данному документу, планировалось построить девять дополнительных энергоблоков к 2020 г. и 16 реакторов суммарной установленной мощностью 20,5 млн кВт к 2030 г., повысив долю атомной энергии в структуре первичного энергобаланса страны с 10 % до 24 % и примерно одной трети до 53 % в суммарном производстве электроэнергии [Ее же 2011: 3]. Это соответствовало тогда пониманию повышения энергобезопасности страны и политике ресурсосбережения, так как позволяло рассчитывать на снижение огромного японского импорта углеводородов. К тому же, если для работы теплоэлектростанций нужны первичные источники энергии – уголь и природный газ, то АЭС данных углеводородов не требуют. Уран, который нужен для функционирования атомных станций, Япония закупает в Австралии (порядка трети всего японского уранового импорта), Канаде, Казахстане и т. д. (так, в прошлом Япония закупала урановое сырье в Южной Африке, однако были эпизоды, когда она по политическим мотивам – в знак протеста против проводившейся там политики апартеида – отказалась от этих закупок [Utilities... 1988]). При этом Япония обладает полным топливным циклом, включая обогащение и переработку использованного топлива [Japan's Nuclear... 2018].

Авария на АЭС «Фукусима» перечеркнула многие планы масштабного наращивания в стране атомной генерации, вызвала острую дискуссию в Японии и мире о безопасности атомной энергетики, показала, каким грандиозным может быть

ущерб и тяжелыми издержками для общества от подобных ядерных техногенных катастроф. Так, в 2011 г., в первые месяцы после аварии, Комиссия по атомной энергии Японии оценила ущерб от нее примерно в 74 млрд долларов, что сопоставимо с объемом (и даже превышает его) всех запланированных в Японии капиталовложений в развитие атомной отрасли до 2030 г. – порядка 70 млрд долларов [Мищенко 2014: 133].

Ситуация на атомных объектах Японии в 2011–2018 гг.

Судьба АЭС «Фукусима-1» определена: ее четыре энергоблока подлежат последовательному выводу из эксплуатации в несколько этапов в течение 30–40 лет. В первое время после аварии стояла задача стабилизировать ситуацию, снизить радиоактивные выбросы в атмосферу, поддерживать реакторы в состоянии холодной остановки. Затем требовалось приступить к извлечению топлива и потом уже полностью закрыть станцию. «Фукусима-2» тоже будет выведена из эксплуатации.

Сразу после аварии в 2011 г. из 54 реакторов в Японии 52 были остановлены. К лету 2012 г. показатели атомной генерации в Японии были сведены к нулевой отметке. Однако в июне 2012 г. удалось получить согласие властей префектуры Фукуи на запуск 3-го и 4-го энергоблоков АЭС «Оои». Это было непросто, так как главы префектур чувствительны к мнению электората, а в японском обществе появился страх перед дальнейшим использованием атомной энергии.

Одновременно разрабатывались новые стандарты регулирования ядерной безопасности. Они вступили в силу летом 2013 г., и были поданы заявки от четырех компаний-операторов на возобновление работы 12 электростанций на шести площадках (1–3-й энергоблоки АЭС «Томари» на о. Хоккайдо, 3-й и 4-й энергоблоки АЭС «Такахама», 3-й и 4-й энергоблоки АЭС «Оои» в Кансае, 3-й блок АЭС «Иката» на о. Сикоку, 3-й и 4-й энергоблоки АЭС «Генкай», 1-й и 2-й блоки АЭС «Сендай» на о. Кюсю). Власти медлили некоторое время с принятием нового энергетического плана, дискутируя, будет ли в нем место для атомной энергетики в целом, однако ситуация было крайне сложная: в результате трагедии 2011 г. Япония потеряла 9,7 ГВт атомных мощностей, которые были отключены автоматически. СМИ сообщали, что в 2012 г. правительство Японии подготовило новый энергетический план, в котором был зафиксирован отказ от ядерной энергетики в форме постепенного выведения из эксплуатации атомных генерирующих мощностей к 2040 г., однако японские деловые круги, включая влиятельную японскую Федерацию бизнеса «Кейданрен», воспротивились этому ввиду потенциального экономического ущерба для страны.

Наконец в 2015 г., после долгих и острых дебатов, спустя четыре года после аварии на «Фукусиме», в Японии приняли новый энергетический план до 2030 г. В нем зафиксированы три основных вызова для страны в сфере энергетики:

- 1) снижение уровня самообеспеченности страны энергией (связано с выбытием из строя атомных мощностей и увеличением импорта зарубежных углеводородов);
- 2) более высокая стоимость электроэнергии (отчасти ввиду большего употребления ископаемого топлива, не говоря о том, что в целом в Японии стоимость электроэнергии выше, чем в ведущих экономиках мира: так, в 2013 г.

в США стоимость электроэнергии составляла 68,2 доллара/Мвт/ч, во Франции – 126 долларов/Мвт/ч, в Великобритании – 139 долларов/Мвт/ч, в Германии – 169,3 доллара/Мвт/ч, тогда как в Японии – 182,9 доллара/Мвт/ч);

3) увеличение парниковых эмиссий (опять ввиду отказа от атомной генерации и более широкого использования ископаемого топлива, в том числе в процессе электрогенерации на ТЭЦ).

В связи с обозначенными вызовами в Плане поставлены следующие задачи:

1) повысить к 2030 г. уровень самообеспеченности страны энергией до 20–25 % (по крайней мере, необходимо вернуться к уровню 2011 г.). Для этого объявлено намерение усилить использование возобновляемых источников энергии и атомной энергии;

2) снижать стоимость электроэнергии. Для этого планируется использовать атомную генерацию и ТЭЦ, работающие на сжигании угля, так как эти способы производства электроэнергии являются наименее затратными;

3) относительно эмиссии парниковых газов Япония ставит целью установить такие же стандарты выбросов, как в ЕС и США. Для этого планируется использовать атомную энергию и возобновляемые источники, так как электрогенерация этими способами не сопровождается выделениями углекислого газа. Также планируется оптимизировать эффективность работы ТЭЦ на сжигании угля и расширить использование ТЭЦ, работающих на СПГ (сжиженном природном газе) [Japan's Energy... 2015].

Как видно из вышеперечисленных постулатов нового энергетического плана Японии до 2030 г., отказываться от атомной энергетики страна не планирует. Власти выжидали некоторое время, пока градус напряжения в обществе относительно дальнейшего использования атомной энергии начнет спадать, одновременно убедившись, что без атомной генерации будет крайне трудно, не прибегнув к масштабным закупкам ископаемого топлива из других стран, обеспечивать энергетические потребности страны, и приняли решение повышать стандарты энергетической и ядерной безопасности вместо отказа от атомной энергии. Более того, власти не отказались от строительства новых атомных энергоблоков. Так, по данным Японского атомного промышленного форума (JAIF), в октябре 2012 г. было возобновлено строительство АЭС «Ома» и почти завершено возведение АЭС «Симане-3».

В настоящее время в эксплуатации находятся АЭС «Генкай-3», «Иката-3», «Оои-3» и «Оои-4», «Сендай-1» и «Сендай-2», «Такахама-3» и «Такахама-4» [Japan Atomic...]. Включать атомные станции в Японии стали только в 2015 г.: если в 2014 г. доля атомной энергии в энергобалансе страны равнялась нулю, то в 2015 г. – 0,4 % [Statistical... 2017: 77].

В энергетическом плане заявлено, что к 2030 г. доля атомной энергии в структуре энергобаланса Японии должна составлять 20–22 %, возобновляемых источников энергии – 22–24 %, СПГ – 27 %, угля – 26 %, нефти – 3 % [Japan's Energy... 2015]. Можно дискутировать на тему того, насколько реалистично снизить зависимость японской экономики от нефти до такого рекордно низкого уровня, однако именно такое соотношение различных видов энергии в планируемой к 2030 г. структуре энергобаланса позволило бы увеличить использование возобновляемых источников энергии и выработку тепловых электростанций (ко-

торые работают на угле и СПГ), одновременно снизив планируемую до 2011 г. долю атомной энергетики в будущей структуре энергетического баланса страны.

Актуализация проблем энергетической безопасности после трагедии на «Фукусиме»

Трагедия на «Фукусиме» вывела на первый план такой аспект понятия энергетической безопасности, как безопасность объектов энергетики и энергетической инфраструктуры. Если раньше энергобезопасность в Японии как стране – импортере энергии трактовали прежде всего как стабильность источников поставок углеводородов из других государств и создание собственных источников производства энергии у себя в стране, то после 2011 г. первостепенное значение также стало уделяться вопросам безопасности и надежности объектов энергетики.

Экспертами много обсуждалось, правильно ли расположена АЭС «Фукусима-1» – допустимо ли по стандартам безопасности было строить атомный объект всего в 11 км от побережья, на расстоянии, которое делает его уязвимым для угроз с океана, таких как цунами. При создании планов проектирования данной станции была заложена «подушка безопасности» от цунами высотой порядка 3,1 м (исходя из оценок высоты цунами в Чили в 1960 г.), и, основываясь на этих расчетах, «Фукусиму» построили на считающейся безопасной 10-метровой высоте над уровнем моря [Fukushima Accident... 2017]. Однако 11 марта 2011 г. «Фукусима-1» накрыло цунами высотой около 14–15 м, в результате турбинный зал станции оказался на 5 м затоплен морской водой. Вода затопила резервные дизельные генераторы, охлаждающие системы отключились, в трех реакторах расплавилось топливо, произошли взрывы и выброс радиации – крупнейший со времен чернобыльской аварии [Дефект... 2011]. При этом в XIX в. в Японии случались цунами высотой порядка 10 м, однако, видимо, проектировавшая и строившая в 1960-е гг. АЭС «Фукусима» американская компания *General Electric (GE)* ориентировалась на ситуацию в двух Америках, а не в Японии, и не учла эту местную специфику океанических вод. Уже после аварии в *TEPCO*, компании-операторе АЭС «Фукусима», признали, что отдавали себе отчет в определенной степени незащищенности станции перед ударом цунами и не предприняли необходимых мер по улучшению и повышению стандартов ее безопасности и защиты, чтобы предотвратить катастрофу [Fukushima Disaster... 2012].

Стал также критически обсуждаться и переосмысливаться вопрос длительности и продления сроков эксплуатации АЭС. Продление сроков эксплуатации атомных объектов – это распространенная во всем мире практика. Так как строительство новых атомных объектов чрезвычайно капиталозатратно, после проведения соответствующих технических проверок и инспекций, если специалисты дают заключение, что станции пригодны к дальнейшей работе и функционируют нормально, возможно продление сроков эксплуатации старых АЭС. «Фукусима-1» и была из числа старых станций, которые практически исчерпали отведенный им срок службы – в Японии он как раз составляет 40 лет (ее первый блок был сдан в эксплуатацию в 1971 г.). То есть трагедия случилась в «юбилейный» 40-й год ее эксплуатации. Впрочем, от самой практики продления сроков службы атомных реакторов в Японии, кажется, отказываться не планируют: в 2017 г. ста-

ло известно, что *Japan Atomic Power Co.* подала заявку на продление на 20 лет сроков использования АЭС «Токай-2» в префектуре Ибараки. Сейчас этот энергоблок не функционирует, но если будет получено разрешение на продление сроков его эксплуатации, это будет четвертый атомный блок в стране, которому продлят продолжительность работы. Правда, некоторые компании-операторы АЭС в Японии приняли решение выводить из эксплуатации все старые атомные станции. Однако, как правило, помимо атомных мощностей, у этих монополий есть другие электрогенерирующие мощности, тогда как компания *Japan Atomic Power Co.* владеет только атомными станциями, поэтому скорее по коммерческим соображениям не может позволить себе просто закрывать все старые станции [20-year... 2017].

Еще один аспект проблемы энергобезопасности, который был пересмотрен после 2011 г. в Японии, – это вопрос собственности и управления объектами энергетики. Рынок электрогенерации Японии разделен между 10 частными региональными компаниями-монополиями, которые владеют и управляют электрогенерирующими мощностями в каждом регионе и контролируют также систему сбыта. После аварии на «Фукусиме-1», чтобы не допустить банкротства *TEPCO*, частной компании-оператора данной АЭС, государству пришлось выкупить ее 50%-ю долю и таким образом провести ее национализацию. Обсуждался вопрос, насколько эффективно частные, а не государственные компании могут владеть и управлять атомными мощностями, не угрожает ли это безопасности эксплуатации объектов энергетики, не привела ли именно высокая степень монополизации отрасли и, как следствие, слабая конкуренция к снижению эффективности работы, в том числе в области стандартов ядерной безопасности. Однако пока данная дискуссия ограничилась только национализацией *TEPCO* и не коснулась других региональных операторов АЭС и электрогенерирующих мощностей.

Будущее атомной энергетики в Японии также обсуждалось в контексте национальной политики энергоресурсосбережения. К лету 2012 г. все атомные реакторы Японии были заглушены, чтобы восполнить дефицит электроэнергии на фоне повсеместных блэкаутов и веерных отключений электроэнергии, существенно увеличилась нагрузка на теплоэлектростанции, однако сразу же стало очевидно, что это повлекло за собой увеличение использования, а значит, импорта, первичных источников энергии для работы ТЭЦ (природный газ, уголь), что кардинально противоречило японской политике энергоресурсосбережения. В том числе по этой причине в Японии было принято решение не отказываться полностью от атомной энергетики как низкоуглеродного источника энергии. Сейчас действуют восемь АЭС при большом количестве выведенных из эксплуатации атомных мощностей по соображениям пересмотра и ужесточения стандартов ядерной безопасности.

Официальные программы Японии по энергетической политике и энергосбережению

Япония является одной из передовых стран мира в области энергоресурсосбережения. Это связано и с отсутствием собственных запасов углеводородов, и со спецификой модели экономического развития страны во второй половине XX в.

В период высоких темпов экономического роста (1950–1970-е гг.) энергопотребление в стране быстро увеличивалось. Даже такая бедная в ресурсном отношении страна, как Япония, могла себе позволить высокоэнергоемкую модель развития промышленности и экономики, так как в то время углеводороды, в частности нефть, на мировых рынках были относительно дешевыми, и предложение превышало спрос. Япония обильно закупала нефть из стран Ближнего Востока. Однако «нефтяные шоки» 1970-х гг., сопровождавшиеся резким увеличением цен на нефть на мировых рынках и рядом других неблагоприятных явлений, когда в процесс снабжения страны энергоресурсами вмешался фактор внешней политики и нефть стала не только сугубо энергетическим, но в неменьшей степени политическим ресурсом, поставили Японию перед необходимостью уделять внимание вопросам энергосбережения. В период умеренных темпов экономического роста, пришедших на смену японскому «экономическому чуду», страна целенаправленно занялась снижением показателей энергопотребления. Японское правительство приступило к внедрению разнообразных мер энергосбережения в промышленности, сфере услуг, жилищно-бытовом секторе, на транспорте. Основной целью политики энергосбережения на том этапе было добиться снижения доли нефти в первичном энергобалансе Японии путем повышения в нем доли природного газа, атомной энергии, альтернативных источников энергии. Долю нефти в структуре энергобаланса тогда удалось снизить с 77 % в 1973 г. до 50 % в 1979 г. и 43,5 % в 2010 г. [Стрельцов 2011: 19; Statistical... 2017: 75].

С 1990-х гг., в условиях стагнации экономики и низких темпов экономического роста, в японской политике энергосбережения активизируется составляющая борьбы за экологию и защиту окружающей среды и против глобального потепления. Япония стала одним из инициаторов создания Киотского протокола, который был подписан в 1997 г. и вступил в силу в 2005 г. Япония взяла на себя обязательство сократить эмиссию парниковых газов на 6 % по сравнению с уровнем 1990 г. в период 2008–2012 гг. [Стрельцов 2011: 20]. В этой связи, так как при использовании ископаемых видов топлива выделяются парниковые газы и именно на сферу энергетики приходилась большая часть эмиссии парниковых газов, перед страной стояла новая задача в области совершенствования политики энергосбережения: попытаться добиться постепенного снижения потребления углеводородов, перестроить энергобаланс страны в пользу атомной энергии и возобновляемых источников энергии. То есть перейти к так называемой «чистой энергетике».

Авария на АЭС «Фукусима» в 2011 г., с одной стороны, заставила пересмотреть планы развития атомной энергетики, с другой – укрепила намерение развивать возобновляемые источники энергии как перспективный способ энергоресурсосбережения в XXI в. В настоящее время японское правительство пытается создать новую, «постфукусимскую» модель соотношения спроса и предложения энергоресурсов таким образом, чтобы она выполняла несколько актуальных задач: обеспечивать стабильное, бесперебойное снабжение страны энергией, снижать стоимость энергозатрат, уменьшить зависимость от ядерной энергии и одновременно развивать энергосбережение и возобновляемые источники энергии, учитывая угрозу глобального потепления.

Анализируя динамику стоимостного выражения японского импорта минерального топлива в 2013–2016 гг., можно сделать вывод, что с поставленной целью сокращения расходов на импорт углеводородов Япония в целом справляется: если в 2013 г. стоимость импорта минерального топлива составляла 27 444 млрд иен (порядка 248 млрд долларов), то в 2016 г. – 12 052 млрд иен (около 109 млрд долларов); годовое снижение составило 33,8 %, причем 32,4 % годового снижения стоимости закупок минерального топлива пришлось на нефть [Statistical... 2017: 109]. Повышать долю электроэнергии, производимой за счет возобновляемых источников в целом, тоже в определенной степени получается: так, в 1990 г. в Японии было произведено 96 072 тераджоулей энергии с использованием возобновляемых источников, в 2000 г. – 130 139 тераджоулей, в 2010 г. – 283 885 тераджоулей, в 2014 г. – 362 415 тераджоулей, в 2015 г. – 386 161 тераджоулей. То есть за 25 лет объем электроэнергии, полученной с помощью возобновляемых источников, в Японии возрос почти в четыре раза [Japan Statistical... 2018]. В структуре возобновляемых источников произошло заметное наращивание использования фотогоальванических источников и ветровой энергетики. При этом большая доля электроэнергии, производимой при использовании возобновляемых источников, в 2015 г. приходилась на энергию биомассы. Утилизация энергии как форма ее производства тоже дает определенный вклад в развитие возобновляемой энергетики.

В новом энергетическом плане до 2030 г. энергосбережению отводится особое внимание – оно трактуется как один из столпов, благодаря которому страна может справиться со стоящими перед ней вызовами в области энергетики. В результате внедрения мер энергосбережения планируется, что Япония сможет сократить производство электричества на 17 % к 2030 г. [Japan's Energy... 2015] (и таким образом ослабить зависимость от атомной энергетики). Чтобы достичь такого уровня энергосбережения, который позволит претворить в жизнь заявленные планы, придется работать над улучшением эффективности энергетической инфраструктуры и оборудования и уделить серьезное внимание совершенствованию систем менеджмента в энергетике.

Заключение

Трагедия на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. заставила Японию и весь мир переосмыслить, что в глобальном масштабе включает в себя понятие энергетической безопасности. Если раньше это понятие Япония, типичный представитель стран – импортеров энергоресурсов на глобальных энергетических рынках, трактовала в основном как способность обеспечить страну необходимым количеством энергоресурсов извне и, по возможности, создать источники производства энергии на собственной территории, то трагедия Фукусимы и для Японии, и для всего мира (потому что ряд стран пересмотрели свои стандарты в области атомной безопасности после японского атомного кризиса, а некоторые даже под влиянием тех трагических событий объявили об отказе от атомной энергетики) вывела на первый план такой аспект энергетической безопасности, как безопасность объектов энергетики, в том числе ядерной.

После атомного кризиса Японии пришлось пересмотреть свою энергетическую политику. Несколько лет после трагедии японское общество, политические и предпринимательские круги спорили о будущем атомной энергетики в стране, и была как никогда реалистична возможность отказа от этого вида электрогенерации в Японии. Однако возобладали интересы промышленных и предпринимательских групп, и в новом плане по энергетике заявлено, что атомной генерации в стране быть. Правда, планы ее развития стали заметно скромнее по сравнению с амбициозными задачами расширения атомной составляющей в энергобалансе страны до 2011 г. Однако атомная энергетика, наряду с возобновляемыми источниками энергии, по-прежнему признается одним из важнейших ресурсов, который поможет бороться с глобальным потеплением, ростом стоимости электроэнергии (в Японии она и без того одна из самых дорогих среди развитых стран мира), и наконец, поддержать политику энергоресурсосбережения. Поскольку отказ от атомной генерации неминуемо повлечет увеличение импорта ископаемого топлива, это ляжет тяжелым бременем на экономику страны, которая уже не одно десятилетие борется за то, чтобы улучшить свои макроэкономические показатели и темпы экономического роста.

Литература

Дефект конструкции усугубил ядерную катастрофу на «Фукусиме-1» [Электронный ресурс] : InoPressa. 2011. 1 июля. URL: <https://www.inopressa.ru/article/01Jul2011/ws/fukushima.html> (дата обращения: 16.06.2018).

Мищенко Я. В. Атомная энергетика после катастрофы на АЭС «Фукусима-1»: последствия и перспективы // Энергобезопасность и энергосбережение. 2011. № 6. С. 3–6.

Мищенко Я. В. Япония и Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы и перспективы энергетического сотрудничества: дис. ... канд. экон. наук. М., 2014.

Стрельцов Д. В. Политика Японии в сфере энергосбережения: исторические и правовые аспекты // Япония: ежегодник / под ред. Н. П. Дмитриевской. М.: АИРО–XXI, 2011. С. 18–37.

20-year Extension to be Sought for Aging Tokai No. 2 Nuclear Plant [Электронный ресурс] : The Japan Times. 2017. November 22. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2017/11/22/national/20-year-extension-sought-aging-tokai-no-2-nuclear-plant/#.WygSPiMS_GI (дата обращения: 08.06.2018).

Fukushima Accident [Электронный ресурс] : World Nuclear Association. 2017. October. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/safety-and-security/safety-of-plants/fukushima-accident.aspx> (дата обращения: 14.06.2018).

Fukushima Disaster Could have been Avoided, Nuclear Plant Operator Admits [Электронный ресурс] : The Guardian. 2012. October 15. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2012/oct/15/fukushima-disaster-avoided-nuclear-plant> (дата обращения: 12.06.2018).

Japan Atomic Industrial Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jaif.or.jp/en/npps-in-japan/> (дата обращения: 10.06.2018).

Japan Statistical Yearbook 2018. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications. Japan. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.html> (дата обращения: 01.06.2018).

Japan's Energy Plan. The Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/brochures/pdf/energy_plan_2015.pdf (дата обращения: 02.06.2018).

Japan's Nuclear Fuel Cycle. World Nuclear Association. 2018. May [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-fuel-cycle.aspx> (дата обращения: 10.06.2018).

Statistical Handbook of Japan. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications. Japan. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2017all.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

Utilities in Japan to Shun Uranium from South Africa [Электронный ресурс] : The New York Times. Archives. 1988. URL: <https://www.nytimes.com/1988/11/02/business/utilities-in-japan-to-shun-uranium-from-south-africa.html> (дата обращения: 17.06.2018).

ПРОВАЛ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МИССИИ ОЛИМПИЗМА И ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ СПОРТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО МИРА

Столяров В. И.*

В статье излагаются результаты анализа автором спортивного гуманистического движения как глобальной проблемы современного мира. Обосновывается ее актуальное значение в связи с провалом претензии современного олимпийского движения на гуманистическую миссию в спорте и в обществе в целом. Дается оценка других спортивных движений, претендующих на статус гуманистических.

Ключевые слова: глобальные проблемы, олимпизм, спортивное гуманистическое движение.

The article presents the results of the author's analysis of the sports humanistic movement as a global problem of the modern world. The article substantiates its relevance in connection with the failure of the modern Olympic movement's claim to a 'humanistic mission' in sports and in society in general. The author assesses other sports movements aspiring to becoming humanistic.

Keywords: global problems, Olympism, sports humanistic movement.

Введение

За сравнительно короткий исторический промежуток времени современный спорт превратился во всеобъемлющее социальное явление современного общества. В настоящее время он выступает как социальная система, социальный институт и социальное движение, оказывающие мощное воздействие практически на все слои и сферы современного общества. Столь важное место спорта в современном обществе в первую очередь связано с формированием и развитием современного олимпийского движения, превратившегося в самое массовое, глобальное, неполитическое социальное движение. В данной ситуации все более важное значение приобретает философское осмысление олимпизма и спорта как глобальных феноменов современного общества.

Поэтому представляется удивительной и ничем не оправданной позиция философов нашей страны, в том числе занимающихся глобалистикой, по отношению к проблемам олимпизма и спорта в целом. Как правило, эти проблемы не привлекают их внимания и не подвергаются социально-философскому анализу.

Яркий пример – события 2017–2018 гг. в олимпийском движении.

Эти события (допинговые скандалы, запрет команде российских легкоатлетов участвовать в Олимпийских играх и т. д.) стали предметом широкого обсуждения политиков, спортивных деятелей, СМИ.

---

* Столяров Владислав Иванович – д. ф. н., профессор, лауреат Национальной премии в области физической культуры и спорта. E-mail: vstolyarov@mail.ru.

Однако вызывает удивление круг обсуждаемых вопросов и сам подход к их анализу. Выбор обсуждаемых вопросов основан на понимании Олимпийских игр как международного спортивного мероприятия, главная цель которого – определить лучших из числа «чистых» спортсменов. В связи с этим на первый план выдвигаются вопросы о наличии или отсутствии в России государственной поддержки допинга, о согласии или несогласии с участием российских спортсменов в Олимпийских играх на условиях МОК (без государственного флага, права представлять Россию и т. д.).

Данные вопросы, безусловно, заслуживают внимания. Но вместе с тем важно отметить следующее.

Прежде всего *ошибочно* рассматривать Олимпийские игры как международное спортивное мероприятие, организуемое *для выявления лучших спортсменов*. Такая задача решается на многочисленных чемпионатах мира и других крупных международных спортивных соревнованиях.

Согласно Олимпийской хартии, *Олимпийские игры* – это элемент *особого* спортивного движения, *олимпийского движения*, главная цель которого – реализация *духовных ценностей олимпизма*. «Олимпийское движение представляет собой концентрированную, организованную, универсальную и постоянную деятельность всех лиц и организаций, вдохновляемых ценностями Олимпизма, осуществляемую под руководством МОК» [Олимпийская... 2010: 6]. Активно пропагандируется *гуманистическое* содержание этих ценностей, а на основе этого – особая (*гуманистическая*) миссия олимпийского движения в спорте и в социуме в целом. Так, по мнению декана Международной олимпийской академии О. Шими́чека, «олимпийская идеология выражает идеалистическую философию и является оазисом в современном материалистическом и разрушительном мире» современного общества, в котором люди поглощены корыстными, утилитарными заботами [McNeely 1980: 268]. В связи с этим подчеркивается принципиальное отличие Олимпийских игр от других спортивных соревнований. «Главное отличие между Олимпийскими играми и остальными спортивными мероприятиями состоит в том, что последние не так очевидно утверждают свои идеологические принципы, как это сделано в Олимпийской хартии, в которой говорится, например, о стремлении быть социальным движением и “философией жизни”» [Миа, Гарсиа 2013: 22].

Если учитывать эти пропагандируемые олимпийским движением положения, то требуется *более глубокое и целостное* осмысление указанных событий 2017–2018 гг.

В первую очередь следует уточнить содержание той концепции современного олимпизма, которую разработал *П. де Кубертен*.

Далее, с учетом коммерциализации и профессионализации олимпийского спорта важно выяснить, соответствуют ли *декларируемые* в концепции олимпизма гуманистические ценности *реальной ценностной ориентации* олимпийского движения, и оценить его претензию на *особую гуманистическую миссию* в спорте и обществе.

События 2017–2018 гг. ярко выявили *провал* этой миссии олимпийского движения. В связи с этим возникает целый ряд вопросов.

• *Оправданно ли в социальном плане олимпийское движение, функционирующее на основе коммерциализации и профессионализации, каково его социальное значение и надо ли с ним что-то делать?*

• *Существует ли в современном обществе, которое имеет ярко выраженную прагматическую ориентацию, потребность в спортивном гуманистическом движении?*

• *В какой мере возможно и реально это движение?*

• *Как в этом плане можно оценить уже существующие движения такого рода (например, движение «Спорт для всех», фитнес-движение и др.)?*

• *Необходима ли разработка новых концепций и программ спортивного гуманистического движения и т. д.?*

Более всестороннего анализа требует и *проблема допинга*.

Таковы фундаментальные проблемы современного олимпийского движения, которые в первую очередь требуют анализа при осмыслении указанных событий 2017–2018 гг. Только на этой основе возможно:

• дать *полноценную и всестороннюю оценку* указанных выше событий 2017–2018 гг. в олимпийском движении;

• предложить *пути выхода* из сложной социальной ситуации, которая возникла в результате этих событий;

• найти научно обоснованный ответ на общий и самый важный вопрос о том, *возможно ли вообще* в современном обществе гуманистическое спортивное движение и каковы *вероятные варианты* его формирования.

Отмеченные социально-философские проблемы олимпийского движения в течение многих лет (с 1972 г.) являются предметом моего анализа. В последующем тексте в краткой форме излагаются итоговые результаты этого анализа [подробнее см., например: Столяров 2004; 2013; 2014; 2017а; 2017б; 2018].

Концепция современного олимпизма

Как отмечается в Олимпийской хартии, «концепция современного Олимпизма принадлежит Пьеру де Кубертену» [Олимпийская... 2010: 8].

Существует множество публикаций, посвященных анализу его олимпийской концепции. Однако ситуация с пониманием идей Кубертена до сих пор остается сложной. Прежде всего следует согласиться с мнением Ж. Дьюри о том, что в целом мысли и дела Кубертена, не говоря уже о его жизни, остаются пока очень мало известными [Дьюри 1974]. Солидарен с этим и Н. Мюллер, по мнению которого, «даже среди членов МОК очень немногие понимают то, о чем действительно говорил Кубертен, хотя они и заинтересованы в том, чтобы олимпийское движение стояло над остальными спортивными организациями из-за своего “духовного статуса”» [Müller 1998: 5–6].

Такая ситуация объясняется рядом причин. Во-первых, несмотря на множество публикаций Кубертена по проблемам педагогики, истории и др. (24 книги, 50 брошюр, 1150 статей), у него отсутствует работа, в которой было бы дано развернутое изложение концепции олимпизма. Поэтому при характеристике данной концепции нередко из всего контекста выхватывают какие-то отдельные положения. Во-вторых, довольно часто (особенно в нашей стране) пытаются осмысливать идеи Кубертена, опираясь не на его оригинальные работы, а на кочующие из

одной публикации в другую ошибочные представления по данному вопросу (например, о главной цели жизни Кубертена, о его олимпийском девизе и др.).

В моих публикациях сделана попытка, опираясь на оригинальные работы Кубертена, всесторонне проанализировать разработанную им олимпийскую концепцию. В краткой форме можно сформулировать следующие основные выводы по результатам этого анализа.

1. *Олимпийская концепция* Кубертена – элемент его *педагогического проекта* по созданию новой (гуманистической) системы образования и воспитания. *Главная цель* всей жизни Кубертена – реализация этого проекта, а отнюдь не возрождение Олимпийских игр, как обычно полагают.

2. В концепции обоснован *огромный потенциал* спорта для воспитания личности и совершенствования социальных отношений. Вместе с тем впервые сформулировано положение о *противоречивой природе* спорта, основанного на соперничестве, о заключенных в нем возможностях *не только позитивного*, но и *негативного* влияния на личность и социальные отношения.

3. Основной замысел концепции – *возрождение Олимпийских игр, развитие олимпийского движения* как *особого* спортивного движения, главная цель которого – «облагородить» спорт, повысить его воспитательное значение, а вместе с тем избежать негативного влияния спорта на личность и социальные отношения, использования его в антигуманных целях. Значит, олимпийское движение Кубертен рассматривает как *социально-педагогическое, спортивно-гуманистическое движение*.

4. Для решения социально-педагогических задач олимпийского движения, по мнению Кубертена, необходим ряд условий.

- *Ориентация членов МОК* (в отличие от руководителей других спортивных обществ) в первую очередь на решение не просто спортивных, а спортивно-педагогических задач.

- *Олимпийские игры* должны служить *образцом* спортивного соперничества, выступать как *идеальное спортивное соревнование*, ориентированное в первую очередь на то, чтобы сделать спорт «чище и благороднее».

- *Олимпиец* как образец «совершенного человека» должен служить примером для других спортсменов своими личностными качествами (девиз Кубертена: «*Возвышенный дух в развитом теле!*») и честным, благородным, рыцарским поведением в спортивном соперничестве (Кубертен: «*Главное в жизни не триумф, а битва; важнее храбро сражаться, чем победить!*»).

- Проведение *олимпийских конгрессов* для обсуждения спортивно-педагогических проблем.

- Развертывание в олимпийском движении *спортивного воспитания*, которое ориентируется на идеалы олимпизма.

- *Интеграция спорта с искусством*, в том числе включение художественных конкурсов в программу Олимпийских игр.

- Создание «*спортивной религии*» – восходящей к религиозному ритуалу Античности олимпийской атрибутики и символики (олимпийский флаг, зажигание олимпийского огня, олимпийская клятва спортсменов и судей и т. п.) [подробнее см.: Столяров 2013; 2014; 2017а; 2018].

Таким образом, олимпийская концепция Кубертена – это *последовательно и всесторонне обоснованный социально-педагогический проект с ярко выраженной гуманистической ориентацией*.

Проблемы и трудности Кубертена в формировании гуманистической ориентации олимпийского движения

С существенными *трудностями* в реализации своей концепции Кубертен столкнулся уже тогда, когда предложил проект возрождения Олимпийских игр.

Прежде всего это *полное непонимание* основной идеи данного проекта. Замысел Кубертена восприняли как предложение провести еще одно *шоу* в виде Олимпийских игр, тогда как он предлагал на основе этих Игр развить олимпийское движение, призванное использовать спорт в целях *воспитания, совершенствования* человека и общества в целом. Спустя много лет Кубертен напишет в «Олимпийских мемуарах», что, внося свое предложение о возрождении Олимпийских игр, он пытался предвидеть различные реакции. Но в действительности произошло нечто иное. «Естественно, я предусмотрел все, кроме того, что случилось потом. Думаете, были возражения? Протесты, ирония? Или даже безразличие?.. Наоборот. Аудитория аплодировала, высказывала одобрение, все желали мне большого успеха, но ни один человек меня не понял. Это было началом полного, можно сказать, абсолютного непонимания. И оно продолжалось еще довольно долго» [Кубертен 2011: 12].

Но дело не только в непонимании лидерами олимпийского движения идей Кубертена. Главное – *противоречие* между его замыслом и реальной ценностной ориентацией олимпийского движения. Вопреки замыслу Кубертена уже в начале развития движения в центре внимания оказались *не воспитательные*, а чисто *спортивные* цели и задачи: вовлечение в спорт как можно большего числа людей, содействие высоким спортивным достижениям, *технический уровень организации* соревнований.

Неслучайно в 1925 г. на Конгрессе в Праге Кубертен добровольно ушел с поста президента МОК и стал отходить от активного участия в олимпийском движении. Причем дело вовсе не в состоянии его здоровья, как нередко полагают. Кубертену не удалось реализовать тот основной замысел, который он рассматривал как цель всей своей жизни: использовать Олимпийские игры и олимпийское движение для создания новой системы воспитания человека.

Поэтому он стал искать возможности для реализации своего педагогического замысла вне рамок олимпийского движения – путем создания Международного бюро по вопросам спортивной педагогики и ряда других педагогических организаций. Указывая на причину выхода из состава президиума МОК, Кубертен заявил в своем обращении 29 мая 1925 г. в Праге: «С этого момента я хочу обратить свои усилия на службу народному образованию, ибо я убежден, что современное общество не сможет само воскреснуть из останков, накопившихся в результате амбиций и зла этого общества» [Vialar 1962: 86].

Примечательны и слова, которые Кубертен сказал в своей прощальной речи на педагогическом конгрессе в 1925 г. в Праге. Он призвал спортсменололимпийцев (а тем более руководителей олимпийского движения) продолжать двигаться к вершине той горы, на которой планируется соорудить «храм», идей-

ное основание которого составляет олимпизм, и сделать выбор: либо «храм», либо «рынок»; не следует думать, сказал Кубертен, что можно принять и то и другое [Discours... 1925].

Закат гуманистической ориентации современного олимпийского движения

Особенно значительный отход олимпийского движения от гуманистической ориентации связан с «революцией» в этом движении, которую произвел президент МОК Х. А. Самаранч [Миа, Гарсиа 2013; Миллер 1995].

1. На основе *коммерциализации и профессионализации* олимпийского спорта олимпийское движение фактически превратилось в сферу «большого бизнеса». К числу наиболее важных достижений этого движения стали относить *маркетинговую концепцию* МОК – *олимпийский маркетинг*. На первый план выдвигается как можно более *выгодная продажа* «великого олимпийского символа» – олимпийских колец. «В настоящее время многие люди рассматривают переплетенные кольца не столько как символ намерения Кубертена объединить нации вокруг его идеи, сколько как торговую марку постоянно работающей машины по зарабатыванию денег» [Lennartz 2014: 15].

2. У субъектов олимпийского движения доминирует *технократическое мышление*, особенность которого, как известно, состоит в переносе цели деятельности с человека, его собственного развития, на результат. Голы, очки, секунды, места и медали в технократической системе ценностей данного движения превращаются в самоцель.

3. Коммерциализация олимпийского спорта приводит либо к *полному отказу* от провозглашенных Кубертенем олимпийских идеалов, либо к переводу их из разряда *реальных* в разряд *декларативных*. На первый план в спортивном соперничестве участников Олимпийских игр выходит *не гармоничное развитие личности и не нравственное поведение*, а ценности, выражаемые словами «успех, победа», как и сопутствующие ценности – «слава», «богатство» и т. п. Подлинным символом этой новой главной ценности как Олимпийских игр, так и олимпийского движения в целом является *мифологическая богиня победы Ника* (не случайно, наверное, именно она была изображена на медали Олимпиады-80).

Тем самым Олимпийские игры, которые Кубертен рассматривал как *идеальный образец спортивного соревнования*, ориентированный на воспитание гармонично развитой личности, превращаются в красивое, захватывающее «прибыльное» зрелище, на котором можно (особенно с помощью телевидения) зарабатывать огромные деньги, то есть в *коммерческое спортивное шоу*.

Ярко и образно об этом написал Л. Г. Рейд: «В древности олимпийская победа была представлена как визит крылатой богини Ники (Nike), которая устремилась вниз с Олимпа, чтобы кратко благословить спортсменов божественной короной священной оливы. Для нас, современных людей, победа на Олимпийских играх, более вероятно, связана с огромной многонациональной компанией “Найк” (Nike), которая устремляется вниз с Уолл-стрит, чтобы кратко благословить спортсмена большой зарплатой и временным статусом корпоративного зазывалы» [Reid 2006: 205].

4. Существенно меняется и представление о личности олимпийца. Речь уже не идет о высоких моральных качествах и нравственном поведении в соперниче-

стве. Главная черта олимпийца – высокий (желательно высочайший) уровень спортивного мастерства. Все остальное, в том числе приверженность олимпийским гуманистическим идеалам, оценивается как второстепенное.

Таким образом, *современному олимпийскому движению не удалось выдвинуть на первый план решение задач гуманистического воспитания человека и совершенствования социальных отношений.*

Противоречие между декларируемыми духовными ценностями олимпизма и реалиями олимпийского движения по мере развития этого движения не только *не уменьшается, но становится все более острым.* Первым значимым сигналом этой ситуации послужил кризис, который разразился в МОК в конце 1998 – начале 1999 г. в связи с так называемым «делом о коррупции», когда многие члены Международного олимпийского комитета были обвинены в коррупции после выбора Солт-Лейк-Сити столицей зимних Олимпийских игр 2002 г. Все чаще наблюдается использование Олимпиады в *корыстных политических и пропагандистских целях.* Возрастает стремление олимпийцев *победить любой ценой*, о чем свидетельствуют скандалы, связанные со стремлением участников Олимпийских игр использовать *допинг.* Наиболее яркой иллюстрацией увеличения пропасти между декларируемыми гуманистическими ценностями олимпизма и реалиями олимпийского спорта являются упомянутые события 2017–2018 гг.

Таким образом, факты и аргументы свидетельствуют о *неправомерности* широко пропагандируемого мнения о современном олимпийском движении как *спортивно-гуманистическом*, то есть спортивном движении, главная особенность которого состоит в реальной (а не только декларативной) ориентации на гуманистические ценности, о гуманистической миссии этого движения в области спорта и всего социума. По своей преимущественной ориентации современное олимпийское движение выступает как *спортивно-коммерческое движение.*

Социальное значение и перспективы современного олимпийского движения

На основании изложенного неправомерно делать вывод, будто олимпийское движение, выдвигающее на передний план рекорды, победы и связанные с ними другие прагматические ценности – материальные блага, славу, карьеру и т. д., в настоящее время не выполняет важные социальные функции и потому заслуживает только критической оценки.

Напротив, данное спортивно-коммерческое движение *адекватно* современным социально-экономическим условиям и преобладающей системе ценностей современного общества, а потому *имеет право на существование.*

Во-первых, олимпийский спорт, равно как и другие разновидности спорта высших достижений, *выполняет важные социально-экономические функции* (по крайней мере для участников этого спорта и движения).

Во-вторых, хотя в олимпийском движении не удалось выдвинуть *на передний план* решение задач воспитания человека и совершенствования социальных отношений, некоторые его акции и олимпийский спорт (как и другие разновидности спорта) имеют определенное гуманистическое значение [подробнее см.: Столяров 2004; 2011; 2017б].

Но, признавая важное социальное, а в некоторых аспектах и гуманистическое, значение современного олимпийского движения, ошибочно:

- приписывать этому движению статус *храма*, о чем мечтал Кубертен, то есть социокультурного феномена, ориентированного на реализацию с помощью спорта высоких духовных ценностей;
- пропагандой декларируемых духовных ценностей олимпизма прикрывать ярко выраженную прагматическую ориентацию олимпийского движения, основанную на коммерциализации и профессионализации олимпийского спорта, то есть его реальный статус *рынка*.

Необходимо ли гуманистическое спортивное движение в современном обществе, которое преимущественно имеет прагматическую ориентацию

Принципиальная необходимость такого движения определяется прежде всего тем, что социокультурный потенциал спорта не реализуется автоматически. В спорте заключены возможности не только для позитивного, но и для негативного воздействия на личность и социальные отношения, а кроме того, он может использоваться в антигуманных целях.

Диалектически-противоречивый потенциал спорта определяется тем, что он представляет собой социальную систему, ориентированную на *состязание, соперничество, конкуренцию*. В рамках такой системы каждая из соревнующихся сторон склонна к тому, чтобы в первую очередь пестовать свой интерес, а не общее благо, что является основой для возникновения конфликта. Из-за стремления соперничающих сторон к победе сущностным элементом любого соревнования оказывается *конфликт интересов*. К тому же всегда появляются такие социальные силы, которые стремятся *использовать* эту особенность соревнования для разжигания антагонизма и конфликта между соперничающими сторонами.

Развитие спорта в последние десятилетия показало, что спортивные соревнования не только *могут*, но и *реально* негативно влияют на человека, на отношения между людьми, используются в антигуманных целях. Причем выявилась тревожная тенденция развития спорта именно в этом направлении.

Поэтому *все более актуальной* становится задача противодействия возможному негативному влиянию спортивного соперничества на личность и социальные отношения, возможности антигуманного использования спорта.

В связи с этим формируются новые социальные движения («Спорт для всех», «Новые игры», «ДРОЗД», фитнес-движение, спортивно-оздоровительное движение «Олимп» и др.), которые направляют свои усилия на решение данной задачи.

Социально-философский анализ новых спортивных социальных движений

На основе такого анализа можно выявить многие *позитивные аспекты* концепций и практической деятельности этих спортивных движений. Вместе с тем обнаруживаются и их *существенные недостатки*.

Прежде всего они связаны с используемым понятийным аппаратом.

За рубежом чаще всего используется, например, понятие «спорт для всех», а в России – «массовый спорт», «общедоступный спорт» и т. п. Эти понятия, как правило, являются *неопределенными* и *многозначными*, что затрудняет определение гуманистических задач спортивной деятельности, а тем более средств их решения.

К аналогичным трудностям приводят и бытующие не только на практике, но и в теории представления о специфике «спорта для всех» (массового спорта).

Нередко отличие этого спорта от спорта высших достижений усматривают, например, в том, что он ориентирован на *большее* число спортсменов (то есть он «более массовый») или что для его участников характерны *более низкие* (по сравнению со спортсменами высокого класса) спортивные результаты. При таком понимании двух указанных разновидностей спорта фактически признается лишь их *количественное* различие, а в *качественном* отношении лишь *одна* – спорт высших достижений. «Спорт для всех» (массовый спорт) же оценивается как ее «резерв». Такой подход позволяет *декларативно* ратовать за развитие «спорта для всех» как особой разновидности спорта, призванной содействовать повышению здоровья населения, решению других гуманистических задач, а *реально* ориентироваться лишь на спорт, в котором приоритетными являются высокие спортивные достижения, победа в соревнованиях.

Иногда признается *качественное* различие задач двух разновидностей спорта: главной задачей *спорта высших достижений* считается выявление и подготовка спортсменов высокого класса, а «*спорта для всех*» – использование спорта для решения социально-педагогических задач (оздоровление, целостное развитие личности, активный отдых, гуманное общение и т. п.).

Однако не только среди организаторов спортивной работы, но и среди ученых до сих пор господствует представление о том, что решение *разных задач* «спорта для всех» и спорта высших достижений возможно якобы на основе *одной и той же организации спортивной деятельности*. Такой подход противоречит научной теории организации деятельности, согласно которой для эффективного выполнения разных задач необходимы *разные* формы и методы.

Применительно к спортивной деятельности особенно важное значение, как *впервые* показано в моих публикациях, имеет выбор в спорте такого *способа организации соперничества*, который адекватен декларируемым задачам.

Способ организации соперничества – это принципы формирования программы, состава участников, системы выявления и поощрения победителей соревнования, организации и поощрения сотрудничества его участников, а значит, выбор тех ценностей, норм и образцов поведения, которые поощряются в ходе соревнования, характер этих поощрений и т. д.

В настоящее время при проведении спортивных (в том числе олимпийских) соревнований наиболее широкое распространение получил такой способ организации соперничества, для которого характерны указанные ниже принципы формирования программы, состава участников, системы определения и поощрения победителей.

- Участники соревнования распределяются по группам (с учетом пола, возраста, уровня подготовленности и т. д.), и соревнования проводятся раздельно в этих группах (в частности, инвалиды соревнуются отдельно от других).

- В соревнованиях команд каждая из них, как правило, составляется из представителей одной страны, одного региона, города, учебного, трудового, спортивного коллектива.

- Программа соревнований предполагает узкую специализацию участников в одном виде игровой деятельности (например, в беге, плавании и т. п.) или нескольких ее видах, но в основном требующих проявления односторонних (напри-

мер, физических – в легкоатлетическом десятиборье или интеллектуальных – в шахматах) способностей. При таком подходе спортивное соревнование изолируется от художественных, научных и других творческих конкурсов.

- По итогам соревнования участникам присваивается определенное место. При этом учитываются только результаты и соблюдение правил вида спорта; не принимаются во внимание нравственные аспекты поведения. Количество мест равно количеству участников. На одно место не может быть поставлено несколько участников.

- Лица, занявшие первое место или несколько первых мест (как правило, три первых), всемерно восхваляются и поощряются (в том числе призами и наградами, имеющими большую материальную ценность), тогда как другим обычно достаются лишь упреки, насмешки.

- Предусматривается ограниченный круг форм организации сотрудничества участников соревнования: как правило, это лишь такие формы, как кооперация и взаимопомощь спортсменов в своей команде, а также общение со спортсменами других команд.

Способ организации соперничества на основе указанных принципов я называю *жестким* или *утилитарно-прагматическим*, так как он в первую очередь содействует решению утилитарных задач, связанных с определением и подготовкой сильнейших спортсменов.

Позитивные аспекты данного способа:

- вырабатывает у участников соревнования стремление к постоянному повышению спортивных результатов, физическому совершенствованию, формированию и развитию волевых и ряда других психических качеств;

- позволяет проверить резервные возможности человека;
- создает привлекательное для огромной массы людей зрелище;
- стимулирует интерес к соревнованиям и т. д.

Негативные аспекты:

- содействует формированию такой сильной мотивации на победу, что спортсмены стремятся добиться ее любой ценой – даже за счет нарушения принципов честной игры, приема допинга и т. д.;

- нередко приводит к формированию таких негативных качеств личности, как эгоизм, агрессивность, зависть, содействует проявлению национализма и т. п.;

- предполагает разделение спортсменов на группы в зависимости от их возраста, пола, уровня результатов, физического и психического состояния и т. д. При таком подходе лица с ограниченными возможностями здоровья выделяются в самостоятельную, обособленную от других группу спортсменов-инвалидов. Они соревнуются отдельно от других, что подчеркивает их «ущербность» и содействует их социальному отчуждению.

Значит, для эффективной реализации ценностей гуманизма в спорте в первую очередь необходимо при проведении спортивных соревнований использовать *не прагматический (жесткий)*, а *иной* способ их организации. Необходимы такие *инновационные принципы* формирования программы, состава участников, системы выявления и поощрения победителей соревнования, которые в первую очередь содействуют получению участниками удовольствия и радости от соревнова-

ния, их оздоровлению, физическому совершенствованию, гармоничному развитию личности, социальной интеграции и реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов), формированию гуманных социальных отношений и т. п., а тем самым позволяют наиболее полно и эффективно учесть интересы и потребности различных групп населения для их включения в активные и регулярные занятия спортом. Способ организации спортивного соперничества на основе таких принципов в отличие от прагматического я называю *гуманистическим (мягким)* [подробнее см.: Столяров 2004; 2008; 2011; 2013; 2014; 2017а; 2018].

Таким образом, в деятельности современных спортивных движений наряду с достижениями имеют место существенные *проблемы, трудности, недостатки* в реализации ценностей гуманизма. Это определяет необходимость не только *совершенствования* уже функционирующих движений, но также поиска *новых* социальных движений с целью более эффективного решения задач спортивного гуманистического движения.

На протяжении многих лет я занимаюсь решением этой проблемы в двух основных направлениях.

Первое из них связано с тем, что, несмотря на множество спортивных движений, претендующих на статус *гуманистического*, до сих пор отсутствует *целостная социально-философская теория спортивного гуманистического движения*. Не разработана и *методология*, позволяющая эффективно решать эти исследовательские задачи. С учетом данной ситуации мои усилия направляются на разработку такой теории. Основные ее положения в краткой форме изложены выше.

Второе направление – разработка *прикладных программ* гуманистического спортивного движения.

Авторские прикладные программы гуманистического спортивного движения

В 1988 г. мною был разработан проект развертывания в нашей стране *спортивно-гуманистического движения*. Руководствуясь девизом «*За гуманизм в спорте и посредством спорта!*», оно должно было собрать в единый поток разрозненные ручейки физкультурно-оздоровительной, культурно-воспитательной, благотворительной и других форм гуманистической деятельности в области физического воспитания и спорта, скоординировать усилия различных организаций и отдельных граждан, которые стремятся осуществлять эту деятельность. На первый план при этом выдвигались те направления гуманистической деятельности в области спорта, которые связаны с духовностью и культурой (лозунг движения: «*За духовность, культуру, гуманизм!*») [Спортивно-гуманистическое... 1990].

Концепция и Манифест спортивно-гуманистического движения были предметом обсуждения на Всесоюзной научно-практической конференции и на международных конгрессах – в Сеуле и в Мадриде. 26 апреля 1990 г. был проведен *Учредительный съезд спортивно-гуманистического движения СССР*, на котором был избран *Координационный комитет движения*, намечена *программа* его деятельности и спортивно-гуманистического движения в целом. Для реализации программы был создан *Творческий координационный центр спортивно-гуманис-*

тического движения СССР. Для придания официального статуса спортивно-гуманистическому движению СССР в Министерство юстиции СССР были направлены соответствующие документы.

Известные политические события помешали реализации намеченных планов. Это побудило меня из всей программы развития спортивно-гуманистического движения выбрать для реализации *гуманистический проект под названием «SpArt» («SpArt»)* [Спортивно-гуманистическое... 1990: 13–16].

Первоначально это придуманное мною слово рассматривалось как производное от трех английских слов: *Spirituality* – духовность, *Sport* – спорт и *Art* – искусство. В последующем оно стало рассматриваться как сокращение, составленное из первых букв русских слов: «Содружество Поклонников Активного Разностороннего Творчества».

Данное название более точно отражает ценностную ориентацию проекта и лежащую в его основе концепцию спартианства. Согласно данной концепции, целостно развитую личность (общепринятый гуманистический идеал личности) характеризует не только полноценная сформированность физических, психических и духовных качеств, но также разностороннее (в идеале – всестороннее, универсальное) развитие способностей, их *мультикреативное* развитие и на основе этого достижения в *различных формах деятельности, выполнении разнообразных функций*. Положение о необходимости *универсального* развития личности позволяет оценить концепцию спартианства как разновидность *гуманистической философии универсализма*.

На основе проекта «СпАрт» в нашей стране в течение более 25 лет (начиная с 1991 г. по настоящее время) развивается гуманистическое движение «СПАРТ».

Для решения комплекса задач движения предусматривается комплекс не только *традиционных*, но также и в первую очередь *инновационных* социально-педагогических акций, форм и методов.

К их числу прежде всего следует отнести *СПАРТ-игры*, при организации которых используются инновационные принципы организации соперничества и сотрудничества. Такая организация данных Игр определяет их *уникальность*. Они уникальны по многим своим особенностям: содействуют развитию разносторонних творческих способностей, обеспечивают одновременное и равноправное участие в играх людей разного пола, возраста, интересов, физического состояния и т. д. Так, в Москве с 1991 г. большую популярность имели игры «Спартианская семья». Участники этих Игр – дети с ограниченными возможностями, их родители, а также дети-сироты. В 2011 г. городские игры «Спартианская семья» были включены в план совместных мероприятий ЮНИСЕФ и Правительства Москвы по улучшению положения детей в городе Москве.

Другие СПАРТ-акции, формы и методы:

- СПАРТ-клубы, школы, игротеки, оздоровительно-игровые лагеря;
- Духовно-нравственный кодекс поведения (Спартианский кодекс чести);
- система призов и наград для поощрения высоконравственного и эстетического поведения, красоты действий и поступков в играх и соревнованиях, а также разностороннего и гармоничного развития, успехов не в какой-то одной сфере (спорт, искусство и т. д.), а в различных сферах творческой деятельности;
- новые формы работы в рамках олимпийского движения и др. [подробнее см., например: Столяров 2008; 2018].

Участниками СПАРТ-игр, клубов, оздоровительно-игровых лагерей являются лица разного возраста, пола, разных интересов, различной физической, спортивной и художественной подготовки.

Более чем 25-летнее (с 1991 г.) применение в 20 регионах нашей страны социально-педагогических акций, форм и методов движения «СПАРТ» показало их высокую эффективность в решении важных социокультурных и педагогических задач. Однако в последнее время наметилась тенденция снижения активности в развитии СПАРТ-движения: сокращается число регионов страны, которые раньше активно участвовали в данном движении, уменьшается число проводимых его акций; в 2016 г. в ГЦОЛИФК закрыт Гуманистический центр «СПАРТ», с 1994 г. эффективно выполнявший научно-исследовательскую и методическую функцию в СПАРТ-движении.

В настоящее время с учетом изложенного выше мною разработан проект нового спортивного гуманистического движения, которое призвано *максимально полно сохранить и использовать позитивное содержание, а вместе с тем преодолеть слабости и недостатки современных социальных движений по реализации в спорте и посредством спорта ценностей гуманизма.*

Однако я не очень оптимистично настроен в плане практической реализации проекта этого движения. В условиях господства в нашем обществе рыночных отношений и соответствующей ориентации на утилитарно-прагматические ценности успешно реализуются лишь те социально-педагогические проекты, которые ориентированы на эти ценности, помогают зарабатывать деньги, приносить доход. А гуманистические ориентированные проекты испытывают серьезнейшие затруднения в своем развитии и если не пользуются прямой государственной поддержкой, чаще всего прекращают свое существование прежде всего из-за финансовых трудностей.

Поэтому перспективы формирования и развития нового спортивного гуманистического движения во многом зависят *от позиции государства* в этом плане, и в первую очередь *от приоритетов государственной политики* в отношении тех или иных спортивных движений.

Здесь нельзя не согласиться с мнением по данному вопросу президента Международной федерации физического воспитания П. Серена. «Правительства и социальные лидеры должны произвести “полную перестановку приоритетов”. Вместо того, чтобы все свои силы, время и зачастую щедрость отдавать во благо славы чемпионов (этой новой социальной аристократии), они должны развернуть, энергично и настойчиво, информационную кампанию за здоровье народа, гигиеническую и рекреационную физическую активность» [Seurin 1980: 150–151].

Но такого рода призывы мы слышим в течение уже многих и многих лет. К сожалению, наиболее часто все так и ограничивается одними призывами. Существенный вклад в изменение ценностной ориентации политиков и спортивных функционеров могут и должны внести философы и социологи.

Литература

Дьюри Ж. Олимпийское движение и воспитание // Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе»: сб. науч. материалов. М., 1974. С. 122–130.

Кубертен П. де. Олимпийские мемуары. М. : Рид Групп, 2011.

Миа Э., Гарсиа Б. Основы олимпизма. М. : Рид Медиа, 2013.

Миллер Д. Олимпийская революция: Олимпийская биография Хуана Антонио Самаранча. М. : Физкультура и спорт, 1995.

Олимпийская Хартия (в действии с 9 сентября 2013 г.). Лозанна : Международный олимпийский комитет, 2010.

Спортивно-гуманистическое движение СССР. Основные документы. М., 1990.

Столяров В. И. Социология физической культуры и спорта: учебник. М. : Физическая культура, 2004.

Столяров В. И. Спартианские инновационные формы и методы воспитания и организации досуга детей и молодежи: пособие для педагогов и организаторов досуга детей и молодежи. М., 2008.

Столяров В. И. Введение в мир философии спорта и телесности человека. М. : Университетская книга, 2011.

Столяров В. И. Система олимпийского образования, воспитания и обучения. Бишкек : Максат, 2013.

Столяров В. И. Олимпийское воспитание: теория и практика. М. : Национальное образование, 2014.

Столяров В. И. Современное олимпийское движение: гуманистическая миссия («храм») или «рынок»? М. : Русайнс, 2017а.

Столяров В. И. Спорт вне политики и в мире политики. М. : Русайнс, 2017б.

Столяров В. И. Современный олимпизм и олимпийская педагогика: достижения, проблемы, перспективы. М. : Планета, 2018.

Discours prononce a l'ouverture des Congres Olympiques a L'Motel de Ville de Prague, le 29 mai 1925. Special brochure. Prague : Government Printing Office, 1925.

Lennartz K. From Symbol of Idealism to Money-spinner // Journal of Olympic History. 2014. Vol. 22. No. 1. Pp. 5–15.

McNeely S. A. Cooperation between Educational and Olympic Authorities // Report of the Int. Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. Athens : IOC, 1980. Pp. 260–278.

Müller N. Olympism and Olympic Education. Paper Presented at the 4th Joint International Session for Directors of NOAs, Members and Staff of NOCs and IFs (7–14 May 1998, Ancient Olympia, Greece).

Reid H. L. Olympic Sport and Its Lessons for Peace // Journal of the Philosophy of Sport. 2006. Vol. XXXIII. No. 2. Pp. 205–215.

Seurin P. Olympic Movement and Education // Report of the International Sessions for Educationists 1973–1977–1979, Ancient Olympia. Athens : IOC, 1980. Pp. 141–154.

Vialar P. Pierre de Coubertin (II): The Man and His Work // Report of the 2nd Summer Session of the IOA. Athens, 1962. Pp. 72–88.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ*

Кузнецова Т. Ф.**

В статье с учетом имеющихся представлений о цифровой культуре дается ее понимание в контексте положений новой институциональной экономики. Автор исходит из того, что если из идеи институтов следует структура цифровой экономики, то такова же основа и цифрового общества. Необходимым атрибутом и регулятором такого общества становится цифровая культура.

Ключевые слова: *культурология, цифровая культура, новая институциональная экономика, тезаурусный подход.*

In the article, the author interprets digital culture in the context of existing ideas about it and the provisions of the new institutional economy. The author proceeds from the fact that if the structure of digital economy originates from the idea of institutions, then the digital society should have the same basis. Thus, digital culture appears a necessary attribute and regulator of such a society.

Keywords: *cultural studies, digital culture, new institutional economy, thesaurus approach.*

Введение

28 июля 2017 г. распоряжением Правительства РФ № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которой предшествовал ряд документов, в том числе Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. В программе, в частности, обозначено, что применяемые в ней понятия «используются в значении, определенном в документах стратегического планирования, законодательных актах и иных нормативных правовых актах» [Программа... 2017]. Как же в этом случае понимается цифровая экономика – термин, основной для данного документа, но не имеющий в нем определения?

Согласно Стратегии, цифровая экономика – это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

** Кузнецова Татьяна Федоровна – д. ф. н., профессор Московского педагогического государственного университета. E-mail: kuzline@mail.ru.

повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Стратегия... 2017].

В этой хозяйственной деятельности многое стремительно меняется. В Программе приведены такие данные: в 2016 г. доля жителей, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, составляла 18,77 %. При этом на 100 человек приходилось 159,95 мобильных телефонов и из 100 человек 71,29 использовали мобильный доступ к сети Интернет. Средняя скорость в сети Интернет в России выросла на 29 % (до 12,2 Мбит/с), в связи с чем по этому показателю РФ находится на одном уровне с Францией, Италией и Грецией. К началу 2017 г. российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных вырос до 14,5 млрд рублей [Программа... 2017].

Однако некоторые успехи не устраивают правительство, которое исходит не из заметного роста показателей внутри России, отмечаемых в последние годы, а из мировых сравнений. В Программе отмечается: «По предложению Всемирного экономического форума для оценки готовности стран к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе “Глобальные информационные технологии” за 2016 г. Усовершенствованный индекс измеряет, насколько хорошо экономики стран используют цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, а также оценивает факторы, влияющие на развитие цифровой экономики. Согласно указанному исследованию Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия» [Там же].

Собственно, это «значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров», которое объясняется «пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций» [Там же], определило и появление Программы, и сам ее дух – стремление преодолеть отмеченное отставание, скоординировать для этого все ресурсы. Изменения касаются всей общественной жизни: повседневности, производственных отношений, структуры экономики и т. д. Программа исходит и из установки на перемены во всех частях гуманитарной сферы, включая образование – одно из базовых направлений развития цифровой экономики. Но главное все же состоит в том, что цифровизация экономики и общества в России означает принципиальное изменение хозяйственной деятельности, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме.

Эта впечатляющая картина оставляет на заднем плане один, но важный фактор – фактор культуры.

В Программе, занимающей 87 страниц убогистого текста, слово «культура» употреблено только один раз в такой формулировке: «Задача. 2.12. Мотивировать иностранных граждан на участие в развитии цифровой экономики России.

Вежа: 2.12.3. Создана система развития и поддержки деловых и культурных связей с уехавшими за рубеж соотечественниками, работающими в сфере цифровой экономики». Предполагается, что срок исполнения этой «вежи» – IV квартал 2018 г. [Программа... 2017]. Очевидно, что это очень узкое понимание культуры. Очевидно и то, что культурный фактор попросту оставлен в стороне в стремлении догнать передовые страны на экономическом поприще и сделать основой этой гонки за первенство цифру.

Но было бы неверно из ориентации Программы делать вывод об ориентации всей деятельности по внедрению цифровой экономики в российскую жизнь. Программа преследует определенные цели, в ней, кстати, и обозначенные, и не должна восприниматься как намерение государства перекроить всю жизнь по лекалам цифровой экономики. Все же преуменьшение фактора культуры в управленческих решениях общероссийского уровня ставит задачу понять значение этого фактора, выявить его значимость. Подходы к этому и составляют цель данной статьи.

Новая институциональная экономика и проблема культуры

О российском варианте цифровой экономики особенно активно говорится в 2017–2018 гг. после принятия ряда государственных решений в этой сфере. Вопрос рассматривается и теоретически, и практически, причем практическая сторона продвигается много активнее. Теоретически важно, что цифровая экономика не трактуется вне связи с неэкономическими факторами. А. А. Аузан, возглавляющий экономическое направление подготовки в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, исходит из того, что цифровая экономика на первое место выдвигает проблему культуры и экономическая эффективность становится, таким образом, фактом культурной предрасположенности к ее активным трансформациям в той или иной стране, регионе и т. д. [Аузан 2013]. Его обобщение, что «культура влияет на экономику не меньше, чем экономика на культуру» [Его же], представляется принципиально значимым и в теории, и на практике. Он показывает, почему «страны выходят на различные траектории экономического развития (стабильно более развитые страны и отстающие)», а также и то, «как ошибочные решения давних лет становятся нормами, закрепляются и влияют на дальнейшее будущее страны и какую роль в этих процессах играют культура и образование» [Там же].

Надо учитывать, что А. А. Аузан не только декан экономического факультета МГУ и заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета этого вуза, но и член Экономического совета при Президенте РФ, член Правительственной комиссии по проведению административной реформы. Не случайно его считают сторонником мер по развитию «человеческого капитала» в России. Это, среди прочего, значит, что фактор культуры учитывается при построении прикладных проектов цифровой экономики, хотя этого подчас не видно.

Впрочем, следует учесть, что культурный ракурс, который придают цифровой экономике некоторые прогрессивные теоретики этой технократической в своей основе идее, имеет свои корни в новой институциональной экономике, которую развивает и упомянутый выше А. А. Аузан [Аузан и др. 2011]. Появившись еще

в конце 1930-х гг., это направление теоретической и прикладной экономики к концу 1970-х гг. выросло в заметную школу экономической теории, распространившуюся в США и ряде европейских стран. Еще через два десятилетия возникло Международное общество по новой институциональной экономике. Активные члены этого общества, исследователи Клод Менар и Мэри М. Ширли из Центра экономики Сорбонны при Парижском университете (Пантеон Сорбонна и Институт Рональда Коуза), обращая внимание на эти факты, отмечают, что менее чем за 20 лет направление было отмечено четырьмя Нобелевскими премиями (в том смысле, что такое признание получили четыре представителя данного направления), работы его представителей составили основной объем ведущих журналов по экономике, оно внедрилось в важные политические решения [Ménard, Shirley 2012]. Менар и Ширли пытаются понять, новая ли это парадигма или логическое продолжение неоклассической экономики. Отвергая тех, кто игнорирует выводы новой институциональной экономики (а это часто молодые экономисты) и ссылаясь на Роланда Коуза [Coase 1999], они делают вывод, что данное направление экономического мышления не заменит теорию цен, но поместит ее в новый контекст, гораздо более полезный. Что же это за контекст (или, как говорит Коуз, *a setting* – окружение, условия, параметр)?

Идея новой институциональной экономики состоит в том, что расширение экономической теории должно идти за счет особого внимания к трактуемым как институты социальным нормам и предписаниям права [Rutherford 2001; Alston 2007; Alston *et al.* 2014], а значит, экономические методы надо учитывать и в других социальных науках, и прежде всего применять их к исследованию социальных институтов, на которых и строится вся конструкция общества. Поэтому изучение прав собственности, трансакционных издержек, контрактных агентских отношений и т. д. должно вестись не только экономистами, а всеми гуманитариями, понимание же человека определяется в таком случае тем, что институты вносят особый класс ограничений человеческого выбора и поведения, который определяет характер рациональности и конформизма в человеческом измерении.

Новая институциональная экономика с ее опорой на принцип методологического индивидуализма лежит в основе процедуры понимания в теории цифровой экономики и человеческого фактора, и многообразных культурных аспектов. В этом сила такого подхода, но и его слабость. В чем сила – достаточно понятно, поскольку названная школа экономической теории укрепляется, имеет объективные основания для расширения, привлекая не только принадлежащих к кругу кабинетных ученых сторонников, но и принимающих масштабные решения политиков. Выразителем силы институционального подхода стал сборник статей под редакцией Л. Харрисона и С. Хантингтона «Культура имеет значение», вызвавший в свое время широкий отклик научной общественности. Задавшись вопросом, каким образом ценности способствуют общественному прогрессу, авторы, среди которых крупные теоретики современного мира, например Ф. Фукуяма, отвечают, что это возможно путем трансформации культуры с помощью политических или иных инструментов [Культура... 2002]. Самюэль Хантингтон предисловие к сборнику символически назвал «Культуры – это серьезно» [Там же: 9], и в целом по развиваемым идеям сборник надо бы назвать «Культура имеет решающее значение».

Характерно, что в статьях сборника есть культурные мотивы Латинской Америки, Восточной Азии, где речь идет об «азиатских ценностях» и т. д.

В чем же слабость? Она видится в том, что школа новой институциональной экономики исходит преимущественно из западной системы ценностей. Культура в целом предстает здесь в конечном счете (даже когда говорится о неевропейских странах) в европоцентристской модели, с ориентацией на ее единство и глобальное значение для мира. Человек нередко предстает достаточно ограниченным и минимизирующим свои интеллектуальные усилия, а еще и корыстным, готовым для достижения своих интересов к лукавству. Под лукавством (или вероломством) новая институциональная экономика видит более всего возможность нарушения контрактов, но общий тон рассуждений понятен, и он очень напоминает тейлоризм 1920-х гг. с его представлением о рабочем как о существе от природы ленивом и стремящемся получать много, ничего не делая.

Важно уже то, что в экономике появилось и широко распространилось направление, которое чисто экономические задачи видит в культурном контексте. Но представление культуры здесь создает перспективам экономики в основном одну культурную рамку: культура часто понимается в американском варианте или в варианте, порождаемом глобализацией, что в конечном смысле одно и то же. Глобализационная культура в своей основе есть культура по-американски с некоторыми вкраплениями упрощенных и переосмысленных с позиций европео-американской цивилизационной модели японской, китайской и других культур, откуда взяты, по существу, преимущественно экзотические или с определенным подтекстом символические элементы. Разумеется, в научных трудах по экономике таких упрощенных и основанных на социальных стереотипах с негативной коннотацией образов нет, но присмотримся внимательнее к приводимым в качестве образца культурным сравнениям. Упомянутое предисловие С. Хантингтона начинается с таких оценок: «Просматривая в начале 1990-х гг. экономическую статистику Ганы и Южной Кореи тридцатилетней давности, я был поражен сходством показателей этих стран. Они были близки по распределению валового национального продукта на душу населения, имели похожего отраслевого структуру экономики и жили в основном за счет сырьевого экспорта (хотя Южная Корея уже тогда начала вывозить готовую продукцию). Объемы экономической помощи, оказываемой обеим странам, тоже были примерно равными. Через три десятилетия Южная Корея превратилась в индустриального гиганта... В Гане же, где доход на душу населения составлял лишь одну пятнадцатую южнокорейского, не наблюдалось ничего похожего. Каким образом можно объяснить столь резкие перепады в развитии? Несомненно, здесь сыграли свою роль многие факторы, но, как мне представляется, прежде всего дело объяснялось культурными различиями. Южнокорейцы ценили бережливость, умелое вкладывание денег, образование, организацию и дисциплину. У жителей Ганы были другие ценности» [Культура... 2002]. Это сравнение, само по себе бесспорное, показывает, что деривации научных конструкций в данной области восходят к протоэлементам «свое», «чужое», «чуждое», на которых зиждутся все тезаурусы (см. о тезаурусах в социальных и гуманитарных науках: [Луков 2018]), в том числе и социальных общностей, и культурных ареалов. Соответственно, эта триада присуща и идеологам, теоретикам новой институциональной экономики, исполнителям этой теории на прак-

тике. Они пользуются научной терминологией, научной конструкцией профессиональных знаний, однако картины мира, составляющие ядро тезаурусов, у них систематизируют знания-понимания-умения (термин И. М. Ильинского) по иной модели, которая может быть и не видна [Кузнецова 2012], а на поверхности остается устойчивый образ науки, основанной на присущих ей обобщениях, нередко исходящих из идеала, а не действительности.

Такой же устойчивый, но, на наш взгляд, не всегда *оправданно*, и слишком идеализированный образ новая институциональная экономика придает и основным экономическим категориям. На уровне идеальных типов данная теория рассматривает, например, рынок как основанный на безукоризненной конкуренции, чего не было и нет. Всякие нарушения этого считаются виной государственных структур, которую государство и должно исправить. Американский экономист Гарольд Демсетц, в свое время показавший, что конкуренция характерна не только для рынка, но и для его отношений с фирмами, основанными на частной собственности [Alchian, Demsetz 1972], назвал ориентацию новой институциональной экономики на идеальные понятия «экономикой нирваны». Подобным образом и социальные институты берутся в их идеальном, а не реальном выражении (а значит, с массой несовершенств и противоречий, которые в них возникают в данных временных и пространственных условиях).

Поддержанная Нобелевскими премиями и многочисленными публикациями новая институциональная экономика проникает все глубже в отдельные разделы экономической теории, как бы изнутри преобразуя их. Такова и цифровая экономика в варианте, получающем в России все большее признание тех, кто принимает важные для судеб страны решения. Тема культуры здесь появляется пока редко и в самом общем виде.

Цифровая культура

Цифровую культуру уже не раз определяли, и здесь проявились разные подходы к ее пониманию. В 2012 г. один из номеров электронного «Международного журнала исследований культуры» специально был посвящен цифровой культуре. В нем представлены многие из ее определений. Так, Н. Л. Соколова в своем обзоре основных этапов исследования цифровых медиа и Интернета ставит в один ряд с такой категорией (слово «категория» принадлежит автору обзора), как «цифровая культура», такие, по ее оценке, базовые для исследования новых феноменов, как «цифровые (новые) медиа», «киберпространство», «киберкультура», «посткиберкультура». Она пишет: «Для некоторых исследователей исследовать цифровую культуру – значит просто исследовать переход масс-медиа от аналоговых форматов к цифровым. Здесь цифровая культура фактически отождествляется с новыми медиа. При таком подходе остаются вне поля анализа изменения, связанные с переменами в системе масс-медиа, но выходящие далеко за ее пределы. Для других исследователей изучать цифровую культуру – значит анализировать более широкое поле артефактов и практик, появление которых стало возможным благодаря цифровым технологиям: компьютерные игры, Интернет, компьютерную графику, технологическое искусство и др. Изучение цифровой культуры через анализ ее основных феноменов позволяет определить ее специфику, но, как пред-

ставляется, ограничивает предмет исследования» [Соколова 2012]. Таким образом, цифровая культура исследуется через ее феномены.

Представление о цифровой культуре как о совокупности артефактов достаточно распространено. Д. В. Галкин определяет ее как науку об «артефактах и символических структурах, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закрепленных ментально» [Галкин 2012]. Рассматривая целый ряд определений, он подчеркивает, что «современная цифровая культура должна рассматриваться через анализ ее основных феноменов, к которым относятся видеоигры, персональный компьютер и его модификации, Интернет, искусственный интеллект, системное и прикладное программное обеспечение, компьютерная графика и системы виртуальной реальности, цифровые форматы традиционных средств коммуникации (книги, фотографии, аудио- и видеозаписи, цифровое ТВ), технологическое искусство. Понятие о единой цифровой культуре, а не наборе разнородных феноменов, базируется не только на общем основании бинарного языка, но и на конвергентной природе феноменов цифровой культуры – искусственный интеллект использует в видеоиграх и Интернет, компьютерная графика и анимация разрабатывается в технологическом искусстве, видеоиграх, компьютерных приложениях и Интернет» [Там же]. Этот интересный взгляд все же оставляет за пределами культуры то, ради чего она возникает и сохраняется в обществе.

Фактически в понимании цифровой культуры наметились две линии, которые не пересекаются. Одна трактует культуру через артефакты. Другая усматривает в ней монстра, порождаемого всеобщей цифровизацией, культура здесь скорее название, чем основание для исследования.

Но, может быть, значение культурного фактора во втором случае преувеличено и его стремятся навязать цифровой экономике те, кто профессионально занимается культурой и опасается с развитием цифры остаться не у дел? Либо придерживается такой картины мира, которая в принципе отрицает цифровую экономику, считая ее новой формой рабовладения. Мы уже обозначали, что такие взгляды имеют место [Кузнецова 2018]. Однако они мало что значат, пока за ними не открывается более масштабный феномен неприятия цифровой экономики и вытекающих из нее действий среди масс россиян.

Противоречие между ясными планами и уже предпринятыми действиями государства и бизнес-кругов в сфере внедрения цифровой экономики, с одной стороны, и разочарованием в ее результатах для людей, опасениями бездумной цифровизации их жизненного мира – с другой, есть прежде всего противоречие культурного порядка, то есть преимущественно относится к сфере культуры, которая может испытывать на себе процессы глобализации, демократизации общественной жизни и т. д., но не может преодолеть культурные коды, которые веками и тысячелетиями укоренялись в сознании носителей этих кодов, ментальности народов и рас, связанных с особенностями конкретных территорий с их ландшафтами, климатическими константами, влиянием природных сил, неподвластных человеку, а также религиозными и иными предпочтениями, распространенными картинами мира, которые, как мы подчеркивали выше, являются ядром тезауру-

сов – знаниевых комплексов, дающих социальным субъектам (от индивидов до масштабных социальных общностей) возможность ориентироваться в окружающей среде и творить новое, в том числе и в сфере познания жизненного мира.

Это означает, что теоретическое развитие цифровой экономики требует детальной проработки концепции *цифровой культуры*. Культурологическая по своей природе проблематика оказывается в этом случае тесно соединена с представлениями и ожиданиями, относящимися к типу общества – цифровому обществу, и не может быть успешно освоена и развита на монодисциплинарной основе.

В то же время культурология в контексте формирования цифрового общества должна приобрести новые черты, а частью преобразиться как по содержанию, так и по форме. Появившаяся на стыке философии культуры и конкретных наук о культуре, в частности искусствоведения, филологии, культурной антропологии и т. д., культурология несколько отодвинула в тень проблематику эстетики как чисто философской науки. На I Российском эстетическом конгрессе, состоявшемся в Санкт-Петербурге в октябре 2018 г., появилась секция «Культурологическая эстетика». Раньше такого термина не было, новый термин обозначает направление изменений: культурологическая эстетика должна выявить прогнозируемые преимущества формирующегося общества в России и в мире. Это не только своего рода контрфорс превращения цифры в аналог власти, обезличивания людей, однообразия заранее предсказанных ситуаций и т. д., иначе говоря, не только превращение общества в хорошо управляемый и лишенный социальных случайностей жизненный мир, но и угроза замещения цифрой сферы эстетического. Осмысление социокультурных детерминант эстетического, его деятельностных, институциональных, предметно-вещных, семиотических, информационно-коммуникативных, ментальных и духовных оснований в ситуации становления цифрового общества поможет преодолеть угрозу его одномерности, вести к конструированию более разнообразного и соразмерного человеку и его взглядам на мир обществу.

Цифровая культура – пока только идея, а с позиций тезаурусного подхода – *концепт*, то есть присущее любому тезаурусу обобщение, которое имеет и черты понятия, и черты образа, ценностное содержание которых в самом упрощенном виде сводится к размещению по оси «свое – чужое – чуждое». Лишь по мере более ясного осознания критической массой россиян перспективности для их повседневной жизни и опривыченных социальных и культурных практик цифровой экономики можно будет двинуться и к более четкой структуре цифровой культуры. Очевидно, что эта структура в своей основе будет содержать те же элементы, что и любая другая культура, но эти элементы могут быть по-другому осмыслены в реалиях современности.

Вопрос скорее в том, что считать в этом случае критической массой россиян. Ее надо увидеть как не столько количественную, сколько качественную характеристику. Тогда в ней важным преддверием формирования интеллигенции и социального круга специалистов в ведущих профессиях окажется студенчество, которое в условиях массовизации высшего образования приобретает новые черты и в структуре вузов (а значит, и их образовательных программ), и в социальной структуре. Гуманитаризация образования, о которой немало говорилось и в про-

шлом, когда научно-техническая революция породила практику технократии в управлении всем обществом, теперь приобретает новый смысл. Формирующееся будущее культуры должно обеспечить сохранение свободы как условия самореализации человеческой индивидуальности, право прожить жизнь на основе собственного выбора.

Заключение

Цифровая культура в новой институциональной экономике должна быть прямым следствием обобщений, которые основываются на институциональной природе человеческих сообществ, организации всей коллективной жизни. Иначе говоря, если из идеи институтов следует структура цифровой экономики, то такова же основа и цифрового общества. А если считать его естественным следствием изменений в мире, в том числе в сфере экономики, то необходимым атрибутом и регулятором такого общества и становится цифровая культура.

В этом более широком контексте, чем принято ее определять через присущие ей артефакты, цифровая культура проявит и свои особенные свойства, но ее основа все же будет исходить из того, зачем в обществе при любом его развитии нужна культурная составляющая, что она регулирует, какие функции выполняет, даже если ее носители не придают ей значения, а то и относятся к ней как к символу несвободы, ограничений и назидательных уроков старших поколений.

Литература

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Аузан А. А. «Экономика и культура»: лекция Александра Аузана [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/ekonomika-i-kultura/> (дата обращения: 17.10.2018).

Аузан А. А., Дорошенко М. Е., Иванов В. В., Елисеев А. Н., Калягин Г. В. и др. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: учебник. М. : Инфра-М, 2011.

Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики [Электронный ресурс] : Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). URL: https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: Теоретические вопросы. М. : ГИТР, 2012.

Кузнецова Т. Ф. Цифровое общество в свете культурологии [Электронный ресурс] : Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 1. С. 27–36. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/700> (дата обращения: 17.10.2018).

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002.

Луков В. А. Тезаурусная социология: в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2018.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? [Электронный ресурс] : Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). URL: https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 17.10.2018).

Alchian A. A., Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // *American Economic Review*. 1972. Vol. 62. Pp. 777–795.

Alston L. J. The New Institutional Economics // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by S. Durlauf, L. Blume. London : Palgrave Macmillan Ltd, 2007. Pp. 32–39.

Alston L. J., Mueller B., Nonnenmacher T. The New Institutional Economics: Concepts and Applications. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.702.5962&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Coase R. H. The Task of the Society. Opening Address to the Annual Conference of ISNIE // *ISNIE-Newsletter*. 1999. No. 2(2). Pp. 1–6.

Ménard C., Shirley M. M. New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coase.org/workingpapers/wp-8.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Rutherford M. Institutional Economics: Then and Now // *Journal of Economic Perspectives*. 2001. No. 15(3). Pp. 185–190.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса)

Ванюрихин Г. И.*

Марксизм не погиб, как утверждают некоторые ученые либерального толка. Он сохраняет творческую силу для справедливого переустройства общества на основе заложенных в нем революционных идей и мощного научно-технического прогресса, которого не знали в XIX в. В статье рассматриваются возможности использования марксистских положений для современной жизни. Особое внимание уделено ограниченной («зажатой») конкуренции как глубинной причине отставания страны в области экономики, образования и науки. Показана необходимость введения общественного самоуправления, открытого Марксом, после возвращения народу созданной им собственности.

Ключевые слова: кризис капитализма, потенциальные возможности марксизма, переустройство общества, «зажатая» конкуренция, общественное самоуправление.

Despite the liberal critics, Marxism is still alive. It preserves a creative power for reorganization of society on the basis of its intrinsic revolutionary ideas and a powerful scientific-technical advance which was unknown in the 19th century. This article considers the application of Marxian postulates for the current situation. The author pays peculiar attention to the restricted competition as a profound cause case of a country's lagging in the spheres of economy, education and science. The necessity of popular self-government, discovered by Marx, is shown which should be introduced after the property is returned to the people.

Keywords: crisis of capitalism, potential opportunities of Marxism, reorganization of society, restricted competition, popular self-government.

1. От обожания к сомнению и критике

В советское время мы пережили период обожания Карла Маркса, как и других марксистов. Это обожание иногда носило комический характер. Сорок лет тому назад мой грузинский друг познакомил меня со своей женой Мэлси. Сейчас вряд ли кто-то догадается, что это имя – аббревиатура от имен марксистов:

---

* Ванюрихин Геннадий Иванович – член Союза писателей России, д. т. н., профессор, действительный член Международной академии инновационных социальных технологий. E-mail: g.vanyurikhin@yandex.ru.

Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин Иосиф. В годы моей юности обожание проявлялось во всем, но в тоже время в Советском Союзе была невозможной критика К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», – написал последователь марксизма В. И. Ленин [1973: 43]. Однако и при жизни мыслителя, и после учение Маркса и его личный вклад в развитие мирового процесса подвергались критике многими учеными – философами и экономистами. После поражения советской системы к критике присоединились и российские марксисты.

2. Критики К. Маркса

Например, известный философ Карл Поппер в начале 1950-х гг. [Поппер 1992] утверждал, что: 1) капитализм, описанный Марксом, никогда не существовал; 2) полного и абсолютного обнищания пролетариата, предсказанного экономистом, не произошло; 3) частную собственность, которой Маркс объявил войну не на жизнь, а на смерть, уничтожить не удалось; более того, именно она, как считают современные экономисты, способствовала экономическому прогрессу, ведя общество от одного кризиса к другому, меняя технологические уклады; 4) историцизм, которому следовал К. Маркс (не путать с историзмом), не помог правильно высветить будущее стран и народов; 5) марксизм погиб от марксизма...

Критика марксизма содержится в книге «Наука и власть», вышедшей в 2001 г. в России [Наука... 2001]. В частности, в статье профессора Т. И. Ойзермана «Опыт марксистской критики марксизма» (каково название!) выявлены противоречия в части, касающейся роли кризисов. В «Манифесте...» утверждается, что кризисы перепроизводства «все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества», а в «Капитале» Маркс доказывает, что они являются одним из элементов нормального цикла расширенного воспроизводства капитала: последнее никак не свидетельствует о том, что капиталистические производственные отношения стали оковами производительных сил.

В монографии Р. К. Баландина [2016] автор относит к большой ошибке Карла Маркса его воинствующий атеизм, пренебрежение к состоянию окружающей среды, а также недооценку духовного фактора, в том числе в экономике.

3. Поспорим с критиками

Отметим со своей стороны, что перечисленные претензии можно оспорить. Любое описание капитализма или другой формации как исторической фазы развития общества не может быть полным и абсолютно верным, и с «лозунговым» утверждением К. Поппера нельзя согласиться. То, что полного обнищания пролетариата не случилось, можно отнести и к деятельности самого К. Маркса, а также к угрозе революций, которые произошли в ряде стран, и тому положению, что нищий рабочий не может быть покупателем продукции, без чего теряет смысл производство и становится невозможным обогащение эксплуататорского класса. Добавим, что относительное обнищание населения нашей страны (в последние 4 года), что подтверждено на высшем уровне, также не способствует развитию экономики, даже разрушает ее. С уничтожением частной собственности в России, наверное, поспешили, затем пытались вернуть ее в виде нэпа, а после 1991 г. сно-

ва возвратили, но в самой дикой «олигархической» форме. Добавим, что и классик марксизма Ф. Энгельс уже после смерти К. Маркса признался: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства» [Маркс, Энгельс 1955а: 97]. В России, как известно, диктатура пролетариата вылилась в диктатуру партии и ее руководства, что фактически остановило развитие страны; но в этом Маркс, пожалуй, не виноват.

Историцизм как воззрение, как открытие законов, *однозначно* предопределяющих будущее общества, наверное, заслуживает критики, но что тогда называть наукой, если ставить под сомнение законы и закономерности? В отличие от природы, которая постигается законами (Джеймс Трефил описал 200 законов мироздания), экономика «проходит» через человека и, следовательно, не поддается точному прогнозированию. Но из этого не следует, что наука не нужна и можно отбросить, например, стратегическое планирование, которое подразумевает связь между нашими усилиями и их отдаленными результатами (что требует учета устойчивых связей между различными факторами, которые можно назвать закономерностями). Нам представляется, что общим законом (для природы и для общества) является равновесие или баланс (сил, энергий), но существуют и другие законы, которые простираются на все пространство жизнедеятельности, и они могут быть сформулированы и использованы. «Будущее – это вовсе не продолжение и не экстраполяция прошлого, будущее не существует», – утверждает К. Поппер [1992, т. 2: 486], но в последнее время получает развитие технология *Foresight* (предвидения) как инструмент не только «заглядывания» в будущее, но и сознательного приближения и «построения» его. Поэтому историцизм в его прогностическом понимании, на наш взгляд, нельзя совсем убирать с исторической сцены. Кроме того, людям нужна цель, она рождает энтузиазм и даже позволяет «сказку сделать былью», и нам сегодня не хватает именно такой цели или миссии, которая придавала бы исторический смысл нашим усилиям в построении прогрессивного общества.

«Марксизм погиб от марксизма», – утверждает Поппер [Там же: 478], но есть другие мнения. Для марксизма в России не созрели условия, о чем предусмотрительно писал сам его создатель и вышеупомянутый Ф. Энгельс, а мы поспешили с его «насаждением», как хозяин в трактате Мэн-цзы (IV в. до н. э.) поспешил вытягивать ростки (риса), чтобы они стали наравне с ростками у соседей. В настоящее время капитализм (как необузданное стремление частных компаний к громадной прибавочной стоимости любой ценой) разрушает природу, мировую цивилизацию и самого человека [Экономика... 2014], и утверждать, что «марксизм погиб», неправильно. «Слухи о его смерти были преждевременными», – написал бы Марк Твен. Не случайно труды Маркса снова востребованы мировым сообществом. О роли кризисов после Маркса написано много, а главное – выявлена цикличность кризисных процессов, описаны длинные кондратьевские и другие, более короткие волны, что позволяет готовиться к ним. К. Поппер бы отнес понимание этой закономерности к *историцизму*, но и в наше время нет однозначного толкования роли кризисов: с одной стороны, они знаменуют смену технологических укладов (что положительно), а с другой стороны, они разрушают экономику

(прежде всего слабых стран) – особенно в соединении с усилиями так называемых финансовых идеологических групп, которые «подталкивают» кризисы, используют их в своих целях, играя ценами на нефть, золото и доллары. И здесь можно вспомнить К. Маркса, который писал [Маркс, Энгельс 1955в: 37]: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» (здесь мы имеем в виду плохих людей, которые создают плохие обстоятельства). И то, что нам фактически не разрешают проводить диверсификацию, – это тоже элементы игры влиятельных групп, которые нас «бросают под каток» очередного кризиса [Ванюрихин 2009]. И вместо того чтобы создавать новые технологии (технологии шестого уклада), мы провозглашаем некоторые «прорывы», не обеспеченные ни кардинальными (революционными) институциональными изменениями, ни кардинальной заменой кадров, уже доказавших свою интеллектуальную беспомощность.

В отношении Природы и окружающей среды претензии профессора Р. К. Баландина к марксизму нельзя принять вполне. Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс указывал на необходимость включать в социальный анализ географический и климатический факторы, а в «Капитале» он пишет о природе как о «теле», с которым человек должен оставаться в постоянном обмене [Иглтон 2017]. В защиту ученого можно сказать, что в то время еще в полной мере не осознавалось, какой страшный вред может принести частная собственность Природе, окружающей среде, растительному миру. Ничем не ограниченные потребности *отдельных людей* в конечном итоге разрушают и природную среду, делают ее непригодной для проживания большинства. Эти отдельные люди напоминают крыловскую свинью под дубом. Более того, пресыщение благами жизни у олигархов привело к новому типу потребления, которого не знал К. Маркс, – *симулятивному потреблению*; в таком потреблении важна стоимость, а не полезность товара [Экономика... 2014]. Такая симуляция разрушает не только природу и экономику, но и самого человека; глобальная проблема самоотчуждения человека становится в один ряд с такими проблемами, как экологическая катастрофа, война, терроризм. Как известно, отчуждение и самоотчуждение людей труда – популярные термины раннего Маркса. В одном из произведений молодой Маркс писал: «Итак, посредством отчужденного, самоотчужденного труда рабочий порождает отношение к труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда» [Маркс, Энгельс 1956а: 540]. Теперь мы знаем этого человека, занятого не только агрессивным, но и симулятивным потреблением, одинаково разрушающим природу.

4. Теория прибавочной стоимости К. Маркса и российская практика обогащения меньшинства

Теория прибавочной стоимости, возможно, меньше всего подвергалась критике. Маркс доказал сущность эксплуатации капиталистами наемных работников, показал, откуда берутся баснословные прибыли и на что способны капиталисты (в том числе и либеральные), если им видится громадная прибыль. В России это особенно наглядно предстает на примере наших олигархов, встроенных в систему неолиберального капитализма. Выдающийся экономист Г. Колодко отмечает, что неолиберализм – это кратчайший путь к обогащению меньшинства за счет большинства [Экономика... 2014]. В настоящее время в России 1 % богатых владеют

70 % общего материального достояния страны. Не требует доказательств тот факт, что при таком чудовищном неравенстве никакой прорыв в экономике невозможен. Особенно опасно засилье банковского капитала, какого не было во времена К. Маркса. На заседании Московского экономического форума (3–4 апреля) О. Ф. Дмитриева приводила данные: на помощь банкам правительство за последние 3 года выделило 4 трлн руб., что в 1000 раз больше годового содержания Российской академии наук. Но если РАН, несмотря на униженное положение, создает научные заделы и новые технологии, то роль банков в развитии производства практически сведена к нулю. Заметим, что именно финансовые пузыри (официальный термин экономистов) благоприятствуют тяжелым экономическим кризисам, от которых Россия страдает больше других стран. Гигантскую прибавочную стоимость паразитирующих банковских капиталистов, не создающих никакой стоимости, не смог бы подсчитать даже Маркс.

5. Глубинные причины деградации экономики, образования и науки. К. Маркс о сущности диалектического движения

Несмотря на регулярно принимаемые Стратегии инновационного и другого развития, на декларируемые призывы Правительства России к диверсификации экономики, к созданию инновационных товаров, ничего инновационного не происходит и ничего не получается: общая доля высокотехнологичных российских продуктов на мировом рынке составляет не более 0,3 %. Причиной является вырождение нашего образования, разрушение Российской академии наук и отраслевых институтов, «зжатость» малоформатного предпринимательства, чуткого к инновациям, что, в свою очередь, является следствием отсутствия реального спроса (со стороны местных капиталистов и чиновничьего государства) на научную продукцию, образованных людей и творческих специалистов. Ученые считают, что для появления спроса нужна конкуренция на всех уровнях и во всех ведущих сферах жизнедеятельности, в том числе в политической сфере. Мы подошли к гениальному выводу К. Маркса: «Сосуществование двух взаимно-противоречивых сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения *дурной* стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» [Маркс 1955г: 540]. Таким образом, когда мы фиксируем очередную оглушительную победу правящей *единой* партии, то надо не радоваться, а задуматься о коренной перестройке всей политической и экономической системы. Иначе мы никогда не выйдем из болота, в котором добровольно пребываем последние десятилетия, и надолго останемся сырьевым придатком мирового капитализма – пока есть спрос на наше сырье.

6. К. Маркс об общественном самоуправлении

Одним из выводов марксистской теории является ликвидация частной собственности (см. выше), создание на ее основе общественной собственности и управление ею. К. Маркс в ряде работ пишет о самоуправлении как необходимом элементе нового социалистического или коммунистического общества. Еще в обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов (50-е гг. XIX в.) К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Наряду с новыми официальными правительствами они

(рабочие. – Г. В.) должны сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих» [Маркс, Энгельс 1956б: 263]. В определенной мере можно считать, что и сейчас в России работает буржуазно-демократическое правительство, но советы классиков о создании параллельных правительств невозможно использовать, так как наше современное правительство, конечно, не позволит ничего параллельного. Любая попытка инакомыслия и создания параллельных органов существующими органами может быть отнесена к экстремизму, борьба с которым уже узаконена. Выше мы отметили, что в России поспешили с отменой частной собственности в результате Октябрьской революции, но теперь мы видим, что также поспешили отдать все, что создано народом за десятилетия, в частные и в основном нечистые руки. Пока еще сохраняются возможности не только вернуть народу ренту, на чем настаивал выдающийся экономист Д. С. Львов в его известной работе «Вернуть ренту народу», но и создать новое *цивилитарное* государство с общинной неделимой собственностью, что обосновал выдающийся юрист академик В. С. Нерсисянц [2001]. При решении этих проблем можно вернуться к общественному и местному самоуправлению, о чем писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Когда наступит время общественной собственности и нового социализма (а оно, по мнению автора и других ученых [Экономика... 2014], неизбежно наступит вслед за полным кризисом капитализма, развитие которого мы наблюдаем), тогда наши образованные и креативные специалисты найдут оптимальные способы разрешения главной проблемы: как организовать общественное самоуправление, чтобы собственность и результаты труда распределялись справедливо и чтобы сам труд приобрел высокий и благородный смысл.

7. Как рождается великая энергия

Нас поражают объем и разнообразие научного наследства, оставленного Карлом Марксом совместно с Фридрихом Энгельсом. Как могла родиться грандиозная творческая энергия, воплощенная в эпопее под названием «Капитал», в других трудах классиков диалектического и исторического материализма?

Л. Н. Толстой, анализируя деятельность М. И. Кутузова в романе «Война и мир», отмечал, что мощь прозрения в ход развивающихся военных событий заключалась в народном чувстве, которое носил в себе полководец «во всей чистоте и силе его». Великий писатель недвусмысленно указывает на прямую связь между нравственным («народным») чувством и интеллектуальной творческой энергией. Еще раньше написал наш национальный поэт А. С. Пушкин: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Своего рода народное чувство было и у К. Маркса, и оно было связано с целью, которую ставил ученый. Эта цель неоднократно упоминается в его письмах и работах – освобождение трудящихся от рабства и унижительного бедственного положения [см., например: Маркс 1955б: 428]). Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» определил эту цель как перевод человека труда «из царства необходимости в царство свободы».

В майских указах президента России поставлены смелые гуманные задачи на ближайшие 6 лет. Они требуют не просто напряжения страны, но и задекларированного прорыва, причем этот прорыв должен произойти в условиях падения жизненного уровня людей и санкций, объявленных нам США и поддержанных Европой. Такой прорыв требует мощной творческой энергии и чиновников, и создателей материальных ценностей. Выше отмечалось, что народ не сможет (не будет) напрягаться, пока он не почувствует, что собственность и результаты труда распределяются справедливо. Что касается чиновников, лиц, принимающих решения, а также руководителей крупных предприятий (включая пресловутых олигархов), то можно сказать: пока они озабочены получением только «личной прибавочной стоимости» (см. раздел 4), никакой творческой энергии, необходимой для прорыва, возникнуть не может. Здесь нет ни «народного чувства» М. И. Кутузова, ни стремления помочь рабочему человеку вырваться из бедности и рабства, которое было у К. Маркса. А у страны должна быть великая цель, которую также можно назвать миссией или национальной идеей. Свое понимание национальной идеи России автор изложил в книге [Ванюрихин 2013], в ряде опубликованных статей. Еще до кризиса 2008–2010 гг., опустившего экономику России «на дно», известный экономист Л. А. Абалкин писал: «Весь мировой опыт свидетельствует, что выйти из глубочайшего кризиса, достичь подлинного величия и славы может только та страна, то общество, которые воодушевлены великой идеей, сплачивающей народ и делающей его способным на исторические свершения и подвиги. Это может называться по-разному – национальной идеей, духом народа, идеологией или как-то иначе, но всегда включает систему и иерархию ценностных ориентаций» [Абалкин 2005: 56].

Выводы

1. Карл Маркс признан величайшим мыслителем человечества, и эта оценка сохранится на века. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что гигантская творческая энергия мыслителя могла родиться и проявиться в полной мере только для великой цели – освобождения трудящихся от рабства и унижительного бедственного положения.

2. Заслуга Маркса не только в том, что он открыл новые законы капиталистического мира и сам активно участвовал в революционных преобразованиях XIX в., но и в том, что он дал метод познания сложных общественных систем в их диалектическом развитии. Этот метод уже нельзя опровергнуть, но можно и нужно творчески развивать.

3. Дальнейшее развитие марксизма, по нашему мнению, будет направлено на создание нового, более справедливого общественного строя, на формирование современной системы общественного и местного самоуправления. Такой строй будет отвечать новым бурно развивающимся производительным силам и новым креативным технологиям, соответствующим шестому и седьмому технологическим укладам. Следуя диалектическому материалисту К. Марксу, пора понять, что «люди могут менять обстоятельства своего существования», делать их более человечными, чем они есть в наше время.

4. Если нам удастся поставить новые, космические цели для нашей страны и мирового сообщества и вовлечь в их реализацию людей труда, то многие пробле-

мы, с которыми сталкивается сейчас наш народ (и другие народы), отпадут сами собой. Наш великий поэт XX в. В. Маяковский писал: «Марш! Чтоб время сзди ядрами рвалось, к старым дням чтоб ветром относило только путаницу волос».

5. Глубже понять законы развития нашей цивилизации как части Космоса, заставить само время работать на прогрессивное будущее, – в этом, по нашему мнению, состоит глобальная задача на дальнюю перспективу. Одновременно с преобразованием унизительного и несправедливого настоящего в свободное и справедливое будущее будет расти и сам человек с его неограниченными духовными и интеллектуальными возможностями. И в решении этой грандиозной космической задачи нам должен помочь мощный неукротимый творческий гений Карла Маркса.

Литература

Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения: очерки. 2-е изд. М. : Наука, 2005.

Баландин Р. К. Карл Маркс и «Капитал» в XXI веке. В чем ошибался родоначальник марксизма? М. : Вече, 2016.

Ванюрихин Г. И. Стратегическая стабильность и безопасность общества в условиях глобализации. М. : МАКС Пресс, 2009.

Ванюрихин Г. И. Глобальное управление: творческие подходы к выбору решений. М.; Севастополь, 2013.

Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера Пресс, 2017.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 23. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973. С. 40–48.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1955а.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 39 т. 2-е изд. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955б.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 39 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955в.

Маркс К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 39 т. 2-е изд. Т. 4. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955г.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Политиздат, 1956а.

Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 39 т. 2-е изд. Т. 7. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956б.

Наука и власть: Воспоминания ученых гуманитариев и обществоведов / отв. ред. Г. Б. Старушенко. М. : Наука, 2001.

Нерсисянц В. С. Национальная идея России во всемирно-экономическом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М. : Норма, 2001.

Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. М. : Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Экономика для человека: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / под ред. Р. С. Гринберга и др. М., 2014.

МНОГОПОЛЯРНОЕ, ГАРМОНИЧНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ, СОВМЕСТНОЕ БУДУЩЕЕ И СОЗДАНИЕ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ»*

Чжан Гуанчжи**

Статья подготовлена на основе выступления одного из руководителей крупнейшей китайской провинции Хэнань на Суншаньском форуме (15–16 сентября 2018 г.), который периодически проводится в колыбели китайской цивилизации, городе Дэнфэн. Данный форум представляет собою площадку для межкультурного общения, где затрагиваются вопросы цивилизованного диалога между людьми разных культур, религий и стран. Автор считает, что такой диалог является самым важным инструментом для решения фундаментальных проблем человечества. Он также подчеркивает, что принцип «многополярного сосуществования» – это основная характеристика развития мировых цивилизаций. Человечество живет в «огромной деревне», у нас общая судьба, и мы все больше становимся зависимыми друг от друга.

Ключевые слова: глобализация, культура, цивилизация, человечество, многополярность, гармоничное сосуществование, судьба человечества.

The article is based on the speech of one of the leaders of the largest Chinese province Henan at the Forum, which is periodically held in the cradle of the Chinese civilization (in the city of Denfeng). This forum is a platform for inter-cultural communication where they deal with the issues of civilized dialogue between people of different cultures, religions and countries. The author believes that such a dialogue is the most important tool for solving the fundamental problems of the mankind. He also emphasizes that the principle of 'multipolar coexistence' is the major characteristic of the development of the world civilizations. The humanity lives in a 'huge village', we have a common destiny and become more and more dependent upon each other.

Keywords: globalization, culture, civilization, humanity, multipolarity, harmonious coexistence, the human destiny.

Преамбула

Сентябрь на горе Суншань, стоит погожая золотая осень, в воздухе витает аромат зрелых плодов. Гости и друзья со всех уголков нашей страны и из зарубежья собрались вместе для участия в ежегодном Суншаньском форуме-2018. «Разве не радостно встретить друга, прибывшего издалека?» В процессе культурного

---

* Данный перевод осуществлен по гранту «Изучение современной российской философии» № 18ZDA018. Текст является адаптацией речи автора, произнесенной на ежегодном Суншаньском форуме в 2018 г.

** Чжан Гуанчжи – заместитель председателя 11-го Хэнаньского провинциального комитета политической консультации КНР. E-mail: zhangbaichun@sina.com.

диалога нашего научного собрания мы встречаем старых и новых друзей, и от этого радостно на душе. Данным мне правом, от имени всего комитета Суншаньского форума, разрешите сердечно поприветствовать всех гостей и выразить им искреннюю благодарность! Желаю успеха этому форуму!

1. Суншаньский форум на тему диалога между цивилизациями

Культура диалога (dialogic civilization) сформировалась в результате равноправной коммуникации и кросс-культурного взаимопонимания между разными народами и цивилизациями, что в итоге привело к созданию целого ряда правил, формированию некой транснациональной культуры. Укрепление цивилизованного диалога между людьми разных культур, религий и стран является наиболее важным инструментом для решения самых фундаментальных проблем человечества. В сущности, культура диалога сводится к равноправному диалогу цивилизаций, умению обоюдно выслушать и перенять опыт собеседника. В ходе равноправного общения и диалога цивилизации получают богатый опыт и большой импульс к развитию, создавая культуру, в основе которой лежит доктрина диалога, или, другими словами, культура диалога. По-настоящему жизнеспособный диалог зарождается в межкультурном обмене, он совершенствуется, в него вносятся изменения, поправки, обогащается содержание, диалог развивается, образуются сознательно соблюдаемые всеми общие принципы и правила, даже особый образ жизни и работы, что также является культурой диалога. Совершенный диалог между цивилизациями в теоретическом и практическом аспектах должен культивировать и обогащать почву для системы мира, основанного на принципе толерантности.

В 2012 г. мы пришли к согласию: сделать культурный диалог лейтмотивом наших встреч. В колыбели китайской цивилизации, городе Дэнфэн, «между небом и землей», на Центральном пике Суншань, одном из пяти священных горных пиков, мы организовали этот форум. Он открыт для специалистов, ученых, политиков и предпринимателей разных национальностей и культур, прибывших из китайских городов и из других стран. Форум предоставляет площадку для межкультурного общения, изучения важных вопросов, высказывания мнений. Мы надеемся, что на Центральном пике Суншань характерные мнения представителей различных культур будут сталкиваться, сливаться и взаимодействовать. На данный момент ежегодный Суншаньский форум успешно проводился нами шесть раз, и все это время он сохранял свою самобытность, оказывал существенное положительное влияние.

Во-первых, Суншаньский форум придерживается тематики диалога китайской и мировой культур. На каждом съезде выдвигались различные темы, но они неразрывно связаны с основной: в полной мере отражают открытость, толерантность китайской культуры, а также показывают самые яркие страницы культур со всего света. Диалог улучшает наше взаимопонимание, успешно осуществляются взаимообучение и творчество. Результаты форума подтверждают необходимость и реальность культурного диалога разных цивилизаций.

Во-вторых, Суншаньский форум придерживается модели организации народного научного коллектива. Общение осуществляется посредством взаимодействия между народами разных цивилизаций и культур. Такой вид общения наиболее

свободный, легкий, широкий и глубокий. Уже 6 лет мы настаиваем на модели организации народного научного коллектива, приглашаем специалистов и ученых представителей разных культур и призываем их высказывать свое мнение. Мы способствуем высокой концентрации мудрости разных цивилизаций, сообщаем и ищем пути решения вопросов, с которыми столкнулось человечество.

В-третьих, Суншаньский форум придерживается идеи формирования профессиональной площадки для межкультурного общения. На предыдущие съезды, включая данный, мы пригласили 247 специалистов и ученых со всего мира. Количество академиков международной философии, выступивших на форуме, составило 31 человек. Благодаря общим усилиям форум приобрел известность в мировых научных кругах, среди представителей гуманитарных наук и мировой философии.

2. Раскрытие темы Суншаньского форума-2018

Верховный председатель Китая Си Цзиньпин выдвинул положение о «создании общества единой судьбы всего человечества», и эта мысль имеет глубокий смысл. Цель – заключение долговечного мира, механизм – всеобщее процветание, путь – открытость и толерантность, стремление – честность и красота. Чтобы достичь этой цели, необходимо объединить всю мудрость человечества. Тема настоящего съезда Суншаньского форума – «Многополярное, гармоничное сосуществование, совместное строительство будущего и “общества единой судьбы”». Она тесно связана с руководством к созданию общества единой судьбы всего человечества, отвечает веянию времени и актуальна для каждого.

Принцип *многополярного сосуществования* – это основная характеристика развития мировых цивилизаций. В ходе истории человеческого общества многообразие и многополярность цивилизаций были основными критериями. Чтобы человечество могло выжить, творить и развиваться, каждая цивилизация приложила свои усилия, показала свои сильные стороны. Была ли это китайская цивилизация с многовековой историей, или греческая, римская, египетская, месопотамская, индийская и другие, были ли это цивилизации обширных территорий, таких как африканская, европейская, американская, тихоокеанская и другие, вне зависимости от особенностей конкретной цивилизации, она принадлежала как определенной территории, стране и народу, так и всему миру, всему человечеству. Она была заложена как отдельной страной и народом, так и усилиями всего мира и человечества. Благодаря многообразию и многополярности цивилизаций человечество многогранно. Многополярность цивилизаций позволяет человечеству проявить кипучую энергию, быть преисполненным стремлением к развитию и неудержимой жизненной силой. В нашем мире сегодня насчитывается более 200 стран и регионов, проживает более 2500 народов, говорящих на 5000 языков. Если бы 7 миллиардов человек заговорили на одном языке, имели одну религию, одинаковый образ жизни, одинаково одевались – разумеется, это было бы слишком однообразно и даже невообразимо.

Многополярность цивилизаций – это наследие и основа творчества, источник прогресса человеческого общества. Обозревая процесс становления человеческой цивилизации, мы замечаем, что предпосылкой в диалоге между культурами и среди народов является принцип многополярного существования. Данная тенден-

ция показывает, что культура каждой цивилизации и народа не только глобальна, но и обладает рядом присущих конкретному народу черт, потому как каждый народ вбирает достижения других цивилизаций мира, и в то же время его собственная культура становится достоянием цивилизации всего человечества. Вследствие этого народность цивилизации и общность человечества составляют органичное целое. В систему многополярности цивилизаций каждый народ вкладывает что-то свое, и таким образом непрерывно создает новую культуру данной цивилизации. В процессе создания новой культуры происходят наследование, отбор и неизбежное заимствование плодов развития иноземной культуры.

Гармоничное сосуществование – это главный двигатель развития мировой цивилизации. Страны и народы из разных регионов составляют прекрасное, уникальное целое. Их общие черты: прогресс в общении, достижения во взаимодействии. Разница – это предопределенная основа существования всего живого, многообразие – это энергия и форма развития всех организмов. Если одна форма цивилизации отказывается от взаимодействия, взаимообучения и взаимообогащения с другими формами цивилизации, то она обречена на застой и замкнутость, что, возможно, приведет к гибели. Китайская культура – это образец многополярного сосуществования с другими культурами, взаимного обмена великими достижениями. Из четырех великих цивилизаций она одна не прерывала своего существования. В ходе истории происходили конфликты китайской и других цивилизаций, возникали недопонимания, сомнения и неприятие. Но в подавляющем большинстве преобладали такие явления, как изучение, переработка, слияние, новаторство.

Мир всему живому, гармоничное общение, взаимообучение – все это важный двигатель прогресса человечества. Буддизм, пришедший из Индии, распространился в Китае в заключительный период династии Западная Хань. После периода адаптации буддизм подразделился на три основные школы – школа Чань, школа Тяньтай, школа Хуаянь – и другие направления с китайской спецификой. А после распространился в Японии, Корею, Юго-Восточной Азии, где оказал глубокое влияние на философию, искусство и этикет. Эти китаизированные буддийские школы постепенно слились с китайским конфуцианством и даосизмом, дав шанс развитию конфуцианского учения во времена династий Сун и Мин. Так образовались три великих культурных системы Китая: конфуцианство, буддизм, даосизм. Так же и Древняя Греция вначале приняла арабскую культуру, чем обогатила и продвинула свою, а потом, заложив фундамент цивилизации, распространила ее по всей Европе.

Многообразие культур подразумевает взаимное уважение, взаимообогащение, гармоничное сосуществование, поощряет проявление самобытности, дает надежду на процветание. В истории постоянно можно наблюдать процессы влияния и поглощения между двумя или несколькими культурами. Мы говорим вовсе не об ассимиляции или объединении, а о процессе преобразования в нечто новое. История прогресса цивилизаций, их взаимообучения и общения приводит неоспоримые факты: «Многообразие порождает общение, общение ведет к слиянию, а слияние влечет прогресс»¹. Это означает, что конфликт «чужих» культур можно раз-

¹ Си Цзиньпин в ходе выступления на общих дискуссиях на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил о необходимости «совместно работать над созданием нового партнерства

решить, многополярное сосуществование возможно. В процессе соприкосновения и общения непременно возникнет новая культура. Разница культур – вовсе не источник конфликтов, а стимул к прогрессу для человеческой цивилизации.

Совместное будущее – это прекрасная перспектива для мировой цивилизации. Мир и развитие все так же остаются приоритетом современного общества. Однако в связи с глобализацией экономики, информатизацией общества, многополярностью мира, многоплановостью культур и под влиянием других течений мир находится в состоянии больших перемен, развивается ускоренными темпами. Человечество столкнулось с небывалыми трудностями и вызовами. В условиях глобализации экономики культура по-прежнему многополярна, достижения всех культур и результаты развития и творчества всех народов вносят вклад в экономическое развитие общества. Кроме того, происходят широкое взаимодействие и диалог культур, предотвращающие бедствия и войны, вызванные межкультурными конфликтами. Поэтому в период экономической глобализации необходимо уважать отличительные черты народов разных стран, и столь же необходимо прийти к культурному диалогу, гармоничному сосуществованию и совместному развитию. Только так можно сохранить многообразие человеческой цивилизации, избежать регресса и гибели. С этой точки зрения в настоящее время культурный диалог представляется важным, как никогда раньше. Мы начинаем культурный диалог, чтобы устранить межкультурные конфликты, развенчать межкультурные предрассудки, чтобы вместе построить прекрасное будущее и сохранить при этом самобытную красоту каждого участника диалога. Нужно развиваться совместно, охранять культуру человечества и окружающую среду; учиться друг у друга в процессе диалога, искать силы для новаторских решений; сотрудничать и побеждать в диалоге, достичь всеобщего благоденствия, создавать будущее вместе, осуществить в перспективе «мировое единство»². Цель проведения Суншаньского форума – способствовать продвижению принципа «различаться, находясь в согласии», решать все вопросы посредством культурного общения и диалога, при конкуренции и сравнении стремиться к лучшему и восполнять недостатки, развиваться совместно в процессе взаимообучения. Необходимо сделать межкультурное общение мостом дружбы между народами, силой продвижения прогресса человеческого общества, связующим звеном, оберегающим мир.

3. Вклад Суншаньского форума в создание «общества единой судьбы»

В современном мире невозможно остановить волну экономической глобализации, человечество живет в «огромной деревне», страны нуждаются друг в друге. У нас общая судьба, мы все больше становимся единым целым. Ни одна стра-

---

для сотрудничества в интересах победы и создания общества человеческой судьбы» (см. газету «Жэньминь Жибао» от 29 сентября 2015 г.).

² В декабре 1990 г. известный японский социолог профессор Чжунгэн Цяньчжи и профессор Цяо Цзянь провели Международную конференцию по социальным исследованиям Восточной Азии в Токио, отметив 80-летие ученого и политика Фэй Сяотуна. Фэй Сяотун в основной речи по теме «Антропологическое исследование в Китае – личный опыт» заявил: «В разной красоте есть своя красота (и своя прелесть). Влияние одной красоты на другую, побуждение ее стать еще красивее – в этом тоже есть своя красота. Разные красоты могут совместно существовать под небом – это есть “Татун” в человечестве». Данная точка зрения рассматривается как девиз отношений разных цивилизаций.

на в одиночку не справится со всеми вызовами человечеству, так же как и ни одна страна не вернется к своему закрытому существованию и одиночеству. Невозможно продолжать поддерживать европейскую систему ценностей с ее принципом западоцентризма. Потребность каждой культурной системы мира во взаимном уважении, взаимном диалоге, обоюдном заимствовании, взаимообучении становится все актуальнее. Международное общество настойчиво призывает к новой идее глобального управления, к построению более справедливых государственных систем и порядков, к изысканию лучших перспектив развития человечества.

Период глобализации – это период взаимного обмена культур, современные информационные технологии во главе с цифровой культурой предоставили человечеству быстрый способ сообщения, экономическая глобализация, информатизация общества – социальную основу для совместного пользования ресурсами. Вследствие двустороннего и многостороннего общения культур и цивилизаций происходит их слияние и регенерация. Различные культуры, даже «чужие», обогащаются и процветают в условиях равноправного диалога. «Сообщество единой судьбы» – это понятие сверхкультуры, сверхгосударства, сверхнарода, сверхрелигии, сверхполитики и путь к единению человечества. В период глобализации создание «сообщества единой судьбы» – это проявление общей мировой тенденции, а также путь и цель создания гармоничного мира. С политической точки зрения необходим новый путь диалога, а не сопротивления, компромисса, а не политического блока; экономическое освоение предполагает новый образец «наполнения малых рек водами большой и наполнения большой реки водами малых ручьев». Строительство культуры предполагает слияние при сохранении собственной уникальности, а также совместную жизнь, а не обоюдное уничтожение, общий путь, а не путь наперекор. В политических кругах должно соблюдаться новое положение «общей судьбы и неразрывной связи».

Культура подобна мелкому дождю, который беззвучно орошает все живое, вносит свой вклад незаметно. В основе процесса создания гармоничного мира лежит вопрос многополярности цивилизаций и их гармоничного сосуществования, в котором множественность культур означает признание множества ценностей. Основа философии многополярности цивилизаций и их гармоничного сосуществования – в слиянии при сохранении собственной уникальности. Это понятие базируется на китайской основной космической теории, где два противоположных начала – *инь* и *ян* – являются центром всего. Космология и теория человеческих ценностей составляют корень китайской мудрости. Если рассматривать человеческую многополярную культуру с точки зрения слияния при сохранении собственной уникальности, можно обнаружить, что между разными культурами хотя и возникают конфликты, однако конечная цель все же сводится к гармоничному сосуществованию, взаимопомощи и выгоде. Суншаньский форум создает площадку для равноправного диалога и взаимовыгодного общения разных культур. Мы уважаем многополярность мировых цивилизаций, верим, что на форуме их идеи и догмы совместятся и взаимообогалятся. Мы убеждены, что их диалог вызовет огромный резонанс и преодолет разобщенность, общения будет больше, чем конфликтов, а культурное единение сменит культурные привилегии. Ученые выскажут множество идей, стремясь к созданию гармоничного мира. Мы

непрерывно предоставим человечеству моральную поддержку, обогатим культуры, и всемирный сад расцветет новым цветом и преисполнится жизненной силой.

Далекий путь начинается с первого шага. Надеемся, что за ограниченное время проведения форума мы будем искать истину, свободно высказывать свое мнение, активно выступать и нести подлинное знание, сообща создадим прекрасный проект мировой цивилизации. Давайте внесем вклад в общее дело построения человеческого «сообщества единой судьбы».

*Перевод старшего преподавателя
Северо-восточного университета КНР Гэн Хайтянь*

КОНТУР БУДУЩЕГО РОССИИ: СТРАТЕГИЯ «ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ХОД»

Кочетов Э. Г.*

На переломе второго и третьего тысячелетий встали вопросы высоко-го, тысячелетнего ранга: как расстаться с миром, изнуряющим человека? Каков мир будущего, что впереди? Модель будущего медленно, но неуклонно созревает в мыслях человека, завоеывая умы представителей мировых элит, общественных и государственных деятелей. В палитру мнений, дискуссий, суждений о будущем мощно врывается интеллектуальная мысль России. Попробуем представить ее контур, исходя из реальных мировых процессов.

Ключевые слова: модель будущего; геоэкономическая парадигма; российский «геоэкономический ход»; стратегические цели, задачи, ориентиры; глобальные и региональные геоэкономические проекты; структуры и институты; консолидация ресурсов, диалогистика; гуманитарная космология; «Гуманитарное Сколково».

At the turn of the second and third millennium, the issues of a large millenarian meaning are raised, in particular: How to part with the world exhausting a human? What will the world of the future be? What is ahead? The model of the future slowly but steadily matures in the minds of people, conquering the minds of representatives of world elites, public and state figures. The intellectual thought of Russia powerfully bursts into the array of opinions, discussions and judgments about the future. Let's try to outline it basing on the actual world processes.

Keywords: model of the future; geoeconomic paradigm; Russian 'geoeconomic course'; strategic goals, objectives, benchmarks; global and regional geoeconomic projects; structures and institutions; resource consolidation; dialogistics; humanitarian cosmology; 'Humanitarian Skolkovo'.

Поменьше мифов и иллюзий – современный мир неумолим:
бездеятельность, неумение (или нежелание) обустроить себя экономически
(а в наше время – геоэкономически) приводит к гибели
Человека, Структуры, Государства, Цивилизации.
Жизнь и время!

Удивительная, загадочная цикличность – время от времени мир теряет чувство равновесия, «сезжает с опор» Мироздания. И невольно человека посещает своего рода мания – предугадать свою судьбу, заглянуть за горизонт в будущее. Сейчас мир переживает такой момент: все пришло в движение, достигнутое равновесие сменяется хаосом, над миром витает смертельная угроза гибели из-за идеологических, геополитических, военно-стратегических разногласий и недоговоренностей.

---

* Кочетов Эрнест Георгиевич – д. э. н., президент Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики (2004–2018), академик РАЕН. E-mail: geo-econ-acad@mail.ru.

Вместе с тем потенциал разума и здравого смысла неисчерпаем! Из глубин сознания поднимаются «коды самосохранения» человека, его семьи, страны, мирового сообщества и планеты в целом. Но следует отметить разницу в характере, уровнях и темпах поиска модели будущего, а именно – с разных пьедесталов (платформ) те или иные страны всматриваются в горизонты своего будущего. Здесь своего рода трамплины (орбиты), их «высота» определяет качество и даль горизонтов будущего. Выделим три основные по их значимости (высоте) платформы: геоэкономическую, геополитическую и геостратегическую. Значительная часть мирового сообщества прошла свой путь в траектории геоэкономической (кластерно-сетевой) парадигмы, и перед ним открылись горизонты за пределами глобализации и глобалистики – в свои права вступает новая фаза мирового развития: процесс космологизации и гуманитарной космологии. Этот сюжет рассмотрен автором в цикле работ [Кочетов 2001; 2014; 2006; 2015б; 2017а; 2017б; Kochetov 2017]. Многим странам еще предстоит выйти на эти рубежи, осознав гигантские преимущества и возможности постижения и освоения геоэкономики и геоэкономического пространства. В данной статье этот сюжет рассматривается в сжатом виде.

Рано или поздно во всю свою мощь поднимаются вопросы смены парадигмы мирового бытия. Так было всегда – свидетель тому тысячелетняя история. Наше время не избежало этого: на переломе второго и третьего тысячелетий встали вопросы высокого, тысячелетнего ранга: как расстаться с миром, изнуряющим человека? Каков мир будущего, что впереди?

Будущее – вещь «проектная», моделируемая. Оно, несколько перефразируя известную поговорку, «что дышло, куда повернешь – туда и вышло». Модель будущего медленно, но неуклонно созревает в мыслях человека, завоевывая умы мировых элит, общественных и государственных деятелей.

В палитру мнений, дискуссий, суждений о будущем мощно врывается научная¹ интеллектуальная мысль России. Попробуем представить ее контур, исходя из реальных мировых процессов.

* * *

Мир вступил в XXI век – век исторических перемен. Россия вышла на новые горизонты осознания мира, своего места и роли в нем. Это предопределено новейшим вектором мирового развития: процесс глобализации вошел в свою развитую фазу. Он затронул все сферы деятельности человека – экономику, политику, стратегию, информацию, экологию, историю, международное право. Для страны в целом, для каждого человека открылись новые горизонты, новые масштабы и возможности в бизнесе, политике, науке, культуре, образовании – возможности для самовыражения и самореализации.

В больших преобразованиях исторического масштаба всегда проявляются тщательно выверенные ориентиры и базовые (опорные) параметры продвижения к намеченным целям. Первоочередная цель – превращение России в глобального игрока высокого ранга. Именно исходя из этого формируются **стратегический «ход»**,

---

¹ Ведь «наука – неустанная, многовековая работа мысли свести вместе посредством системы все познаваемые явления нашего мира» (А. Эйнштейн).

ориентиры нашего развития и линия поведения. В основе этого – геоэкономическая парадигма мирового развития (с краткой ее формой читатели могут ознакомиться в работе автора [Кочетов 2018]).

1. Наш ответ на вызовы времени (стратегические предпосылки и условия)

Россия «переводит стрелки» на геоэкономические горизонты.

Причина: стратегическая пауза, начавшаяся с момента завершения холодной войны, неумолимо тает. Необходимо в сжатые сроки завершить «стратегический маневр» исторического масштаба. Для этого предстоит трансформировать внешнеполитическую, внешнеэкономическую и военно-стратегическую деятельность в геоэкономическом ключе по узловым («болевым») точкам в этих сферах. Держать стратегическую паузу! Завершить стратегический маневр!

Цель: а) «связать» геоэкономическим путем негативные тенденции в вышеуказанных сферах; б) обеспечить доступ России к формированию мирового дохода на выгодных условиях; в) использовать внешние ресурсы, консолидированные на интернационализированной основе, для целей развития страны.

Задача: научиться эффективно оперировать в геоэкономическом пространстве на базе использования высоких геоэкономических и геофинансовых технологий.

Механизмы: институционализация геоэкономической сферы. Один из первоочередных шагов – создание реестра российских ударных финансово-экономических трансграничных группировок. Эти структуры выстраиваются по типу холдинг-кластера частно-государственного типа с гибкими внутренними и внешними взаимосвязями между его участниками. Конфигурация холдинга меняется в зависимости от масштаба и специфики реализуемых проектов.

Стратегия: формирование мирового геоэкономического пространства России, в том числе национального геоэкономического атласа, выбор и устремления в сугубо приоритетные и наиболее действенные мировые и региональные ареалы, где просматривается реальное достижение стратегических геоэкономических результатов. Центральный приоритет – ближние горизонты: постсоветское пространство.

Конкретный инструментарий. По каждому из геоэкономических стратегических устремлений России в геоэкономическом пространстве следует отобрать прорывные проекты и приступить к каждодневной практической их проработке на двусторонней, а также (где это возможно) многосторонней основе с созданием хозяйствующих структур (консорциумов, корпораций) и включением в них структур по всему воспроизводственному циклу реализации проектов. Особое звено – кредитно-финансовая и банковская составляющие этих структур.

Общая стратегическая линия. На государственно-доктринальном уровне России четко обозначены геоэкономические стратегические установки: **«Остро встает вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей»** (из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию).

Россия как неотъемлемая и значительная часть глобального пространства непосредственно причастна к формированию инновационных и прорывных кон-

цепций и технологий по преодолению негативных последствий глобальных деформаций, выработке нового тренда (вектора) мирового развития.

Темпы развития, ритм и масштабы изменений до предела сжимают время на принятие решений. Этим предопределяются новая роль, новая ответственность, новая функция глобальных игроков на мировой арене.

Речь идет о провозглашении впервые в мировой практике и продвижении глобальной геэкономической повестки дня, ориентированной на обеспечение благополучия и безопасности всех народов мира. В этом плане геэкономика выводит мир на новые общие цивилизационные и геокультурные ценности.

Здесь можно выделить четыре взаимоувязанных стратегических линии.

Линия первая. Для России решение первоочередных задач во многом предопределено эффективным освоением и обустройством геэкономического пространства на базе кластерно-сетевого подхода: вектор развития – выход к мировым ареалам и точкам мирового роста.

Линия вторая. Время впервые поставило Россию перед острой необходимостью освоить и внедрить (методологически и концептуально) технологии, процедуры и механизмы оперирования масштабными и локальными проектами и инициативами геэкономического плана, тем самым способствуя предотвращению опасных глобальных геополитических и военно-стратегических сдвигов.

Линия третья. Эффективное позиционирование России в геэкономическом пространстве (а в перспективе доминирование в ряде его ключевых точек) напрямую связано с поиском равновесного вектора и баланса геостратегических интересов.

Линия четвертая. Вопрос об участии в механизме формирования и распределения вновь созданной стоимости (условно – мирового дохода), поиск путей, каналов перелива мирового дохода (как всемирного межнационального дохода) в национальные рамки, в пополнение национального бюджета – вот узловый, кардинальный вопрос при рассмотрении проблемы выхода России на освоение геэкономического пространства, включения во всемирные интернационализованные воспроизводственные процессы (циклы)².

2. Наши действия, или как реально приступить к исполнению намеченного, наверстыванию упущенного?

Первое. Необходимо выйти на геэкономическую доктрину национального развития и стратегический арсенал ее реализации.

В настоящий момент в России уже созрело геэкономическое ядро специалистов, готовых взять на себя миссию представить в сжатые сроки геэкономическую доктрину на самый высокий директивный уровень стратегического планирования.

---

² Подробнее об этом см. работы автора: Геэкономика и внешнеэкономическая стратегия России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 11; Геэкономический вызов России // *Россия и современный мир*. ИНИОН РАН. 1995. № 4; Геэкономика и стратегия России. Истоки и принципы построения внешнеэкономической доктрины. М. : Московский общественный научный фонд, 1997; Геэкономика (освоение мирового экономического пространства). М. : БЕК: 1999; 2002; Норма: 2006; 2010; 2011; 2012; Геэкономика. Энциклопедия. М. : Эдитус, 2016; и др.

Второе. Необходимо договариваться об уравнивании геоэкономических интересов. В одиночку добиться полноправного участия в формировании и справедливом распределении мирового дохода России не удастся: в любом случае она столкнется с другими глобальными игроками.

Третье. При формировании глобальной геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические геоэкономические практики. Приступить к реализации ряда глобальных инициатив. Россия отстает от процесса освоения геоэкономического пространства. Задача – наверстать упущенное и выйти с рядом глобальных и региональных программ-проектов, чтобы успеть вскочить в уходящий поезд истории! И здесь следует видеть центральные звенья в цепи назревших проблем.

Осознать геоэкономический подход к внешнеэкономической стратегии России

Здесь на передний план выходит проблема конкурентоспособности, состояния и возможности отечественного экспортного потенциала. Но, говоря об этом, следует прежде всего определиться с методами развития экспортного потенциала, иными словами, ответить на вопрос: какую парадигму в сложившейся ситуации следует заложить в основу национальной внешнеэкономической политики и стратегии, парадигму, которая открывает новые горизонты освоения мирового пространства и повышения экспортных возможностей российских предприятий? Такой парадигмой явилась система геоэкономических воззрений (см. выше). Она легла в основание исследования конкурентоспособности [Байдаков и др. 2010].

На переломе веков в мире окончательно упрочилась тенденция, когда воспроизводственный (геоэкономический) подход ложится в основу современной стратегии по освоению мирового экономического пространства и вывода экспортных потенциалов национальных экономик на мировой уровень конкурентоспособности. Фундаментальная наука высветила это явление, и здесь значительный вклад внесен российской школой геоэкономики и глобалистики, в частности, Общественной академией наук геоэкономики и глобалистики.

Современное понимание конкурентоспособности лежит в плоскости геоэкономических (производственно-инвестиционных) моделей развития. Эти модели вобрала в себя инновационные начала, их сердцевина – знание и «тонкое знание» и на их основе реализация первоклассных глобальных, региональных и национальных проектов. Среди них особую значимость имеют инфраструктурные проекты. Этому посвящена актуальная книга известного российского исследователя, доктора экономических наук А. И. Кузнецовой [2006].

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент. Выход на передовые позиции всегда и везде обязан инновациям. Инновации есть естественное свойство конкурентоспособности. На них держится конкурентоспособность в условиях рыночных начал. Но все дело в ресурсах для обеспечения последней. В эпоху глобализации ресурсы интернационализируются и имеют широкий план (ресурсы интеллектуальные, финансовые, трудовые, производственные, сырьевые и энергетические, организационно-управленческие и т. д.). На консолидирован-

ном (свободном и взаимно согласованном) доступе к этим ресурсам в целях национального развития и выстраивается геоэкономическая модель. Эта тема получила подробное освещение в работах Н. Л. Орловой [2016; 2017].

Формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – проект-программ

Проект-программы направлены на реализацию стратегической задачи по эффективному оперированию в геоэкономическом пространстве как ответ России на технологический и геоэкономический вызовы. Уже просматривается целый ряд уникальных геоэкономических инфраструктурных проектов мирового класса. Среди них – первостепенные направления и программы:

1. Новое направление интеграционного вектора Содружества Независимых Государств – формирование геоэкономического ареала мирового роста на базе инвентаризации и консолидации ресурсов воспроизводственного сотрудничества.

2. Среди масштабных проект-программ – «широтные геоэкономические пояса», идея и обоснование которых впервые выдвинуты российской школой геоэкономики. Широкий геоэкономический пояс (*Latitude geoeconomical belt*) – ареал стратегического оперирования, составная часть геоэкономического атласа мира, широтное «кольцо», выстроенное на базе технологического единства мировых интернационализированных воспроизводственных циклов, выступающих также как зоны геоэкономического влияния и как стратегические «пояса». Пояса имеют разную предметную направленность: транспортную, продовольственную, энергетическую, образовательную и т. д., но логика построения и природа их едина – геоэкономическая. Здесь геоэкономика опрокидывает мировые геополитические воззрения, милитаризм и воинствующий менталитет поборников холодной войны, реванша и схватки за жизненное пространство и ресурсы [Кочетов 2015a]. Здесь берет верх магистральный вектор баланса экономических интересов, консолидация ресурсов в целях развития. Речь идет о совместном формировании ареалов развития от Атлантики до Тихого океана. Так, ярким примером служит стремительный выход на мировую арену двух грандиозных проектов: «Транс-Евразийский пояс “RAZVITIE”» (Россия) и «Новый шелковый путь» (Китай). Но здесь вопрос первого ранга – как своевременно упредить развитие разделительных линий между ними? Как состыковать («свинтить») два параллельных проекта и направить их в совместное русло единого широтного геоэкономического пояса мирового развития и процветания?

3. «НОВЫЙ СЕВЕР» – российская глобальная инициатива³:

– формирование «Единого высокоиндустриального северного широтного геоэкономического пояса». Он предстает как единый глобальный интернационализированный воспроизводственный цикл (ИВЯ-система, или интернационализированное воспроизводственное ядро);

---

³ В укрупненном плане проект состоит из нескольких взаимосвязанных блоков (проект-программ), включающих в себя: философию новации, научно-концептуальную часть, государственно-доктринальный план, систему категорий и понятий, идеологию исследования рисков, образовательный и просветительный блок, а также источник финансирования (создание специальных фондов поддержки научных исследований и образовательных программ и т. д.).

– Север как форпост новой экономики: совместное инфраструктурное обустройство Великого северного морского пути;

– Большой Север: от геополитического «невроза» и силовых конфликтов к геоэкономическому конструктиву (глобальная геоэкономическая инициатива);

– проект-программа «Север: единое интеллектуальное пространство» – структурированная форма научного, просветительного и образовательного блоков;

– российский инновационный проект-программа «Индустриальный Север и российский промышленный Урал – инфраструктурное обустройство». Речь идет о совмещении потенциальных возможностей зарубежных корпораций и потенциала промышленного Уральского региона во взаимовыгодном обустройстве ареала мирового роста на базе постиндустриального геоэкономического вектора развития.

4. Проект-программа «ЭНЕРГОНЕТ» – создание глобальной энергетической сети (как аналога Интернета): объединение в единое целое мировой сетевой энергетики (нефте-, газопроводы и их маршруты, электросети, источники добычи и переработки, генерирующие предприятия, посредники и потребители энергии и т. д.).

5. Проект-программа «ТРАНСНЕТ» – российская глобальная геоэкономическая инициатива: формирование сетевого глобального транспортного кластера как единой мировой логистической системы.

6. Проект-программа «Формирование российских геоэкономических промышленных мегарегионов кластерно-сетевого типа и стратегии их оперирования на мировой арене». В его рамках – активный выход на новые формы организации производства (кластерно-сетевые модели, новейшие структуры постиндустриального типа и др.).

7. Российский инновационный проект-программа «Меридиональная транспортно-коммуникационная система – “Великая Волга”». В основе проекта – создание сквозной водно-железнодорожной транспортной системы, выступающей в качестве эффективно функционирующей транспортной системы Север – Юг (Норвегия – Иран – Индия).

Вышеназванные проекты приведены в качестве иллюстрации масштаба, уровня и возможных конкретных шагов по реализации российской глобальной стратегии-инициативы «Геоэкономическая модель выхода к мировому доходу». Эта модель в развернутом виде подробно представлена в работе М. Ю. Байдакова с соавторами [2010].

Для политологов-международников здесь необъятное поле приложения творческих усилий по созданию условий на международной арене, способствующих реализации прорывных программ-проектов на совместной геоэкономической основе.

Новые институты

Геоэкономическую доктрину и в ее рамках вышеотмеченные инициативы-проекты Россия должна с утроенной энергией выносить на национальные, региональные и глобальные площадки **диалога**. Диалог – не абстрактное понятие. Его ведут конкретные люди, представители конкретных институтов. Страна, обладающая широчайшим спектром организационно-функциональных структур, может свободно и своевременно ставить любые вопросы на интеллектуальных диалоговых площадках и добиваться их решения. Это особенно важно, когда идет смена

мирохозяйственного ландшафта и рождение нового, а вместе с ним и формирование новейшего реестра институтов. России предстоит быстро не только нарастить свои действующие институты, но и создать новые в различных направлениях, прежде всего в рыночной сфере. В укрупненном плане ниже приводятся направления институциональных преобразований в геоэкономическом ключе:

Здесь обозначим следующие первоочередные задачи.

- Подготовить и провозгласить «Геоэкономический манифест».
- Сформировать российское интеллектуальное геоэкономическое ядро специалистов – учредить Геоэкономический научно-аналитический центр стратегического планирования (ГНАЦСП).
- Подготовить проекты «Геоэкономическая доктрина развития России» и «Геоэкономическая концепция внешней политики и стратегии Российской Федерации». При формировании геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики.
- Разработать и принять закон-доктрину «Об общих принципах поведения в глобальных геоэкономических и геофинансовых условиях», а также другие нормативные акты (в том числе дополняющие международные правовые нормы, например, учреждение геоэкономического трибунала как противоядие от геоэкономических войн и засилья в мире геополитических воззрений), регулирующие взаимоотношения участников оперирования на геоэкономическом атласе мира.
- Назрела острая необходимость создания государственного органа – Геоэкономического комитета (ГЭК). Его основная задача – координация оперирующих на мировой и российской хозяйственной арене отечественных и зарубежных структур, формирование геоэкономического атласа мира и его мониторинг в постоянном режиме, прогнозирование геоэкономических ситуаций с целью своевременного выхода российских хозяйствующих организаций к ареалам мирового и регионального роста.
- Приступить к формированию расширенного реестра российских ударных финансово-промышленных структур (групп) стратегического статуса как носителей национальных геоэкономических интересов России с обеспечением их защиты со стороны государства.
- Выйти на новый, геоэкономический уровень разработок проблем национальной безопасности, используя задел в этой сфере. При этом особый упор сделать на проявлении новых вызовов и угроз, опасности отставания России в темпах освоения геоэкономического пространства: в мире идет интенсивный геоэкономический передел, все более явной становится опасность перерастания здоровой конкуренции в геоэкономические войны.
- Приступить к созданию электронной (компьютерной) версии геоэкономического атласа мира, а также его российской (национальной) части как поля для оперирования в мирохозяйственной системе и принятия стратегических решений.
- Приступить к научно-концептуальной проработке новейших высоких геоэкономических и геофинансовых технологий оперирования в геоэкономическом пространстве в целях оснащения ими ударных российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса.
- Назрела острая необходимость в подготовке в высших учебных заведениях специалистов в области глобалистики и геоэкономической стратегии. Приступить

к формированию высшего профессионального образовательного учреждения – Федерального геоэкономического университета.

– Сформировать «Фонд поддержки исследований глобалистики и геоэкономики», наладить издание научных монографий, учебников, словарей, учебных пособий и т. д. Шире использовать опыт научного и общественного обсуждения проблем глобалистики и геоэкономики, геоэкономической парадигмы мирового и национального развития.

– Для успешной реализации российской геоэкономической стратегии нужна трибуна. Речь идет об учреждении журнала международного статуса «Геоэкономика и Глобалистика» как интеллектуальной площадки и трибуны для новейших прорывных идей.

– В содружестве постоянно действующих мировых и региональных форумов (конференций) со специалистами российской школы геоэкономики и глобалистики развернуть работу по проведению на постоянной основе как в России, так и за рубежом форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов по геоэкономической тематике.

Но не только стратегические перспективы как среднесрочного, так и долгосрочного плана занимают умы российского интеллектуального ядра: Россия предлагает миру Большие проекты тысячелетнего ранга.

3. Российские «Большие проекты – выход к Мирозданию нового Ренессанса, и Парадигма Мирового Преображения»

Речь идет о формировании новых философских начал в отношении оценок и будущего «современного» Мироздания, судьбы Человека, Мировой системы, Мирового сообщества и Природы. Здесь говорится не просто о постановке такой грандиозной проблемы – под этот проект уже подведены фундаментальные теоретические, методологические и праксиологические основания. Речь идет не только о глобалистике с веером геонаук (геологистике, геоэкономике, геофинансах, геоинформатике, геомаркетинге, геокультуре и т. д.), а о началах новой фазы мирового развития: о космологизации и освещающей ее гуманитарной космологии, диалогистике и когнитивной сфере Человека.

В данном проекте уже просматриваются и «новые люди», способные к его реализации, люди, заряженные гигантской, неукротимой энергией и желанием видеть наш мир в совершенно других координатах, взглянувшие на него с высоких методологических орбит гуманитарной космологии, орбит, которые дают совершенно новую «оптику» осознания, постижения и отображения нашего мира.

* * *

Россия предлагает Мировому сообществу и Мировой системе поставить на повестку дня диалога на ведущих глобальных интеллектуальных площадках вопрос, связанный с выходом на новые горизонты будущего [Кочетов 2011]. Россия осознала роль и место диалога в судьбах человека и мира в эпоху глобальных трансформаций⁴ и выносит для обсуждения на мировую арену целый ряд перво-

⁴ Проблемы современного мира становятся ключевыми на повестке дня международного диалога. Впервые в мировой и отечественной научной литературе поднимается один из фундаментальных вопросов современности: роль и место диалога в судьбах человека и мира в эпоху

классных инициатив-проектов. Они различны по масштабам, но их все объединяет нацеленность на мировую гармонизацию, равновесие и баланс интересов. Они уже стали достоянием мировой научной мысли, и на их базе формируется «Большой проект» – выход к Мирозданию нового Ренессанса.

Выход на новейшие тематические блоки

1. Вопрос далек от банальности: кто будет своевременно генерировать содержательные повестки? Здесь таится давняя опасность, имя ее – ведомственность. Эту проблему нельзя поручать ни одной узковедомственной структуре. У проблемы всегда находятся оппоненты, которые нивелируют до нуля любые высоко поставленные и, казалось бы, обоснованные проблемы мирового ранга. В принципе здесь нужен институт такого же философского качества и стратегической направленности, как «Сколково». Но если «Сколково» призвано совершить в России постиндустриальный прорыв и тем самым заявить о своей прочной нише в мировой техногенной цивилизации, то, по аналогии, для генерирования мировых гуманитарных новаций требуется **создание такой структуры, как «Гуманитарное Сколково»**⁵. Нам представляется, что в его создании и работе могут принять участие (по аналогии с техногенным «Сколково») лучшие интеллектуалы-гуманитарии национального и мирового уровня.

2. Следует выработать подход к приоритетам в постановке тех или иных вопросов большой значимости. Здесь можно обозначить несколько приоритетных гуманитарных блоков.

– Ценность жизни человека, его достоинство, ценность жизнеутверждающих начал бытия.

– Свобода как перворазрядная ценность бытия и различные аспекты ее реального проявления. Особая грань проблемы: свобода предпринимательства и занятий, свобода творчества, мнений, передвижения. Проблема человека и свободы через призму гуманитарных связей: «Экономика – Диалогистика – Гуманитарная космология – Глобалистика – Геоэкономика». Диалог как мощный барьер на пути наступления на ценности свободы, на ценности гуманизма, на пути разрыва связи «свобода и ответственность».

– Вопрос о войне и мире. Сейчас ситуация в мире такова, что без вынесения этого вопроса на самый высокий пьедестал диалога могут оказаться тщетными не только российские усилия по преобразованию страны на новейшей высокотехнологичной инновационной основе, но и усилия мирового сообщества в построении нового равновесного мирохозяйственного ландшафта, идеи выхода из мировой невзгоды будут недостижимы.

глобальных трансформаций. Делается прорыв к новому знанию в общественных науках – **диалогистике**: раскрываются новые подходы к философии диалога, его движущие мотивационные «пружины», поле, сферы и участники; ставится проблема перевода нового знания о диалоге в научные институты, его оформление и научное закрепление. Выдвигается новая повестка дня «большого» разговора: «Мир на пороге смены эпох». Автор отмечает особую значимость России в мировых делах, в построении нового миропорядка на принципах баланса и равновесия интересов, толерантности и справедливости.

⁵ Идея «Гуманитарное Сколково», как и идея «Ярославская интеллектуальная долина», принадлежит известному российскому философу и издателю Г. М. Сергееву.

– Формирование новейшей институциональной модели обустройства мира. Старые, так называемые «международные институты» в условиях обретшей силу и все более разрастающейся глобализации уже не способны воспринять новые проблемы, новые задачи, новые начинания. И не потому, что они временно ослабли или своевременно не сориентировались, нет, они естественно завершили цикл своей жизни и уходят с исторической арены, как уходит вместе с ними старовестфальская ячеистая международная система членения нашей планеты с ее «лоскутной» политической картой мира.

– Новая парадигма знания о мире, «новое науковедение», путешествие в сферу «незнания» с новыми целями, задачами и мотивациями.

3. Обратные связи: проблема возвращения к «проблемам». Есть проблемы такого масштаба и накала, пребывание которых на повестке глобального диалога должно исчисляться большими промежутками времени – это проблемы тысячелетнего ранга и под стать им вопросы. Одна из таких проблем – «судьба нашего обветшавшего, “современного” Мироздания и выход “новых людей” к Мирозданию нового Ренессанса» – должна завладеть лучшими мировыми интеллектуальными площадками диалога.

Российская интеллектуальная мысль превозмогла этот старый, обветшавший мир, поднялась на высочайшую точку обзора, с которой открываются новые горизонты мироосознания тысячелетнего ранга и откуда уже наплывают на нас Новый мир, Новые смыслы, Новые ценности, Новые мотивации – **Мироздание нового Ренессанса и Парадигма Мирового Преображения как российские «Большие проекты»**. Нужен мощный интеллектуальный импульс. Таким импульсом может стать **Парадигма Мирового Преображения**: на мировую арену заступают «новые люди» с новой «оптикой» осознания неумолимо приближающегося будущего! Общий контур Мироздания нового Ренессанса и Парадигма Мирового Преображения, их структура, теоретические, методологические и праксиологические основания и научные заделы показаны в ряде работ автора [об этом см.: Кочетов 2001; 2014; 2006; 2015б; 2017а; 2017б; Kochetov 2017].

Резюме

Итак, российские фундаментальные научные исследования окружающего нас мира в содружестве с реалистичным подходом к решению острых мировых проблем вписываются в общую мировую тенденцию по снятию посредством мирового дискурса огромного накопившегося слоя бесконечных конфликтов, долгое время опутывавших мир на межах ячеистого сознания и на межах ячеистой международной карты мира, приводящих к кровавым войнам по причинам недоговоренности, недопонимания, а зачастую просто зашоренности и нежелания понимать другую сторону. Всей этой паутине, опоясавшей и Человека, и Мировое сообщество, и Мировую систему, приходит конец. Она снимается, как снимается паутина в старом захламленном доме. И у России в руках для этого надежный и мощный инструментарий – Геоэкономика и Диалогистика [Кочетов 2011]. Пришло реальное осознание необходимости фундаментального поворота в понимании сложившейся «современной» мировой ситуации: российская интеллектуальная мысль, выдвинув парадигмальную связку «геоэкономика – гло-

балистика – гуманитарная космология» в качестве действенного рычага по гармонизации нашего мира, выходит на новый рубеж: концептуализацию глобальной теории диалога цивилизаций. Общий контур решения этой проблемы уже просматривается: новая отрасль знания диалогистика закладывает теоретические и методологические основы диалога в современном мире на всех уровнях позиционирования участников мирового процесса. Геоэкономика и диалогистика как путеводные звезды сопровождают Россию. Россия двинулась в неудержимый геоэкономический поход, меняющий мировую ситуацию и глобальную расстановку сил – совместное обустройство ареалов и точек мирового роста как залога стратегического равновесия на почве балансов интересов. Открывая новую страницу в осознании мира, Россия тем самым открывает новую страницу своей истории.

Литература

Байдаков М. Ю., Кони́на Н. Ю., Кочетов Э. Г., Сапир Е. В., Сельцовский В. Л., Столярова Н. С., Фролова Е. Д. Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России / под науч. ред. Э. Г. Кочетова. М. : Книга и бизнес, 2010.

Кочетов Э. Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М. : Прогресс, 2001.

Кочетов Э. Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М. : Деловая литература, 2006.

Кочетов Э. Г. Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен. М. : Экономика, 2011.

Кочетов Э. Г. Космологизация: новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии. М. : Международные отношения, 2014.

Кочетов Э. Г. Набат! Человек в современном мире. М. : Эдитус, 2015а.

Кочетов Э. Г. МИРЫ: Прологомены к философии преобразования ЧЕЛОВЕКА и его бытия в МИРАХ гуманитарного космоса: научная монография. М. : Международные отношения, 2015б.

Кочетов Э. Г. Парадигма мирового преобразования как модель будущего, ее суть, логика построения, теоретические, методологические и прагматические основания. М. : Эдитус, 2017а.

Кочетов Э. Г. Парадигма Мирового Преобразования как модель будущего (ее суть в максимально сжатом виде) // Век глобализации. 2017б. № 3(23). С. 51–60.

Кочетов Э. Г. Преддверие стратегического успеха: смена политологической тональности (от геополитических воззрений к геоэкономическим). 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/ernest-kochetov-preddverie-strategicheskogo-uspe-ha-smena-politologicheskoy-tonalnosti-ot-geopoliticheskikh-vozzreniy-k-geoekonomicheskim-1>.

Кузнецова А. И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии и прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Геоэкономический подход. М. : КомКнига, 2006.

Орлова Н. Л. Ресурс: Новое прочтение и геоэкономическое измерение экспортного потенциала. М. : Дашков и К°, 2016.

Орлова Н. Л. Ресурсы глобальной экономики (теория, методология, практика): учебник и практикум для магистров. М. : Дашков и К°, 2017.

Kochetov E. G. The Paradigm of the World Transformation as the Model of the Future, its Essence, the Logic of Construction, Theoretical, Methodological and Pragmatic Bases. Moscow : Editus, 2017.

IN MEMORIAM

ГИРУСОВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ

26 июля 1932 г. – 26 мая 2019 г.

Философское и научное сообщество России постигла большая, невосполнимая утрата. Ушел из жизни доктор философских наук, профессор Э. В. Гирусов – один из наиболее ярких, глубоких мыслителей отечественной философии, родоначальник новой научной дисциплины – социальной экологии, основатель и первый президент Экологического фонда СССР, один из основателей Российской экологической академии и многие годы вице-президент, член Президиума и председатель секции «Социальная экология» этой академии. В качестве члена Президиума Философского общества СССР, а затем долгое время исполняя обязанности председателя Ревизионной комиссии Российского философского общества, Эдуард Владимирович внес большой вклад в развитие и популяризацию отечественной философии. Он был членом редколлегий и редсоветов многих коллективных монографий и периодических изданий, активным членом редколлегии журнала «Век глобализации» с момента его основания, то есть с 2008 г.

Родившись в Ленинграде, окончив философский факультет МГУ в 1955 г. и аспирантуру Института философии АН СССР в 1961 г., он всю свою сознательную жизнь посвятил служению философии, развитию и пропаганде идей философского анализа взаимодействия общества и природы. Его новаторские работы:

«Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы» («Природа и общество». М.: Наука, 1968) и «Система “общество – природа”» (М.: Изд-во Московского университета, 1976) были по существу первыми теоретическими работами самого высокого уровня в области философии природы и общества и стали основополагающими источниками для целого поколения ученых на этапе зарождения и формирования социальной экологии.

Эдуард Владимирович обладал выдающимися ораторскими и организационными способностями. Трудно себе представить, но это было именно так – практически все научные конференции всесоюзного и российского уровня по проблемам взаимодействия природы и общества, начиная с 1960-х гг., проходили при его самом непосредственном и активном организационном и научном участии. Его яркие и эмоционально окрашенные выступления буквально зажигали аудиторию, никого не оставляя безучастным или равнодушным. Быть может, немногие знали, но Эдуард Владимирович увлекался поэзией, сам писал замечательные стихи и был настоящим мастером слова.

Двадцать четыре года Э. В. Гирусов был заведующим кафедрой философии Академии наук СССР (ныне РАН), готовя и приобщая к философии и экологии молодых ученых Академии наук. В последние годы он читал курсы по социальной экологии и природоохранной тематике на факультете глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. Его лекции неизменно пользовались большим успехом, собирая большие аудитории и пополняя ряды аспирантов и последователей этого неординарного ученого. Коллеги, аспиранты и студенты высоко ценили доброжелательность, человечность и чувство юмора Эдуарда Владимировича, отдавая должное его высокому профессионализму. Делом всей его жизни была борьба за сохранение окружающей среды и общественное благополучие, что являлось, несомненно, доминирующей чертой жизни и творчества этого замечательного человека.

Глубоко скорбим и выражаем искренние соболезнования семье и близким Эдуарда Владимировича Гирусова.

*А. Н. Чумаков, Л. Е. Гринин, И. К. Лисеев, Н. М. Мамедов,
А. Д. Урсул, А. Д. Королев, И. В. Ильин, Т. Л. Шестова,
И. А. Алешковский, Н. Г. Рыбальский, В. П. Веряскина и др.*

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Vladislav L. Inozemtsev. *Economy and policy of globalization: the lessons of the past for the present and future* (pp. 3–15).

Tu Weiming. *The spiritual humanism: personality, society, Earth and Heaven* (pp. 16–37).

Alexander N. Chumakov. *The peculiarities of education in the sphere of global studies: the urgent issues* (pp. 38–48).

Processes of Globalization

Arkadi D. Ursul. *The establishment of education of the global world* (pp. 49–60).

Natalia V. Popkova. *The formation of global technosphere: stages and prospects* (pp. 61–73).

Eugeniya V. Antipina. *The theory of cyclical development in the 20th – early 21st centuries: the crisis of theory in the age of digital revolution* (pp. 74–86).

Global problems

Yana V. Mischenko. *The global aspect of the nuclear energy security (by the example of Japan after Fukushima nuclear disaster)* (pp. 87–96).

Vladislav I. Stolyarov. *The failure of the humanistic mission of Olympism and humanistic sport movement as a global problem of the modern world* (pp. 97–110).

Tatyana F. Kuznetsova. *The digital culture in the light of theoretical foundations of the new institutional economy* (pp. 111–120).

Nature, Society, and Humans

Gennady I. Vanyurikhin. *Karl Marx and the problems of popular self-government (to the 200th anniversary of Karl Marx)* (pp. 121–128).

Chang Kwang-chih. *The multipolar and harmonious coexistence, common future and creation of ‘a society with a common destiny’* (pp. 129–135).

Ernest G. Kochetov. *The contours of Russia’s future: strategy of ‘a geoeconomic course’* (pp. 136–148).

In memoriam

Ghirussov Eduard Vladimirovich (July 26, 1932 – May 26, 2019) (pp. 149–150).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(30), 2019. – 152 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *К. Р. Ташиланова*
Корректор *Н. В. Самсонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

Е-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 17.06.2019. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,26.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10